ISSN 2072-7607

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 1 (36)

Рязань 2016

ISSN 2072-7607

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-51731

Редакционный совет

А.А. Зимин, и. о. ректора РГУ имени С.А. Есенина
Я.М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, проф. каф. лингвистики и МК (РГУ имени С.А. Есенина)
М.Н. Махмудов, проректор по научной работе РГУ имени С.А. Есенина
Е.С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (РГУ имени С.А. Есенина)

Редакционная коллегия

В.Н. Бабаян, д-р филол. наук (Ярославское высшее военное училище ПВО)
Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)
А.Г. Голодов, д-р филол. наук, проф. каф. ГЯиМП (РГУ имени С.А. Есенина)
В.И. Жельвис, д-р филол. наук, проф. (Ярославский гос. пед. ун-т имени К.Д. Ушинского)
С.Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Ин-т филос. и права Нац. акад. Армении, Ереван)
Е.В. Игнатова, канд. пед. наук, доц. (РГУ имени С.А. Есенина)
Т.Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)
С.С. Куклина, д-р пед. наук, проф. (Вятский гос. ун-т)
Ф.А. Литвин, д-р филол. наук, проф. (Орловский гос. ун-т)
Е.Г. Логинова, канд. филол. наук, доц., СНС, каф. ГЯиМП (РГУ имени С.А. Есенина)
А.М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федер. ун-т)
С.Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)
Т.С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский гос. техн. ун-т)
Е.Н. Соловова, д-р пед. наук, проф. (Высшая школа экономики, Москва)
В.Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Ярославль, МУБиНТ)
И.М. Шеина, канд. филол. наук, проф. каф. вост. яз. и МП (РГУ имени С.А. Есенина)

Редакторы иностранного текста

Е.С. Устинова (английский язык), **Е.В. Игнатова** (немецкий язык),
Ван Цзиньлин (китайский язык), **А.С. Шмунер** (японский язык)

По вопросам публикации обращаться по адресу:
e.ustinova@rsu.edu.ru

Журнал выходит 4 раза в год. С 01.12.2015 г. журнал **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес и телефон редакции:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: (4912) 21-57-23

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2016
© «Иностранные языки в высшей школе», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Стратегии и тактики публицистического дискурса

Голодов А.Г.
Политические контаминанты с серийными компонентами
(на материале немецкого и русского языков) …….……..…. 7

Полатовская О.С.
Кооперативная модель взаимодействия (на примере интервью
с американскими политическими деятелями 2015–2016 годов) …… 15

Степанов В.Н.
Трансгрессия и трансгрессивность в медиапространстве и медиатексте ……. 23

Раздел II
Интрасемиотический и интерсемиотический перевод

Колкер Я.М.
Концепт, концептосфера, перевод …….……... 34

Логинова Е.Г.
Семиотическое уподобление как функциональная основа кодовых переходов в дискурсе ……... 43

Марьяновская Е.Л.
Постпереводческий анализ как осознанная необходимость ……..…… 52

Фатеева Н.А.
Проблемы редактирования художественного перевода поэзии и саморедактирования …… 62

Юэ Фэн, Ю Цзюньин
Между верой и переводом: передача в переводе религиозных терминов
(на примере работ Джеймса Легга) (*на английском языке*) …… 71

Раздел III
Лингвистические предпосылки экспрессивности текста

Гриднева Ю.Ю.
Возможности обучающей анкеты для обучения студентов первого курса
языковым средствам обеспечения экспрессивности высказывания ……. 77

Кожетьева Т.А.
Грамматическая недооформленность на примере немецкого придаточного предложения ……... 85

Раздел IV
Институт Конфуция:
лингвистические и лингводидактические исследования

Бай Цзин
Прагматические ошибки китайцев в процессе межкультурной коммуникации
и способы их устранения
(на примере непереходных глаголов и пассивного залога японского языка) ……. 90

Фэн Юй
Концепт «праздник» в языковой картине мира русских и китайцев …… 97

Чжан Цюаньфэн, **Ван Цзиньлин**
Сравнительный анализ интертекстуальности русского и китайского политического дискурса
(на примере выступлений глав государств РФ и КНР на заседании юбилейной
70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) ……... 105

Чжэн Гуанцзе
Лексические средства создания антиутопического мира
в романе Д. Глуховского «Метро 2033» ……. 115

Сведения об авторах …….. 121

List of Authors …….. 123

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами …….. 125

TABLE OF CONTENTS

Part I
The Strategies and Tactics of Publicist Discourse

Golodov, Aleksandr
Political Contaminations with Frequently Occurring Components
(based on German and Russian political language) …….…….. 7

Polatovskaya, Olga
Model of Cooperative Interaction (illustrated by interviews
with American Politicians, 2015–2016) ……... 15

Stepanov, Valentin
Transgression and Transgressiveness in Mass Media Space and in Media Texts ……... 23

Part II
Intra-Semiotic and Inter-Semiotic Translation

Kolker, Jacob
Concept, Conceptual Sphere, Translation …… 34

Loginova, Elena
Semiotic Analogy as a Functional Basis for Code Metamorphoses in Discourse ….…….. 43

Maryanovskaya, Elena
Post-Translation Analysis as an Ever-Growing Necessity ……... 52

Fateeva, Natalia
Problems of Editing and Self-Editing in Poetry Translation …….. 62

Yue Feng, Yu Junying
Between Faith and Translation:
A Case Study of James Legge's Rendering of Religious Terms …….. 71

Part III
Linguistic Prerequisites of Text Expressiveness

Gridneva, Yulia
Educational Questionnaire as a Tool of Teaching Linguistic Means of
Expressiveness to First Year Foreign Language Majors …….. 77

Kozhetyeva, Tatiana
Incomplete Syntactical Integrity (Nichtgeformtheit)
as Exemplified by Parceled Subordinate Clauses in German …….. 85

Part IV
Confucius Institute:
Linguistic and Linguo-Didactic Studies

Bai Jing
Pragmatic Mistakes Made by Chinese Students of Japanese and Ways of Error Eradication (exemplified by intransitive verbs and the Passive Voice in Japanese) …… 90

Feng Yu
The Concept of "Festival" in the Linguistic World-Image of Russian and Chinese People …… 97

Zhang Quanfeng, **Wang Jinling**
Intertextuality in Russian and Chinese Political Discourse: a Comparative Study (based on speeches of the Russian and Chinese leaders at the 70th session of UN General Assembly) ……. 105

Zheng Guangjie
Lexical Means of Creating an Anti-Utopian World in Glukhovski's Novel "Metro 2033" ……..... 115

List of Authors (in Russ.) …….. 121

List of Authors (in Engl.) …….. 123

Requirements to the Papers Submitted (in Russ.)* ……... 125

* Available in English at : http://fljournal.rsu.edu.ru/en

Раздел I
Стратегии и тактики публицистического дискурса

УДК 81’42 + 81’373.43

А.Г. Голодов, *д-р филол. наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Политические контаминанты с серийными компонентами (на материале немецкого и русского языков)

В статье исследуются средства создания экспрессивной оценочности в политической лексике различных языков. Цель работы – показать становление англо-американского словообразовательного элемента в качестве базисного компонента в основном антропологических контаминантов, которые выражают экспрессивную оценочность средствами словообразования. Контаминация представляет собой вербальную реакцию на актуальные события, кризисные ситуации, а также на особо интересные эпизоды в политической и общественной жизни. Кроме того, контаминанты в публицистике и в интернете оказывают влияние на общественное мнение и на восприятие им соответствующих событий. Контаминация чаще всего служит для сатирического обозначения понятий, которые в данный момент являются наиболее значимыми для населения, представляя собой его вербальную реакцию как на политическую, так и на повседневную жизнь. За счет этого они притягивают внимание читателя, кратко и четко формулируя идею высказывания или всей статьи. Контаминанты стали жестким средством, используемым в политической публицистике. Они являются в какой-то степени выражением «политической ментальности» современного общества. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Англо-американское заимствование *-гейт (-gate*) применяется в качестве серийного компонента в составе контаминантов в немецком и русском языках. Употребление *-gate (-гейт)* носит точечный характер, что типично для такого вида языковой игры, как контаминация в целом. Компонент *-gate (-гейт)* служит в языке политики, как правило, для образования антропонимических контаминантов с ярко выраженным негативным значением. Такие контаминанты применяются для экспрессивно негативной характеристики каких-либо скандальных явлений, главными фигурантами которых стали соответствующие персоны. Чаще всего антропонимические контаминанты образуются в результате *гибридного слияния целого слова с сегментом другого слова*. Модель 2: *«X + Y(y1 + y2) = K(X + y2)»*. При этом в роли «целого слова» выступает имя главного фигуранта эпизода.

антропонимическая контаминация, язык политики, серийный компонент -гейт, гибридное слияние

Golodov, Aleksandr, *PhD (Doctor of Philology*)
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Political Contaminations with Frequently Occurring Components (based on German and Russian political language)

The article studies the means of creating expressive evaluation in the political vocabulary of different languages. Its goal is to trace the role of an English-American word-building component as a vehicle for numerous anthropological contaminants, which rely on word-building for their expressive effect. Contamination is a verbal reaction to present-day events, crisis situations and exciting episodes in political and social life. Used in mass-media and the Internet, contaminants have a powerful impact on public opinion and perception of the current events. As a rule, contamination is used for purposes of satire and targets the concepts which appear of great significance at the moment. Contaminants represent the verbal response of the population to everyday reality and political events, which accounts for the attention they draw. Besides, contaminants often embody, in a compressed and clear-cut form, the message of an utterance or of a whole journalistic article. Contaminants have become a tough means of expressing the “political mentality” of modern society.

© Голодов А.Г., 2016

Our research of contaminants in political language has led us to several conclusion. The British-American borrowing "-*gate*", used in Russian and German, is strictly goal-oriented, which is typical of contamination as a kind of word-play. In political language, the component "-*gate*" almost invariably serves to invent anthroponymic contaminants with a pronounced negative connotation. Such contaminants lend negatively-charged expressiveness to the coverage of some social scandal and the people who are in the limelight. Anthroponymic contaminants are usually composed by hybrid fusion of a whole word with a segment of another word. In our classification, it is described as Model 2: " X + Y(y1 + y2) = K(X + y2)", with the name of the focal figure serving as the "goal word".

anthroponymic contamination, political language, frequent component, "-gate", hybrid fusion

Многие перспективные научные направления возникают в зоне пересечения различных областей знания. На пересечении политологии и лингвистики возникло направление *политическая лингвистика*, которая занимается изучением политических текстов, используя дискурсивный подход. «Это означает, что каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов…» [1].

Известно, что современная публичная коммуникация «выполняет своеобразный "социальный заказ", стремится быть доступной, яркой, экспрессивной, старается отвечать актуальной речевой моде. Отсюда многочисленные коллоквиализмы, экспрессивы, иноязычные варваризмы, жаргонизмы…» [2].

Важную роль как средство создания экспрессивной оценочности выполняют окказионализмы, «…выражающие оценочное содержание средствами словообразования», которые «являются продуктом индивидуального творчества и в силу этого представляют собой значительно более редкое явление в текстах СМИ» [3].

К окказионализмам относятся также и контаминанты, «…выражающие экспрессивную оценочность средствами словообразования. Роль этого вида словообразования в создании экспрессивной оценочности трудно переоценить. Контаминация представляет собой вербальную реакцию на актуальные, важные события, кризисные ситуации, а также на особо интересные эпизоды в политической, общественной и спортивной областях. Контаминанты в публицистике и в интернете служат не только экспрессивно-оценочному обозначению определенных предметов и явлений, но также оказывают влияние на общественное мнение и на восприятие им соответствующих событий» [4].

«Контаминанты стали жестким средством, используемым в политической публицистике. Они являются в какой-то степени выражением "политической ментальности" современного общества, а степень их негативной оценочности зависит от степени поляризации и политического противостояния в соответствующем обществе…» [5].

Негатив всегда привлекает внимание людей, что постоянно используют СМИ, перегружая новостные передачи различными отрицательными сведениями. Таким образом решаются как минимум две проблемы:

1) привлекаются дополнительные читатели и зрители;

2) запуганными с помощью негативных сообщений людьми политикам легче манипулировать.

В отличие от многих других видов специальной лексики, язык политики склонен к экспрессивно-оценочному выражению соответствующих специальных понятий. При этом решающим является не обозначаемое, а его характеристика и то, каким образом это преподносят СМИ. Контаминацию можно рассматривать как вербальную реакцию на кризисные ситуации и актуальные события в политической, общественной и спортивной областях.

---

[1] Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2007. С. 7.

[2] Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 32.

[3] Там же. С. 33.

[4] Голодов А.Г. Особенности контаминации в немецкой политической публицистике // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2013. Вып. 2 (25). С. 5.

[5] Там же. С. 9.

Контаминация является выражающим экспрессивную оценочность экзотическим видом окказионального словообразования, поскольку ее применение носит ограниченный, то есть «точечный» характер» [6], который производит эффект неожиданности и создает визуально-вербальную картину соответствующего явления. Роль этого варианта словообразования в создании экспрессивной оценочности крайне важна.

Контаминация находит свое выражение чаще всего в заголовках различных сообщений, где они сразу же обращают внимание читателей на соответствующую статью, а затем, как правило, неоднократно повторяется и в тексте самой статьи.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что исследование явления политической контаминации относится к актуальным задачам современной политической лингвистики.

Несомненный интерес представляет собой проблема исследования *серийных* компонентов в составе контаминантов, особенно тех, которые употребляются в нескольких (в первую очередь неблизкородственных) языках.

К таким можно отнести англо-американский заимствованный компонент *-gate* (*-гейт).* Контаминанты с последним возникли по аналогии с появившимся в 1972–1974 годах в США в результате политического скандала термином с негативной окраской Water-***gate***. Скандал был вызван фактом незаконного проникновения агентов партии республиканцев в предвыборный штаб Демократической партии, который находился в отеле *Watergate*, что привело к отставке президента Р. Никсона, который оказался замешан в этой акции.

С тех пор имя отеля *Watergate* стало символом нарушения закона и порядка в целом ряде языков. В английском языке для негативной характеристики всевозможных политических (и околополитических) скандалов вскоре стал применяться только второй компонент композита Water-***gate***. Англичане быстро поняли, что для придания соответствующим контаминантам негативной оценочности, чтобы все сразу же вспомнили об Уотергейте (слово, которое ассоциируется с понятием «скандал»), достаточно лишь компонента *-gate,* в качестве репрезентанта всего наименования.

В немецком языке *-gate* впервые появился в 1987 году. Тогда журнал DER SPIEGEL применил этот компонент в составе контаминанта Waterkant*gate* (где северно-диалектное *Waterkant* заменило общелитературное *Küste*). Таким образом журнал охарактеризовал событие, известное в ФРГ как Barschel-Affäre. Так в Германии называли политический скандал в федеральной земле Шлезвиг-Гольштейн (Schleswig-Holstein), министр-президент которой был обвинен в манипуляциях против политических противников. 11 октября 1987 года в отеле было найдено тело Уве Баршеля (Uwe Barschel), которое лежало в ванной. Умер он от яда, но было ли это самоубийством или отравлением – так и не удалось установить.

В 2013 году «Общество немецкого языка» (GfdS) выбрало *-gate* «англицизмом года». В качестве обоснования своего выбора жюри привело тот факт, что компонент *-gate* в последние годы был очень продуктивен как словообразовательное средство, с помощью которого появилось много соответствующих лексических инноваций.

В рамках предлагаемой статьи рассмотрены некоторые популярные контаминанты, которые образованы на базе англо-американизма *-gate (-гейт)* и употребляются в нескольких языках.

Весь исследуемый материал можно подразделить на пять групп, которые включают контаминанты, встречающиеся:

1) только в русском языке;
2) только в немецком языке;
3) в немецком и русском языках;
4) в русском, английском и немецком языках;
5) в английском и русском языках.

[6] Голодов А.Г. Особенности контаминации … С. 6.

1. Контаминанты, встречающиеся только в русском языке

После своего увольнения министр обороны А. Сердюков попал под следствие по обвинению в халатности. С самого начала в прессе и интернете для наименования этого дела был применен контаминант:

– *Сердюков-гейт* = *Сердюков* + уотер-*гейт* (модель 2: $X + Y(y1 + y2) = K(X + y2)$ – гибридное слияние целого слова с сегментом другого слова): «Трудно сказать, что действительно произошло в тот момент, когда президент подписал свой приказ об увольнении А. Сердюкова с поста министра обороны “в интересах следствия”… С самого начала расследования этого дела, получившего сразу же имя “Сердюковгейт” по аналогии с известным скандалом “Уотергейт”, в результате которого президент США Никсон потерял свой пост, стало ясно, что прикрытие у бывшего министра обороны самое мощное. Сердюкову фактически предоставили статус неприкосновенности вместе с государственной охраной» [7].

В качестве реакции на появившиеся в последнее время скандальные разоблачения о поддельных диссертациях в русском языке был образован контаминант:

– *диссер-гейт* = *диссер*-тация + уотер-*гейт* (модель 1: $X(x1 + x2) + Y(y1 + y2)= K(x1+y2)$ – слияние двух сегментов различных слов).

В статье из интернета читаем: «Завтра ежегодная студенческая *научная конференция РЭШ* (о качестве работ магистров можно судить по серии “*Лучшие студенческие работы”*), проводящаяся уже, кажется, шестнадцатую весну подряд, откроется ключевым докладом замминистра образования и науки Игоря Федюкина “*Диссергейт*: как это было и как это будет”» [8].

А вот другой пример: «Массовая фальсификация диссертаций. Раскрыт отлаженный механизм по “производству” фиктивных научных степеней. 31 января 2013 года Минобрнауки РФ по проверке диссертационного совета Московского педагогического госуниверситета (МПГУ) заявило о массовых фальсификациях диссертаций, которые защищались при диссовете МПГУ. С этого момента начал раскручиваться грандиозный скандал в научных и околонаучных кругах, равного которому не было за последние годы уж точно. Он даже получил образное название “диссергейт”.

Апогея *диссергейт* достиг, когда был арестован глава ВАК (Высшей аттестационной комиссии) Феликс Шамхалов» [9].

«Параллельно пошел процесс чтения диссертаций депутатов Госдумы. Абсолютно интернетовский процесс, сейчас он оформлен в то, что называется “диссернет”…» [10].

2. Контаминанты, встречающиеся только в немецком языке

В 2011 году в языке немецкой политической публицистики возник контаминант:

– *Berlin-gate* = *Berlin* + Water-*gate* (модель 2: $X + Y(y1 + y2) = K(X + y2)$: “ ‘Berlingate’. Viele Fragen ohne Antwort. Eine Enthüllungs-Affäre belastet die deutsch-amerikanische Freundschaft. US-Botschafter Philip Murphy hat seine Regierung mit Einzelheiten aus der deutschen Politik versorgt. Wie die Internet-Plattform Wikileaks jetzt dokumentiert, vermischte er fragwürdige Informationen eines FDP-Mannes mit eigenen Einschätzungen” [11].

Контаминант *Berlin-gate* появился (как вербальная реакция) после того, как стало известно, что американский посол Philip Murphy в 2011 году информировал свое правительство о подробностях политики, проводимой немецким правительством, используя при этом сомнительную информацию, которую он тайно получал от высокопоставленного члена партии Свободных демократов.

– *Handtaschen* (дамская сумочка)-*Gate* = *Handtaschen* + *Water*-Gate (модель 2: $X + Y(y1+y2) = K(X+y2)$: “Tabea Rößler wehrt sich gegen Handtaschen-Gate. Die Grünen-Politikerin Tabea Rößler wehrt sich gegen Vorwürfe, sie habe ein Flugzeug stoppen lassen, um ihre Handta-

[7] Литературная газета. 2013. № 28. 10–16 июня. С. 3.
[8] URL : http://publicpost.ru/blog/id/28448/
[9] Независимая газета. URL : http://www.ng.ru/society/2013-12-30/8_disser.html?print=Y
[10] Ученый М. Гельфанд о фуфлыжниках, пронырливых воронах и реформе РАН // РБК. 2013. 26 авг.
[11] BILD. 2011. 29 Nov. S. 2.

sche holen zu lassen. Die vergessene Handtasche der grünen Bundestagsabgeordneten Tabea Rößler soll in Frankfurt den Start eines Flugzeugs verzögert haben” [12].

Здесь речь идет о том, что женщина-депутат немецкого парламента (от партии Зеленых) по имени Tabea Rößler забыла в аэропорту «Франкфурт» свою сумочку и из-за этого был задержан вылет самолета.

– *Konstantin-Gate = Konstantin + Water-Gate* (модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2):* “**Konstantin Neven DuMont muss Vorstand verlassen**… Angefangen hatte sie mit Blog-Einträgen auf der Webseite des Medienjournalisten Stefan Niggemeier, die Konstantin Neven DuMont unter falschem Namen geschrieben haben soll. Als der Verlegersohn dies bestreitet, nahm die sogenannte *Konstantingate-Affäre* ihren Lauf, gipfelte in einem öffentlichen ausgetragenen Vater-Sohn-Streit” [13].

В данном случае контаминант *Konstantingate* усиливается за счет присоединения существительного *Affäre → Konstantingate-Affäre,* которое представляет собой избыточный элемент, дублирующий значение заимствования *-gate.* Вероятно, автор статьи не уверен, что всем читателям известно как значение заимствования *-gate,* так и вся ситуация вокруг скандала в отеле Уотергейт.

– *Scheißegate* = Scheiße + *Water-Gate*: (модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2):* “ ‘Scheißgate’ spaltet die CDU. Der Streit in der CDU wächst sich aus: Mit großer Geste hat der Merkel-Vertraute Peter Hintze den schimpfenden Roland Pofalla in Schutz genommen – er steht selbst in der Kritik… Gesagt hat Kanzleramtsminister Pofalla demnach zu Bosbach: ‘Ich kann deine fresse nicht mehr sehen’, ‘Du machst mit Deiner *Scheiße* alle Leute verrückt’ und ‘Lass mich mit so einer Scheiße in Ruhe’ ” [14].

В приведенном выше контаминанте министр в ведомстве канцлера ФРГ Pofalla применил гробианизм *Scheiße* (дерьмо…го…о), что демонстрирует возросшие дистрибутивные возможности заимствования *-gate.*

3. Контаминанты, встречающиеся в русском и немецком языках

В 2015 году широкое распространение в немецкой прессе получил контаминант:

– *Dieselgate = Diesel + Water-gate* (модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2)*: “32C3: Dieselgate und die ominöse Akustik-Funktion. Kann die Manipulation der Abgaswerte bei Volkswagen wirklich das Werk einzelner Ingenieure sein?..” [15].

– *дизельгейт = дизель + уотер-гейт:* «“Дизельгейт” может обезглавить Volkswagen. Появление слияния *дизельгейт* стало вербальной реакцией на разгоревшийся в конце прошлой недели скандал вокруг выявленного в США нарушения концерном природоохранных мер. Как выяснило Агентство по охране окружающей среды США, оснащенные дизельными двигателями автомобили некоторых марок Volkswagen и Audi были, кроме всего прочего, снабжены и особым программным обеспечением, которое позволяло занижать уровень вредных веществ в выхлопных газах во время тестов.

Следствием этих разоблачений и стал “Дизельгейт”, скандал, ударивший по автоконцерну с необыкновенной силой…» [16].

Интерес представляет также и тот факт, что, пожалуй, самым популярным политическим контаминантом в прессе ФРГ в 2013 году стал композит:

– *Handy-gate = Handy + Water-gate* (модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2):* “In der Affäre um Spähattacken auf das Handy der Kanzlerin (Handygate) scheint der internationale Druck auf die US-Regierung erste Früchte zu tragen!” [17].

---

[12] URL : http://www.focus.de/politik/deutschland/tabea-roessner-aufregung-um-vergessene-handtasche-gruenen-politikerin-wehrt-sich-1_id_3544536.html

[13] URL : http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/affaere-um-verlegersohn-konstantin-neven-dumont-muss-vorstand-verlassen-a-733736.html

[14] URL : http://www.bild.de/politik/inland/ronald-pofalla/sreit-um-euro-rettungsschirm-so-bruellte-pofalla-bosbach-an-20258934.bild.html

[15] URL : http://www.heise.de/newsticker/meldung/32C3-Dieselgate-und-die-omninoese-Akustik-Funktion-3056438.html

[16] Коммерсант.ru. URL : http://www.kommersant.ru/doc/2815912

[17] BILD. 2013. 30 Oct. S. 2.

Данный контаминант возник как вербальная реакция журналистов на установленный факт прослушки мобильных телефонов высших должностных лиц ФРГ, включая и канцлера Ангелу Меркель. Скандал был в конечном итоге спущен в ФРГ на тормозах, чтобы не «обременять» отношений с руководством США.

В русской публицистике анализируемый контаминант употребляется только при описании событий в ФРГ, то есть является отражением соответствующих американо-немецких реалий: «”Грязная работа Сноудена на Путина. "Хэндигейт" – это очередной пример своевольного употребления иностранцами того, что они считают американским английским – и модным словцом. "Хэнди" (Handy) по-немецки – "мобильный телефон". А вместе с "гейт" это слово означает оскорбление, нанесенное АНБ США национальному достоинству Германии в форме прослушки телефона канцлера Ангелы Меркель, о чем заявил перебежчик Эдвард Сноуден из своего московского укрытия в 2013 году”, – пишет научный сотрудник Института Гувера при Стэндфордском университете Джозеф Йоффе в The Wall Street Journal» [18].

Иногда для негативной характеристики соответствующего явления применяется название злополучного отеля Watergate (Уотергейт) целиком. Привязка к конкретному событию осуществляется при этом с помощью определения, которое выполняет «уточняющую функцию»: «“Угольный уотергейт” для правительства Украины: “Странно, что Яценюк и Продан еще на своих должностях”»; «“Расследование покупки африканского угля на Украине следовало провести еще в августе – сентябре, ведь процесс поставок уже идет, и на Украину прибыло уже две партии угля”, – считает украинский эксперт, член Наблюдательного совета Института энергетических стратегий Юрий Корольчук. С таким заявлением он выступил сегодня, 10 ноября, передает корреспондент ИА REGNUM…» [19].

4. Контаминанты, встречающиеся в русском, английском и немецком языках

Не избежала влияния контаминации и компьютерная терминология – на стыке политического и компьютерного подъязыков был образован контаминант:

– *сервергейт = сервер + уотер-гейт* **(**модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2):* «Доведут ли республиканцы Хиллари Клинтон до “сервергейта”? “Хиллари Клинтон уничтожила все электронные письма, которые она посылала в качестве Государственного секретаря США, пользуясь личным сервером, находящимся в ее доме”, – с таким заявлением выступил глава комиссии, расследующей убийство американского посла в Ливии, республиканец от Южной Каролины Трей Гауди. Это заявление базируется на письме адвокатов госпожи Клинтон, согласно которому все данные на этом сервере были уничтожены… И если выяснится, что госпожа Клинтон сознательно уничтожила документы, находящиеся под повесткой, то последствия для нее могут оказаться более серьезными, чем для ее мужа, когда он, будучи президентом США, соврал под присягой» [20].

– *Servergate = Server + Water-gate*: “Servergate Revelations Stick to Hillary. Like snowflakes on a frozen sidewalk, the latest damaging revelations about Hillary Clinton are starting to stick. More than that, Servergate raises the question: Why, precisely, should she become president anyway? This week brought news that then – secretary of state Clinton never had a State Department e-mail address. Instead, she exclusively used a private account to e-mail others in the Obama administration, including some of her staffers who communicated via their own private accounts. Clinton did not simply keep using an old account…” [21].

– *Servergate = Server + Water-gate*: “Servergate: Staatsanwalt nimmt Piratenpartei offline. Die Piratenpartei steuert zwei Tage vor der Landtagswahl in Bremen auf Debakel zu: Die Staatsanwaltschaft Darmstadt ließ die Server der sechsgrößten deutschen Partei abschalten Angeblich befindet sich auf den Rechnern relevantes Material. Mitten im Endspurt der Wahl vermeldete die Piratenpartei Deutschlands heute Mittag: ‘Unsere Server sind vorübergehend auf polizeiliche Anweisung offline’” [22].

---

[18] URL : http://www.inopressa.ru/article/28may2015/wsj/snowden.html
[19] URL : http://regnum.ru/news/polit/1864342.html
[20] URL : http://regnum.ru/news/polit/1911257.html
[21] URL : http://www.nationalreview.com/article/414972/servergate-revelations-stick-hillary-deroy-murdock
[22] URL : http://www.chip.de/news/Servergate-Staatsanwalt-nimmt-Piratenpartei-offline_49108265.html

5. Контаминанты, встречающиеся в английском и русском языках

В результате многочисленных разоблачений бывшего агента секретной службы США АНБ Сноудена (Snowden) появился контаминант:

– *Snowden-gate = Snowden + Water-gate* (модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2):* “Russia accuses Britain of human rights hypocrisey over Snowden-gate” [23].

– *Сноуден-гейт = Сноуден + Уотер-гейт*: «Сноуден-гейт, между прочим, дает России шанс продвинуть свою технологию: криптоалгоритмы ГОСТ в страны, напуганные беспардонным контролем АНБ. Но пока я не вижу государственной озабоченности и поддержки этой возможности. Ведь можно было бы внедрять эти алгоритмы в странах, которые просто-напросто не доверяют алгоритму RSA, разработанному в США» [24].

Интересен тот факт, что немецкий язык предпочитает применять в этом случае другой контаминант, где имя беглого агента заменено на аббревиатуру, обозначающую саму секретную службу, сотрудником который он являлся до побега – *NSA-Gate* = NSA + *Water-gate*: “Open the Snowden Files! Das öffentliche Interesse am freien Zugang zu den Dokumenten der NSA-Gate. In der Snowden-Debatte kommen immer größere Zweifel an dem Auswertungsverfahren der Dokumente auf… *Berliner Gazette*-Herausgeber Krystian Woznicki erklärt in seinem Essay… warum wir über einen offenen Zugang zu den Snowden-Dokumenten nachdenken sollten… Meine These: Das öffentliche Interesse ist bislang nicht ausgereizt worden. Das liegt nicht zuletzt daran, dass der Zugang zu den Dokumenten der NSA-Gate nicht offen ist…” [25].

Итак, отель *Watergate* стал универсальным символом нарушения закона и связанного с этим скандала в различных языках. При этом второй компонент композита Water-*gate* может выступать в качестве репрезентанта всего наименования, и этого достаточно для придания соответствующим контаминантам негативной оценочности.

В качестве основного компонента рассмотренных контаминантов *-gate (-гейт)* стал уже интернационализмом, участвующим в составе сложных образований в неблизкородственных языках, и везде он воспринимается как символ политических и экономических афер.

Применение контаминантов с серийным компонентом *-gate (-гейт)* носит точечный характер, что типично для такого вида языковой игры, как контаминация в целом. Этот компонент может сочетаться:

– с антропонимами, образуя «антропонимические контаминанты» (*Сноуден-гейт*);

– топонимами – *Berlin (Berlin-gate)*;

– автомобильными терминами (при этом в данном примере термин произошел от имени собственного) – *дизель (дизель-гейт)*;

– компьютерными и IT-терминами – *сервер (сервер-гейт), Handy = хэнди (Handy-gate = хэнди-гейт)*;

– научными терминами – *диссер (диссер-гейт)*;

– со словами общеязыковой лексики (*Handtaschen-gate*).

Компонент *-gate (-гейт)* может служить в языке политики для образования антропонимических контаминантов с ярко выраженным негативным значением. Последние применяются для экспрессивно негативного обозначения каких-либо скандальных явлений, главными фигурантами которых стали соответствующие персоны (Сердюков, Сноуден, Константин). Чаще всего антропонимические контаминанты образуются в результате *гибридного слияния целого слова с сегментом другого слова*. Модель 2: *X + Y(y1 + y2) = K(X + y2).* При этом в роли «целого слова» выступает имя главного фигуранта эпизода. В некоторых случаях выражаемый ими «негативизм» не носит универсального характера, то есть воспринимается негативно только одной стороной конфликта (например, Сноуден-гейт).

В случае с *Watergate* все скандальное значение сконцентрировалось в семантике компонента *-gate,* которое стало фактически самостоятельным носителем негативизма. Некото-

---

[23] URL : http://www.euronews.com/2013/08/21/russia-accuses-britain-of-human-rights-hypocrisy-over-snowden-gate-/

[24] Интервью Андрея Колесникова. URL : http://d-russia.ru/andrej-kolesnikov-internet-nastoyashhaya-a-nepridumannaya-duxovnaya-skrepa.html

[25] URL : http://berlinergazette.de/open-the-snowden-files/

рые исследователи считают, что многие образования на *-gate* ироничны. Однако, по нашему мнению, в этом случае стоит говорить скорее о сатире или даже сарказме, поскольку речь идет, как правило, о грубых нарушениях закона или суверенитета государств (*Handy-gate*), о крупной экономической махинации (*Diesel-gate)* и т.д.

Компонент *-gate* применяется каждой газетой по своему вкусу. При этом, наряду с обозначениями настоящих сенсационных скандалов, с помощью *-gate* репортеры иногда пытаются раздуть до масштабов скандала и довольно незначительные происшествия.

Перспективным представляется дальнейшее исследование заимствования *-gate* (*-гейт*) в качестве серийного компонента негативных контаминантов и в других языках. Преимуществом употребления этого компонента в различных (также и неблизкородственных) языках является его общеизвестность и вытекающая из этого узнаваемость, то есть определенная универсальность.

Список использованной литературы

1. Голодов, А.Г. Особенности контаминации в немецкой политической публицистике [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2013. – Вып. 2 (25). – С. 5–10.

2. Петрова, Н.Е. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии [Текст] : учеб. пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 156 с.

3. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст]. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 547 с.

4. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 252 с.

5. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text]. – Leipzig : VEB Bibl. Institut, 1976. – 363 s.

6. Golodow, A. Wortkreuzung als Mittel der Charakterisierung [Text] // Sprachspiegel. – Boll, Schweiz, 2013. – H. 1. – S. 2–10.

Периодические издания

Bildzeitung (Hamburg) = BILD
Bild am Sonntag (Hamburg) = BamS
Аргументы и факты (Москва) = АиФ
Литературная газета (Москва) = ЛГ

References

1. Golodov, A.G. The Peculiarities of Contamination in German Political Journalism [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages in tertiary Education]. – Ryazan, 2013. – Issue 2 (25). – P. 5–10.

2. Petrova, N.E. Yazyk sovremennykh SMI. Sredstva rechevoi agressii [The Language of Modern Mass Media. The means of verbal Aggression] [Text] : Manual / N.E. Petrova, L.V. Ratsiburskaya. – Moscow : Flinta : Nauka, 2013. – 156 p.

3. Sannikov, V.Z. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoi igry [The Russian Language in the Mirror of Language Game] [Text]. – Moscow : The Languages of Slavic Culture, 2002. – 547 p.

4. Chudinov, A.P. Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics] [Text] : Manual. – Moscow : Flinta : Nauka, 2007. – 252 p.

5. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache [Text]. – Leipzig : VEB Bibl. Institut, 1976. – 363 s.

6. Golodow, A. Wortkreuzung als Mittel der Charakterisierung [Text] // Sprachspiegel. – Boll, Schweiz, 2013. – H. 1. – S. 2–10.

УДК 811.111–26

***О.С. Полатовская**, канд. филол. наук*
(СурГУ, Сургут)

Кооперативная модель взаимодействия (на примере интервью с американскими политическими деятелями 2015–2016 годов)

Основная цель статьи – построение модели кооперативного дискурса в политическом пространстве с рассмотрением его различных аспектов – функционально-аксиологического (с выделением функций и ценностей кооперативного дискурса), жанрово-стилистического (с выявлением жанра, тематики, участников и речевых средств кооперативного дискурса) и лингвопрагматического (с выделением стратегий и тактик кооперативного дискурса, его конструктивной направленности). Комплексный подход объясняет новизну исследования, охватывающего сразу ряд аспектов кооперативного дискурса, а не отдельные его части. Изучаемый материал относится к 2015–2016 годам и позволяет достоверно оценить актуальную политическую ситуацию. Политическая реальность требует поиска способов гармонизации речевого взаимодействия, приводящего к конструктивным решениям и балансу отношений с оппонентом, что особенно актуально в современной международной обстановке. Коммуникативные способы воздействия на сознание и чувства человека, используемые для того, чтобы снизить уровень социально-политической напряженности на международной арене и не допустить обострения обстановки внутри страны, являются важным средством создания кооперативных настроений. Возможности языка, комбинирование различных языковых средств, стратегий, тактик способны вызывать ту или иную реакцию или поведение. Целью же общения является не победа над оппонентом, а предотвращение конфликта или благополучный выход из него, что, как показало исследование, возможно с помощью ряда средств, как то: модально-оценочных эвалюативов с позитивным значением, этикетного оформления высказываний, употребления сослагательного наклонения, эвфемизации речи, юмора с использованием различных тактик – сближения, демонстрации сдержанного отношения к собеседнику, отказа от предрассудков и условностей, совета, просьбы, уточнения, извинения, согласия, уклонения от ответа, комплимента, одобрения, умалчивания, принятия нейтралитета. Предлагаемая модель кооперативного дискурса способствует поиску путей построения гармоничного общения.

американский политический дискурс, гармонизация общения, принцип кооперации, коммуникативные стратегии и тактики

***Polatovskaya, Olga**, Ph.D. (Philology)*
(Surgut State University, Surgut, Russia)

Model of Cooperative Interaction (illustrated by interviews with American politicians 2015–2016)

The article is aimed at developing a model of cooperation in political discourse based on the study of various discursive aspects – functional and axiological (with description of functions and values of cooperative discourse), genre and stylistic (with description of genre, theme, participants and language means of cooperative discourse) and lingua-pragmatic aspect (with the study of strategies and tactics as well as the constructive nature of cooperative discourse). The multifaceted approach explains the novelty of the research, which covers different spheres of cooperative discourse rather than its separate features. The texts dated 2015–2016 can give a good idea of the contemporary political situation. It is vital to find ways of harmonizing political interaction, to find mutually beneficial decisions and balanced relationships with interlocutors, which is especially important in the present-day international situation. The language means, strategies and tactics employed affect the minds and emotions of people and help to reduce tension inside the country and in the world. The aim of cooperative communication is not to defeat the opponent but to prevent conflict or to resolve it. As the present study shows, this can be achieved through the help of a number of means – positively-charged vocabulary, polite clichés, subjunctive mood, euphemisms, humour, etc. combined with a variety of tactics (apology, approval, agreement, compliment, advice, etc.). The model elaborated here helps to better understand the nature of cooperation and how to sustain positive relationships with the partner.

American political discourse, harmonization of communication, cooperative principle, communicative strategies and tactics

© Полатовская О.С., 2016

Конфликтное взаимодействие является не единственной формой общения в политическом пространстве. Наряду с конфликтным поведением, ученые различают многочисленные формы «симбиоза, кооперации, содействия, коллективистской идентификации, сопереживания, эмпатии, альтруизма как движущих факторов социального взаимодействия» [1]. Эти формы кооперативного взаимодействия представляют собой результат терпимого отношения к партнерам по межличностному и межнациональному общению, основанного на принятии установок, взглядов и аксиологических приоритетов, отличных от собственных [2]. В рамках настоящего исследования важным представляется рассмотрение феномена, в пределах которого функционирует модель социального и коммуникативного взаимодействия, которая может быть охарактеризована как кооперативный дискурс.

Кооперативный тип коммуникации возможно анализировать в рамках политического дискурса, так как политическая действительность является той реальностью, которую можно наблюдать и описывать не постфактум, а непосредственно в момент ее функционирования в рамках той или иной социальной общности. Данная работа посвящена изучению кооперативного дискурса в пространстве политической коммуникации. Любые изыскания в области кооперативного дискурса не только не дублируют данную работу, а, напротив, помогают понять сущность и специфику кооперативного взаимодействия, увидеть и описать различные стороны кооперативного дискурса, предложить собственное понимание анализируемого феномена с опорой на уже проведенные исследования. Целью данной работы является описание пространства кооперативного дискурса и создание модели, в которой отразились бы наиболее важные признаки изучаемого явления.

Кооперативный дискурс – это речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализующееся в наборе кооперативных стратегий и тактик, стремлением участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, реализации координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, конструированию толерантного и корректного сценария межличностного и межнационального взаимодействия [3].

Несмотря на утверждение Н.Д. Голева о потенциальной конфликтогенности любого высказывания, инвективности языка и его существовании для создания конфликтов [4], необходимо признать, что современный этап развития мировых политических систем имеет тенденцию к сближению ценностей, культур, взглядов на те или иные события. Поэтому за основу данной работы берется подход, рассматривающий коммуникацию как процесс, характеризующийся наличием толерантных форм интеракции.

При характеристике кооперативного дискурса целесообразно использовать модель анализа, выведенную на основе работ О.С. Иссерс, Н.А. Каразии [5], Н.Н. Кошкаровой [6], В.О. Мулькеевой [7], М.Ю. Сейраняна [8], В.С. Третьяковой [9], описывающих разные составляющие дискурса (функциональный, аксиологический, жанровый, стилистический и лингвопрагматический). Модель включает следующие компоненты: а) функционально-аксиологический блок (функции кооперативного

---

[1] Асмолов А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности. Психология образования: проблемы и перспективы // Материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. Москва, 16–18 декабря 2004 г. М. : Смысл, 2004. С. 7.

[2] Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. С. 6.

[3] Там же. С. 19.

[4] Голев Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории // Лингвокультурологические проблемы толерантности. : тез. докл. междунар. науч. конф. 2001.

[5] Каразия Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса. URL : http://www. kamgu. ru/catalog/ Journal/2006/ KR%202006%202_6.pdf

[6] Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса …

[7] Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2006.

[8] Сейранян М.Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты. М. : Прометей, 2012.

[9] Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи. Екатеринбург : Слово, 2003. 145 с.

дискурса, ценности кооперативного дискурса); б) жанрово-стилистический блок (жанр кооперативного дискурса, тематика кооперативного дискурса, участники кооперативного дискурса, речевые средства кооперативного дискурса); в) лингвопрагматический блок (стратегии и тактики кооперативного дискурса, конструктивная направленность кооперативного дискурса).

В рамках настоящего исследования были отобраны и проанализированы интервью американских политических деятелей (2015–2016), выявлены речевые показатели, являющиеся маркерами кооперативного общения, а также определены стратегии и тактики кооперативного дискурса.

1. Функционально-аксиологический блок

1.1. Функции кооперативного дискурса

Кооперативный дискурс реализуется посредством ряда функций. Информирующая функция кооперативного дискурса служит для обмена фактами, идеями, мыслями, чувствами, различными представлениями в ходе совместной деятельности. Благодаря оценочной функции участники кооперативного дискурса способны выражать личную оценку и отношение. Стремление к кооперации ведет к использованию политическими деятелями лексических единиц с положительной оценкой. Например, сенатор штата Техас Тед Круз называет своего противника по предвыборной гонке Марко Рубио *другом*, а также *обаятельным и искусным собеседником*:

Well, you know, if you look at Senator Rubio's record – he's someone who I like personally. He's *a friend of mine.* He is a *very, very charming and effective communicator* [10].

Ньют Гингрич также говорит о достоинствах своих политических оппонентов – Марко Рубио и Бена Карсона:

Marco's great advantage, Rubio, is that *he's very likable. He's very smart.* And Carson has this *unique ability to communicate sincerity...* [11].

Следующая функция кооперативного дискурса может иметь несколько названий: гармонизирующая, превентивная, конструктивная. Суть данной функции состоит в толерантном использовании языка, применении таких его свойств, которые позволят участникам процесса коммуникации найти компромисс в решении спорных вопросов, избежать деструктивных форм взаимодействия в процессе речевой деятельности, сократить число случаев агрессивного речевого поведения [12].

1.2. Ценности кооперативного дискурса

В рамках кооперативного дискурса участники коммуникации, выступающие в качестве представителей разных социокультурных групп, транслируют в ходе общения свои ценности и установки. В случае кооперативного общения их позиции не находят сопротивления либо оно минимизировано, благодаря чему можно говорить об отсутствии агрессивного потенциала. Дискурс является инструментом внедрения тех или иных ценностей в общественное сознание. Ценности кооперативного дискурса – это прежде всего «терпимость, толерантность, отсутствие проявлений ксенофобии, этнофобии, речевой агрессии, стремление к межнациональному диалогу, взаимопониманию, равенству» [13].

Исследование интервью американских политических деятелей позволяет говорить о существовании неких универсальных ценностей, пропагандируемых всеми американскими политиками независимо от их партийной принадлежности: благополучие граждан США, борьба с безработицей в стране, усиление позиции США в мире, внутренняя безопасность, безопасность в мире и др.

---

[10] Cruz focuses on 'positive' conservative message; Gingrich says political insurgents can go all the way. URL : http://www.foxnews.com/transcript/2015/12/01/cruz-focuses-on-positive-conservative-message-gingrich-says-political/

[11] Там же.

[12] Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса … С. 175.

[13] Руженцева Н.Б., Антонова Ю.А. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи / Екатеринбург : УрГПУ, 2013. С. 18.

2. Жанрово-стилистический блок

2.1. Жанр кооперативного дискурса

Исследованию подвергались интервью политических деятелей, представленные в средствах массовой информации. Кооперативный потенциал в значительной степени реализуется именно в таком жанре. Интервью представляет собой беседу журналиста с социально значимой личностью по актуальным вопросам. Формально здесь участвуют двое – интервьюер и интервьюируемый. Однако в качестве незримого участника выступает аудитория, на которую, так или иначе, ориентируются оба основных участника интервью в своих вопросах и ответах.

2.2. Тематика кооперативного дискурса

Тематика кооперативного дискурса, представленная в анализируемых текстах, включает наиболее обсуждаемые вопросы 2015–2016 годов: ситуация в Сирии и Иране, Северной Корее, события на Украине, борьба с ИГИЛ, другие политические, экономические, спортивные события мирового масштаба.

2.3. Участники кооперативного дискурса

Среди участников кооперативного дискурса необходимо выделить самих политиков (например, Барак Обама, Мартин О'Мэлли, Хиллари Клинтон, Берни Сандерс, Джим Уэбб), представителей средств массовой информации (в данном случае интервьюеров) и зрителя (массовый адресат).

2.4. Речевые средства кооперативного дискурса

Для реализации кооперативных намерений политики прибегают к широкому арсеналу средств, среди которых можно выделить модально-оценочные эвалюативы для описания оппонентов, событий или мнений, этикетное оформление высказываний, употребление сослагательного наклонения, эвфемизацию речи, соблюдение коммуникативных конвенций, юмор и др.

Модально-оценочные эвалюативы имеют, как правило, позитивную эмоциональную окраску. Использование лексики с позитивным значением, значением одобрения и положительной оценки в качестве модально-оценочных эвалюативов является часто употребляемым средством выражения кооперативной направленности. Например, представитель Демократической партии Джим Уэбб называет Израиль *замечательным союзником*:

Obviously, Israel is *our great ally* in the region… [14]

Применение сослагательного наклонения как средства реализации кооперативного намерения позволяет выразить мысль в более мягкой форме. Так, американский политик, представляющий Демократическую партию, Мартин О'Мэлли выражает мягкое несогласие с мнением Хиллари Клинтон с помощью сослагательного наклонения:

I would disagree with Secretary Clinton respectfully on this score [15].

Этикетное оформление высказываний связано с правилом вежливости, основанном на принципе сотрудничества. Этикетные высказывания представляют собой элементарные этикетные формулы (приветствие, прощание, извинение, просьба, благодарность), сохраняющие ритуальный характер речи. Этикетные высказывания, встречающиеся в анализируемых текстах, представляют собой языковые знаки, реализующиеся в речи как коммуникативные, синтаксически нечленимые, неизменяемые единицы. Например, сенатор Джим Уэбб прибегает к следующим этикетным формулам:

---

[14] The 2016 Presidential Race: A Conversation With Democratic Candidate And Former Virginia Senator Jim Webb. URL : http://thedianerehmshow.org/shows/2015-07-15/the-2016-presidential-race-a-conversation-with-democratic-candidate-and-former-virginia-senator-jim-webb

[15] Second Democratic Debate. URL : http://time.com/4113434/transcript-read-the-full-text-of-the-second-democratic-debate

Thank you very much. Nice to be with you today [16].

Well, that's an excellent question, and it goes to the central problems that came from our invasion of Iraq [17].

Юмор может использоваться как путь выхода из конфликтной ситуации, средство преодоления отчуждения между коммуникантами, орудие снятия напряженности в ходе диалога, позволяющее найти выход из тупиковой ситуации.

Представитель Демократической партии Берни Сандерс прибегает к юмору для снятия напряженности в связи с вопросом о мнениях, выражаемых республиканцами по отношению к ИГИЛ. Чтобы не обвинить республиканцев в неискренности, частой смене мнений и позиций, Берни Сандерс намекает на забывчивость, характерную для страны в целом и республиканцев в частности:

First of all, sometimes in our country, *especially among our Republican friends who suffer from amnesia, we forget what happened yesterday* [18].

3. Лингвопрагматический блок

3.1. Стратегии и тактики кооперативного дискурса

В кооперативном дискурсе основной будем считать *кооперативную стратегию*, связанную с установкой на благоприятное, конструктивное взаимодействие. Под стратегией здесь понимается модель действий, предназначенная для достижения целей. Стратегия реализуется посредством использования различных тактик, используемых для сохранения нейтралитета, во избежание конфронтационного типа общения. Репертуар тактик, реализующих кооперативную стратегию, разнообразен. К основным тактикам кооперативного дискурса, выявленным в интервью политических деятелей, относятся: тактика сближения, тактика демонстрации сдержанного отношения к собеседнику, принадлежащему к другой лингвокультуре или исповедующего иные принципы и политические взгляды, тактика отказа от предрассудков и условностей, тактики совета, просьбы, уточнения, извинения, согласия, уклонения от ответа, комплимента, похвалы, одобрения, умалчивания, принятия нейтралитета, сохранения паритета в общении. В рамках статьи невозможно охарактеризовать и проиллюстрировать все перечисленные тактики, поэтому подробнее остановимся на нескольких.

– Тактика уклонения от ответа.

Широко используется политиками в интервью. При этом говорящий не дает ответа на конкретно поставленный вопрос, а обобщает тему разговора или переводит его на другую тему. Так, на вопрос журналиста о сокращении рабочих мест в стране «Ошибся ли Барак Обама в своей политике?» Хиллари Клинтон прибегает к тактике уклонения, не предоставляя конкретного ответа:

JUDY WOODRUFF: So <u>is President Obama wrong</u>?

HILLARY CLINTON: Look, I think the president has been *extraordinarily effective* in making as strong a case as could be made and I think *his hard work and that of his team has certainly moved this agreement,* again, based on what I read about it because *I can't read the agreement yet, quite a distance* [19].

Ту же тактику Хиллари Клинтон использует, когда интервьюер спрашивает ее о возможности бомбардировки российских самолетов в случае нарушения ими бесполетной зоны над Сирией:

***JUDY WOODRUFF*:** But if it came to it, it could come to *shooting down Russian planes, if they're in that no-fly zone.*

---

[16] The 2016 Presidential Race …

[17] Там же.

[18] Bernie Sanders on politics, Clinton and guns. URL : http://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/18/bernie-sanders-interview-transcript-guardian

[19] Complete transcript of Hillary Clinton interview. URL : http://www.pbs.org/newshour/updates/complete-transcript-hillary-clinton-interview/

HILLARY CLINTON: *Well, let's not talk about a hypothetical no-fly zone* that doesn't even exist. My whole idea is you put together a potential no-fly zone, something the Turks and others have been asking for for some time. You go to the Russians and you say, "Look, we want to do this because here are the objectives we are trying to achieve and we want you on board to do this". *And that's what diplomacy is* [20].

– Тактика извинения.

Как следует из названия, тактика носит гармонизирующий характер и включает несколько речевых ходов: признание своей вины, иногда упоминание причин разногласий, выражение надежды на конструктивное развитие событий в будущем. Так, Мартин О'Мэлли, экс-губернатор штата Мэриленд, приносит извинения за недостаточно уважительные слова в адрес афроамериканского населения:

That was a mistake on my part, and I meant no disrespect. I did not mean to be insensitive in any way or to communicate that I did not understand the tremendous passion, commitment and feeling and depth of feeling that all of us should be attaching to this issue [21].

– Тактика комплимента, похвалы, одобрения.

Является способом сообщить о добрых чувствах, благорасположении; относится к эмоционально-настраивающим тактикам и обслуживает ситуацию одобрения. В одном из интервью с Хиллари Клинтон последняя на вопрос о Джо Байдене отвечает похвалой в его адрес:

I am a huge Joe Biden *admirer, friend,* a former colleague... [22]

Берни Сандерс также уважительно высказывается в адрес Хиллари Клинтон, называя ее своим другом и соратником:

Well, you know, I have known Hillary Clinton for 25 years and I have a great deal of *respect* for Hilary Clinton. I'm not gonna tell you we are bosom buddies, but you know *we're friends,* we have known each other*, we served in the Senate together* [23].

3.2. Конструктивная направленность кооперативного дискурса

Конструктивная направленность кооперативного дискурса связана с понятием интеграции, под которой понимается поиск и сплочение сторонников, стремление к диалогу и нахождению путей выхода из создавшегося кризиса вместе с оппонентами.

Таким образом, стремление к кооперации и реализация кооперативной стратегии политическими деятелями связаны с достижением целей неконфликтным путем и намерением избежать осложнений во взаимоотношениях. Модель кооперативного дискурса, разрабатываемая и проиллюстрированная в данной статье, представляет собой образование, включающее ряд важнейших аспектов кооперативного дискурса – аксиологический, жанрово-стилистический и лингвопрагматический, выявляемых на основе комплексной модели анализа со следующими этапами: отбор для анализа текстов, выявление в последних речевых показателей, которые являются маркерами кооперативного типа общения, выявление тактик кооперативного общения в рамках кооперативной стратегии, принятой за основную. Исследование показало, что для политического дискурса, избегающего конфронтации, наряду с тактиками, частотными и в других видах полемического общения (совет, просьба, уточнение, умалчивание и др.), особенно характерны такие тактики, как уклонение от ответа, извинение, комплимент, похвала, одобрение. К наиболее распространенным речевым средствам относятся модально-оценочные эвалюативы с позитивным значением, этикетное оформление высказываний, употребление сослагательного наклонения, эвфемизация речи, соблюдение коммуникативных конвенций, юмор. Предложенная модель позволяет выделить важнейшие признаки кооперативного дискурса и средства достижения кооперации.

---

[20] Complete transcript of Hillary Clinton interview.

[21] Martin O'Malley apologizes after saying 'all lives matter' at liberal conference. URL : http://www.washingtontimes.com/news/2015/jul/20/omalley-apologizes-after-saying-all-lives-matter/

[22] Rachel Maddow interviews Hillary Clinton. URL : http://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/transcript-rachel-maddow-interviews-hillary-clinton

[23] Interview With Sen. Bernie Sanders: 'Count Me As A Radical'. URL : http://onpoint.wbur.org/2015/10/01/transcript-bernie-sanders-intervie

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Асмолов, А.Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности. Психология образования: проблемы и перспективы [Текст] // Материалы Первой междунар. науч.-практ. конф. Москва, 16–18 декабря 2004 г. – М. : Смысл, 2004. – С. 6–10.

2. Голев, Н.Д. Конфликтность и толерантность как универсальные лингвистические категории [Текст] // Лингвокультурологические проблемы толерантности : тез. докл. междунар. науч. конф. – 2001. – С. 37–41.

3. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 228 с.

4. Казыдуб, Н.Н. Бесконфликтный дискурс: ритуальное поведение или ответственный поступок [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/vest-714.pdf

5. Каразия, Н.А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www. kamgu. ru/catalog/ Journal/2006/ KR%202006%202_6.pdf

6. Каразия, Н.А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры [Текст] : дис. … канд. филол. наук. – М., 2004. – 214 с.

7. Кошкарова, Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве [Текст] : дис. … д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 441 с.

8. Мулькеева, В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 10 с.

9. Руженцева, Н.Б. Межнациональный дискурс: модель в контексте эпохи [Текст] / Н.Б. Руженцева, Ю.А. Антонова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 292 с.

10. Сейранян, М.Ю. Конфликтный дискурс: социолингвистический и прагмалингвистический аспекты [Текст]. – М. : Прометей, 2012. – 96 с.

11. Третьякова, В.С. Конфликт как феномен языка и речи [Текст]. – Екатеринбург : Слово, 2003. – 145 с.

References

1. Asmolov, A.G. Practical psychology and educational model in Russia: from conflict to tolerance. Educational psychology: problems and perspectives [Text] // Materialy Pervoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Materials of the First International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 16–18 December 2004. – M. : Smysl, 2004. – P. 6–10 (in Russ.)

2. Golev, N.D. Conflicts and tolerance as universal linguistic categories [Text] // Lingvokulturologicheskie problemy tolerantnosti : Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Linguistic and cultural problems of tolerance : reports from the International scientific conference]. – 2001. – P. 37–41 (in Russ.)

3. Issers, O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi [Communicative strategies and tactics of Russian speech] [Text]. – M. : Izdatelstvo LKI, 2008. – 228 p. (in Russ.)

4. Kazydub, N.N. Beskonfliktniy diskurs: ritualnoe povedenie ili otvetstvenniy postupok [Non-conflict discourse: ritual behavior or responsible conduct] [Electronic resource]. – Mode of access : http://vestnik-mslu.ru/Vest-2015/vest-714.pdf

5. Karazia, N.A. Lingvopragmaticheskoe issledovanie konfliktnogo diskursa [Lingua-pragmatical research of conflict discourse] [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.kamgu.ru/catalog/ Journal/2006/KR%202006%202_6.pdf

6. Karazia, N.A. Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upryoka v kontekste sovremennoi amerikanskoi rechevoi kultury [Pragmatical and linguistic study of reproach in modern American culture] [Text]. – M., 2004. – 214 p. (in Russ.)

7. Koshkarova, N.N. Konfliktniy i kooperativniy tipy russkoyazychnogo diskursa v mezhkulturnom politicheskom prostranstve [Conflict and cooperative types of Russian discourse in intercultural political sphere] [Text]. – Yekaterinburg, 2015. – 441 p. (in Russ.)

8. Mulkeeva, V.O. Rechevye strategii konflikta i faktory, vliyayushhie na ih vybor [Speech strategies of conflict and factors influencing their choice] [Text]. – SPb., 2006. – 10 p. (in Russ.)

9. Ruzhentseva, N.B. Mezhnatsionalniy diskurs: model v kontekste epohi [International discourse: model in historical context] [Text] / N.B. Ruzhentseva, Ju.A. Antonova. – Yekaterinburg : UrGPU, 2013. – 292 p. (in Russ.)

10. Seiranyan, M.Ju. Konfliktniy diskurs: sociolingvisticheskiy i pragmalingvisticheskiy aspekty [Conflict discourse: socio-linguistic and pragma-linguistic aspects] [Text]. – M. : Prometey, 2012. – 96 p. (in Russ.)

11. Tretiakova, V.S. Konflikt kak fenomen yazyka i rechi [Conflict as language and speech phenomenon] [Text]. – Yekaterinburg : Slovo, 2003. – 145 p. (in Russ.)

Список анализируемых текстов (textual audio sources)

1. Bernie Sanders on politics, Clinton and guns [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/18/bernie-sanders-interview-transcript-guardian

2. Complete transcript of Hillary Clinton interview [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.pbs.org/newshour/updates/complete-transcript-hillary-clinton-interview/

3. Cruz focuses on ‘positive’ conservative message; Gingrich says political insurgents can go all the way [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.foxnews.com/transcript/2015/12/01/cruz-focuses-on-positive-conservative-message-gingrich-says-political/

4. Interview With Sen. Bernie Sanders: ‘Count Me As A Radical’ [Electronic resource]. – Mode of access : http://onpoint.wbur.org/2015/10/01/transcript-bernie-sanders-intervie

5. Martin O’Malley apologizes after saying ‘all lives matter’ at liberal conference [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.washingtontimes.com/news/2015/jul/20/omalley-apologizes-after-saying-all-lives-matter/

6. NPR’s Interview With President Obama [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.npr.org/sections/itsallpolitics/2015/08/10/431244020/full-video-and-transcript-nprs-interview-with-president-obama

7. The 2016 Presidential Race: A Conversation With Democratic Candidate And Former Virginia Senator Jim Webb [Electronic resource]. – Mode of access : http://thedianerehmshow.org/shows/2015-07-15/the-2016-presidential-race-a-conversation-with-democratic-candidate-and-former-virginia-senator-jim-webb

8. Rachel Maddow interviews Hillary Clinton [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.msnbc.com/rachel-maddow-show/transcript-rachel-maddow-interviews-hillary-clinton

9. Second Democratic Debate [Electronic resource]. – Mode of access : http://time.com/4113434/transcript-read-the-full-text-of-the-second-democratic-debate

УДК 81’42

***В.Н. Степанов**, д-р филол. наук*
(МУБиНТ, Ярославль)

Трансгрессия и трансгрессивность в медиапространстве и медиатексте

(Работа выполнена в рамках гранта РГНФ 15-03-00537/15)

В данной статье анализируется трансгрессия как актуальный трансформационный процесс, идущий в современном медиапространстве и представляющий собой различного рода нарушения. К сфере проявления трансгрессии в массовой коммуникации автор относит трансгрессивное поведение субъектов массовой коммуникации, трансгрессивные медиастратегии, трансгрессивные медиатексты. Анализ интенционального контекста трансгрессии позволяет реконструировать намерения и мотивы участников (трансгрессоров), их роли. Изучение институционального контекста трансгрессии позволяет выявить трансформации в системе медиа, медиаконтента, медиажанров и в медиатексте в целом. Трансгрессивность автор рассматривает как отличительный признак современного медиатекста, который проявляется в его структуре, композиции и языке (стиле). Трансгрессивный потенциал медиатекста реализуют инородные вставные текстовые элементы – метки, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг). Важнейшей функцией трансгрессивности медиатекста является приращение паблицитного капитала субъекта медиапространства. Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве композиционного стержня медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному по своей природе медиатексту.

медиапространство, медиатекст, медиастратегия, трансгрессия, трансгрессивность, паблицитный капитал

***Stepanov, Valentin**, PhD. (Doctor of Philology)*
(MUBiNT, Yaroslavl’, Russia)

Transgression and Transgressiveness in Mass Media Space and in Media Texts

(*Within the framework of the Russian Humanitarian Research Grant 15-03-00537/15)*

The paper examines transgression as a current transformation process observable in present-day mass media space and consisting in various forms of infringements. Within the sphere of transgression in mass communication lies transgressive behaviour of mass communication participants, transgressive media strategies, transgressive media texts. Analysis of the institutional context of transgression makes it possible to reconstruct the intentions and motives of the participants (transgressors), and the parts they play. The study of the intentional context of transgression makes it possible to single out transformations in the media system, media content, media genres, and media texts in general. Transgressiveness is treated as a peculiarity of the contemporary mediatext discoverable in its structure, composition and language (style). The transgressive potential of a media text is implemented by insertions – hashtags, hyperlinks, geolocation, geotagging. The transgressive nature of a media text is chiefly aimed at accumulating “publicity capital” for the media space user. The specific craft of a speechwriter or blogger today consists in using hyperlinks as the compositional axis of a media text. Modular by its very nature, a media text thus gains extra significance.

Media space, media text, media strategy, transgression, transgressiveness, publicity capital

Трансформация как основополагающая характеристика современного медиапространства

Современную ситуацию в массовой коммуникации характеризуют три, на наш взгляд, важных процесса: трансформация, трансфигурация, трансгрессия.

© Степанов В.Н., 2016

Трансформации подвержена в первую очередь сама информационная среда, изменения в которой происходят на уровне количественных и качественных характеристик медиа.

Множащиеся информационные каналы, пересекаясь, самоорганизуются в то, что современные исследователи называют по-разному: инфосфера, медиасфера, медиаполе, медиасреда, «четвертый мир», медиапространство. Последнее И.М. Дзялошинский определяет как сложную самоорганизующуюся систему, «которая с помощью прямых и обратных связей влияет на происходящие в ее границах процессы» [1].

Современное медиапространство, как отмечает тот же исследователь, характеризует сочетание традиционных и новых медиа [2].

К новым медиа относятся средства коммуникации, размещенные преимущественно в интернете. К их отличительным признакам традиционно относят следующие:

– неограниченный охват аудитории;
– высокая оперативность доставки контента;
– неограниченный объем информации;
– низкая себестоимость распространяемой информации;
– хранение информации в базах данных, что дает возможность ее повторного использования.

Отдавая дань особой природе новых медиа, некоторые исследователи именуют их в соответствии с сущностью описываемого трансформационного процесса ***трансмедиа,*** то есть «новые медиа, относительно которых еще не существует устойчивого мнения по поводу того, можно ли их считать СМИ. К ним относятся различные социальные сети и сервисы блогосферы интернета» [3].

Трансмедиа меняют конфигурацию медиапространства; такие масштабные ***трансформации-изменения*** И.М. Дзялошинский обозначил следующим образом:

– *глобализация*, то есть возможность практически мгновенного выхода за рамки отраслевых, корпоративных, национальных медиасистем в иные медиапространства;
– *виртуализация*, связанная с тем, что информационные образы объектов, персон и процессов теряют зеркальную связь с реальными образами;
– резкий количественный *рост и усложнение контактов*;
– появление принципиально новых *коммуникационных форматов*: Web 1.0 – производство содержания (контента) узкой группой специалистов для последующего потребления массой пользователей Сети; Web 2.0 – самостоятельное производство контента массой пользователей и активный обмен информацией между ними, возникновение социальных сетей; Web 3.0 – создание рекомендательных сервисов в Сети, формируемых исключительно на основе мнений потребителей [4].

Активное развитие медиасреды оказывает цивилизационное влияние на человека и его картину мира. Результатом количественного роста медиа и качественных изменений медиапространства становится иное результирующее качественное образование – ***медиакартина мира***, которая строится на основе виртуализации *реального предметного мира*, создает особую *виртуальную реальность* и рассматривается нами как социально-практический *симулятор* (и одновременно симулякр) *познания* [5].

На первом уровне объектов познавательной деятельности человека находится объективная реальность предметного мира, именно она – источник и материал результирующего

---

[1] Дзялошинский И.М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2013. С.13.

[2] Там же. С.15.

[3] Горошко Е.И. Функционирование гипертекста в среде конвергентных медиа: лингвистический анализ // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 18–20 октября 2011 г. Самара : ПГСГА, 2011. С. 25.

[4] Дзялошинский И.М. Указ. соч. С. 16.

[5] Степанов В.Н. Медиакартина мира и способы ее репрезентации и импринтинга в интеркультурной среде // Культура в глобализирующемся мире: вызовы и перспективы : материалы междисциплинар. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Академия ГПС МЧС России, 2014. 367 с.

образа мира. Второй уровень занимает человек как субъект и одновременно объект познания, его самого интересуют воссоздаваемые им в ходе собственной деятельности внутрисистемные объективные связи предметного мира, он – создатель и носитель образа мира. С умножением видов массовой коммуникации появился и третий уровень – особая ***медиаторная реальность*** (медиареальность), которая замещает изначальную предметную реальность, виртуализирует ее и создает новую реальность, становится новым материалом познания и источником новых смыслов.

Массовая коммуникация как опосредованное общение количественно неопределенных масс, рассредоточенных в пространстве, и инструмент медиаторной реальности наследует весь арсенал более ранних форм и видов коммуникации, в современных условиях интегрирует и дублирует функции ранее известных типов общения (например, межличностного, организационного, межкультурного и даже интраперсонального, то есть автокоммуникации, элементы которого мы видим, в частности, в блогах).

Важным, на наш взгляд, для осмысления современных трансформационных процессов в сфере массовой коммуникации становится собственно процесс ***медиатизации***, то есть *формирование новой среды с помощью каналов массовой коммуникации, виртуализация и запечатление (импринтинг) социального опыта*. Именно медиатизация человеческого общения обусловливает могущество и приоритет медиареальности [6].

Исследование гетерогенной по своей природе массовой коммуникации началось с предметной области, которую Л.Ю. Щипицина называет «компьютерно-опосредованной коммуникацией» [7]. Некоторые исследователи усматривают у современной сетевой коммуникации признаки нового вида словесности [8].

Л.Ю. Щипицина выделяет следующие специфические для данного вида коммуникации ***параметры***:

– электронная форма существования текста;
– гипертекстуальность;
– мультимедийность;
– интерактивность;
– синхронность;
– количество;
– эксплицированность коммуникантов [9].

Одной из очевидных сущностных характеристик медиапространства сегодня является ***текстогенность***, которую М.Г. Шилина определяет как «комплекс антропогенно-технических факторов порождения, трансляции, обмена текстами публичной коммуникации, ведущих к образованию и функционированию новых типов носителей и генераторов информации во всех сферах жизнедеятельности и оказывающих на них влияние» [10].

Трансформационные процессы в системе жанров в сфере медиапространства вызвали к жизни специальное наименование «интернет-жанрология» [11] и интерес к реструктурирова-

---

[6] См., например: Mediatization of Communication / K. Lundby (ed). Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. 752 p.

[7] См., например: Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 238 с. ; Она же. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Помор. ун-т, 2009. 236 с.

[8] См., например : Медведева Е.В. Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллектив. моногр. / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. Ярославль : Из-во ЯГПУ, 2014. С. 165–177.

[9] Шипицына Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. С. 11.

[10] Шилина М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления интернета. М. : ООО «РИЦ Северо-Восток», 2012. С. 458.

[11] См., например: Киуру К.В. Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 51–55 ; Антонова Л.Г. Прагматика жанра в современном медийном дискурсе // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллектив. моногр. / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. Ярославль : Из-во ЯГПУ, 2014. С. 131–140.

нию интернет-жанров, описанию новых жанров и переосмысление «традиционных», например, поста [12], блога [13], pin [14], байлайнера [15].

Медиатекст как основная единица медиаторной реальности является ключевым средством (и посредником, или медиатором) и той действующей силой, с помощью которой многочисленным адресатам транслируется соответствующая модель социального познания. При этом в разработке и структурировании медиатекста ключевую роль играют в первую очередь *универсальные когнитивные механизмы*, максимально генерализованные – наднациональные, надгендерные, надъязыковые, индифферентные к интеркультурной данности.

С коммуникативной точки зрения, медиатекст содержит модель социального познания в миниатюре и делает это с помощью сукцессии коммуникативных регистров в речи: от *репродуктивного* (через чувства) через *информативный* (через осознание) к *генеритивному* (к обобщению) [16].

С семиотической – медиатекст имеет поликодовую природу, коды не просто взаимодействуют, но дополняют друг друга в соответствии с принципом *комплементарности* и формируют группы: *коммуникативные, визуальные, музыкальные, текстовые, риторические, идеологические, культурные* [17].

С точки зрения речевого воздействия и проявления речевой воли (силы) автора, медиатексты апеллируют к *разуму, чувствам* или *бессознательному* человека, используя для этого разные способы воздействия: *аргументацию* (убеждение), *суггестию* (внушение), *провоцирование* (заражение) [18].

Трансформации подвержено и традиционное представление о продукте массовых коммуникаций. К новым, трансформационным, продуктам массовой коммуникации в целом и трансмедиа в частности относится, на наш взгляд, в первую очередь *социальный капитал*. Существует множество понятий, сходных с понятием социального капитала (например, человеческий капитал, культурный капитал, гражданский капитал, символический капитал, паблицитный капитал), которые объединяет общая идея о важной роли *коммуникации как константы экономического, политического и, конечно, общественного развития*.

Социальный капитал (social capital) представляет собой прежде всего связи между людьми. Отсюда и предлагаемая Джоном Филдом квинтэссенция-формула: “relationships matter”. Филд определяет данный феномен следующим образом: “The theory of social capital is, at heart, most straightforward. Its central thesis can be summed up in two words: *relationships matter* (выделено нами. – *В.С.*). By making connections with one another, and keeping them going over time, people are able to work together to achieve things that they either could not achieve by

---

[12] См., например: Степанов В.Н. Жанровые признаки поста в социальной сети (на примере Facebook) // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникативные и этические проблемы. М. : Изд-во АПК и ППРО, 2013. С. 175–181 ; Он же. Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети фейсбук) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2014. Вып. 1. С. 183–191.

[13] См., например: Щипицина Л.Ю. Жанровая характеристика массово-информационного дискурса компьютерно-опосредованной коммуникации // М.В. Ломоносов и полиязычное информационно-образовательное пространство. Архангельск : Арктич. федерал. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 263–268.

[14] См., например: Киуру К.В. Pin как жанр текста в социальных медиа и его дискурсивные характеристики // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 224–228.

[15] См., например: Пескова Е.Н. Байлайнер как жанр интернет-коммуникации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2014. Вып. 11, № 2. С. 10–13.

[16] См., например: Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб. : Роза мира, 2008. 268 с.

[17] См., например: Степанов В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2010. Вып. 2 (13). С. 92–100.

[18] См., например: Степанов В.Н. Речевое воздействие в рекламе : учеб.-практ. пособие. Ярославль : Изд-во МУБиНТ, 2006. 42 с. ; Он же. Эмоциогенная речь и ее жанры в рекламе // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / отв. ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 121–137.

themselves, or could only achieve with great difficulty. People connect through a series of networks and they tend to share common values with other members of these networks; to the extent that these networks constitute a resource, they can be seen as forming a kind of capital” [19].

Центральным звеном в теории социального капитала является *социальная сеть*, которая «обеспечивает основу для социальной когезии в силу того, что наделяет людей способностью к взаимодействию друг с другом (не только с теми, кого знают напрямую) ради обоюдного интереса» (“The central idea of social capital is that social networks are a valuable asset. Networks provide a basis for social cohesion because they enable people to cooperate with one another – and not just with people they know directly – for mutual advantage”) [20].

Трансфигурация акторов массовой коммуникации

Интенсивное развитие сферы массовой коммуникации стало вызовом и трансформирует традиционное, складывавшееся годами, представление о персональных (личностных) и профессиональных компетенциях современного человека. Публичная деятельность, в том числе и преимущественно в социальных сетях, становится неотъемлемой частью профессиограммы современного специалиста, вне зависимости от того, какой сферой общественной деятельности он занимается.

Исследователи отмечают категориальное усложнение образов автора и адресата массовой коммуникации [21].

Т.Л. Каминская в качестве элементов в структуре категории «образ адресата» применительно к дискурсу медиа выделяет оппозицию «свой – чужой», ориентацию на речевой опыт адресата, картину мира, стиль жизни и социальный статус адресата [22].

Среди новых (но очень активных) субъектов современного медиапространства прочное место заняли блогеры и включились в процесс его трансформации [23]. Онлайн-медиа не могут игнорировать блоггинг как явление интернета. Для редакций блогеры являются источником информации и агентами продвижения медиа в социальных сетях.

Сегодня блогеры – не только самостоятельные субъекты медиапространства, это полноправные игроки в правовом поле. Понятия «блог» и «блогер» стали правовыми, они представлены в действующем законодательстве. Блогеры приобрели правовой статус и соответственно возложенные новым законом обязанности.

Трансгрессивность как сущностная характеристика современного медиатекста

Организаторы конференции “Media and Transgression” [24] толкуют ключевое для данной статьи понятие трансгрессии широко, но в соответствии с этимологией слова – как нарушение правил, установлений, правовых и морально-этических норм, традиций (от лат. *trans*, «через, пере-», и *gradi*, past participle от *gressus*, «идти»), как одно из проявлений силы (power). Это понятие используется традиционно в библеистике (для обозначения нарушений заповедей Бога), праве (нарушение закона, неисполнение обязательств), геологии (наступление моря на сушу).

---

[19] Field J. Social Capital. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. P. 1.

[20] Ibid. P. 12.

[21] См., например: Каминская Т.Л. Автор и адресат в современных медиатекстах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 2-2. С. 314–319.

[22] См., например: Каминская Т.Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Вып. 12. С. 47–55.

[23] См., например: Каминская Т.Л. Блогер как актор развития онлайн-журналистики // Медиалингвистика. 2014. Т. 3. С. 191–193 ; Рыбина Т.И. Проблемы правового статуса блогера // Наука и современность. 2015. Вып. 40. С. 40–44.

[24] Media and Transgression, International Conference at Lund University (Department of Communication and Media, Lund University, Sweden, March 17th 2016). URL : http://www.kom.lu.se/forskning/konferenser-och-natverkstraffar/media-and-transgression/

К сфере проявления трансгрессии в массовой коммуникации, на наш взгляд, относятся следующие феномены:

– трансгрессивное поведение субъектов массовой коммуникации;
– трансгрессивные медиастратегии;
– трансгрессивные медиатексты.

Анализ трансгрессивных кейсов, с одной стороны, позволяет, реконструировать *интенциональный контекст* трансгрессивной коммуникации, намерения и мотивы участников, их роли, с другой – *институциональный контекст*, то есть трансформации в системе медиа, медиаконтент, его жанровый и содержательный пласты.

Анализ трансгрессивного поведения в конфликтной ситуации, сложившейся в отношениях между Россией и Украиной, позволил исследователям [25] реконструировать интенциональный контекст медиаактивности конфликтующих сторон. Авторы убедительно показали, что поведение «трансгрессоров» приводит к уничтожению, или разрушению, репутации контрагента и их собственной и назвали это явление “character assassination”.

По мнению авторов, в кризис особенно значимо доверие аудитории к медиа, имеющим возможность влиять на общественное мнение, и манипуляции этим доверием. Использование медиаплатформ, таким образом, происходит ради 1) формирования доверия к источнику и веры в его законность или 2) постоянной атаки на оппонента. Именно эти целенаправленные усилия исследователи называют “character assassination” – уничтожение, разрушение репутации индивида, социальных групп, институтов.

Актуальным в современной медиакультуре оказался феномен медиафейков [26]. При этом *фейковыми* могут быть любые сообщения и их форматы: фейковые новости, фейковый сайт, фейковая персона, фейковая цитата, жанровый фейк.

В реальном мире человек находит психологические средства защиты от нежелательных воздействий, и в виртуальной среде появляются различные стратегии коммуникации, позволяющие достигать определенного уровня психологического комфорта и являющиеся своеобразными компенсаторными механизмами, средством против усвоения предлагаемого интернетом и публичной сферой потока информации. Современные исследователи выделили особую медиастратегию, которая возникает как реакция на трансгрессивное воздействие массовой коммуникации и сама парадоксально становится трансгрессивной. Медиафеномен *инридиопатии* рассматривается В.Н. Степановым и Е.Н. Зариной [27] как типический для современной медиакультуры и сознания ее носителей и описывается с опорой на эмпирический материал интерактивного общения (блоги, форумы и другие средства социального общения).

Инридиопатией (от лат. *inrīdēre, inrīdeō*, «высмеивать», и греч. *πάθος*, *páthos*, «страсть, состояние, свойство») авторы предлагают называть часто преувеличенную, и даже гипертрофированную, *склонность и одержимость высмеивать публично все и вся вне зависимости от тематики общения, коммуникативного пространства, эстетической обусловленности и ситуативной уместности общения*. Инридиопатия – это медиастратегия, суть которой заключается в публичном высмеивании с использованием средств массовой коммуникации (медиа), преимущественно интернета.

Применяя инридиопатию как коммуникативную стратегию, индивид демонстрирует сопротивление, желание противопоставить себя, свою личность, свое мнение огромному информационному потоку (либо непонятному ему блоку информации) и достичь комфортной степени удовольствия, которая другими способами достигнута быть не может.

---

[25] Samoilenko S.A., Erzikova E., Davydov S. & Laskin A.V. The Practices of Character Assassination: Russian and U.S. News Coverage of the 2014. Airplane Crash in Eastern Ukraine // Old and New: Tradition and Innovation Within the Political Marketing Discipline. The Political Marketing Forum, 4th Edition. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, 13–14 August 2015. S. 21–22.

[26] См., например : Иссерс О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 112–123 ; Манипуляции в СМИ-2014: «фейки» и «утки» // Пресс-служба. 2014. № 12. С. 92–94.

[27] См., например : Степанов В.Н., Зарина Е.Н. Инридиопатия как медиастратегия публичной коммуникации: зачем смеетесь? // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2013. № 4 (27). С. 54–68.

Инридиопатия, по мнению авторов, опирается на экзистенциальную необходимость преодолеть коммуникативный барьер (слишком большой поток информации, потеря собственной коммуникативной идентичности в массовой коммуникации и публичной сфере), и можно предположить, что при устранении данного препятствия индивид получает экзистенциальное же удовольствие.

Экзистенциальный стресс от невозможности проявления и утверждения себя в медиапространстве относится к психологическим издержкам, которые индивид стремится компенсировать пересмешничеством и превращением важного и непонятного в неважное и понятное.

Таким образом, к функциям инридиопатии авторы относят следующие:

– *идентификация* участников инридиопатического общения, добровольное принятие ими коммуникативных ролей контрагентов такого общения (инридиопатов), обмен и порождение инридиопатических смыслов;

– *компенсация* психологических издержек и *преодоление* нежелательного психологического состояния участников общения;

– *гедонизм/гармонизация* общения при получении удовольствия от разгадывания инридиопатических пазлов и угадывания инридиопатического смысла в результате декодирования сообщения;

– *демотивация* публичного, социального поведения человека, реструктурирование социальных установок, норм поведения, понижение их социальной значимости;

– *капитализация* – приращение смысла социальных ценностей, установок и стереотипов (социальный капитал), способствующее обмену ими и внедрению их в сетевом сообществе (*инкультурация*) и собственно формированию последнего на инридиопатических принципах.

Трансгрессивный характер медиатекста проявляется на нескольких уровнях: *структурном* (и проявляется в институционализации новых текстовых элементов), *композиционном* и собственно *лингвистическом*.

В структуру медиатекста вошли конституэнты с высоким трансгрессивным потенциалом. К таким *трансгрессивным элементам* в медиатексте относятся, на наш взгляд, различного рода метки, или теги (tag) – *хештеги, гиперссылки, геолокация*.

Слово или фраза, которым предшествует символ «#», называются ***хэштегами***, или хештегами, метками (от англ. *hashtag*, от hash – символ «решетка» + tag, «ярлык, этикетка, бирка; метить»). С их помощью сообщения объединяются в группу по теме или типу.

Активным элементом современного медиатекста стала ***гиперссылка*** (от англ. *hyperlink*). При нажатии на гиперссылку происходит переход к другому документу или его элементу. Как правило, в качестве гиперссылки используется строка с адресом одной веб-страницы (или элемента этой страницы), размещенная на другой веб-странице. В социальных сетях «ссылаться» можно на *индивидуальные и групповые аккаунты, сообщества, мероприятия*. Гиперссылка может быть добавлена к любому элементу гипертекстового документа и обычно выделяется графически, цветом.

Определение реального географического местоположения электронного устройства, например, радиопередатчика, сотового телефона или компьютера, подключенного к интернету, называется ***геолокацией*** (англ. *geolocation*). Словом «геолокация» может называться как процесс определения местоположения такого объекта, так и само местоположение, установленное таким способом и представленное в медиатексте в виде обособленного по отношению к тексту знака.

Геотегинг (геотэгинг, геотеггинг; гео- от греч. γη, или греч. Γαια, «земля», англ. *tag*) заключается в присоединении географических метаданных к различным информационным ресурсам (веб-сайты, RSS, фотографии), характеризующим эти ресурсы с точки зрения точки съемки, месторасположения и т.п. Геотегинг помогает в поисках различной информации, привязанной к определенной местности. Поисковые системы с поддержкой геотегинга полезны для поиска привязанных к определенному месту новостей, веб-сайтов или других ресурсов.

При активации гиперссылок читатель «трансгрессирует» на одноименную страницу. Следствием такой «волшебной» трансгрессии становится увеличение количества просмотров, лайков, комментариев, репостов – основных показателей SMM.

В композиционном ключе современный медиатекст определяется требованиями ***модульности***, чтобы помочь читателю или зрителю охватить взглядом сразу весь текст. Понятие «модульный текст» Е.В. Быкова определяет как «текст, весь речевой массив которого располагается только на одной плоскости, то есть буквально “втиснут” в заранее заданные параметры, ограниченные определенными, заранее заданными стандартизированными габаритами плоскости» [28]. Ярким примером проявления модульности в медиатексте является ставшее притчей во языцех ограничение количества символов в посте в социальной сети Twitter.

Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве *композиционного стержня* медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному тексту.

В грамматическом отношении теги, представленные в виде гиперссылок, обнаруживают ***грамматическое рассогласование*** с языковым контекстом, поскольку теги, как правило, имеют форму именительного падежа и не меняют его во вставках, что выделяет их графически.

В прагматическом отношении ***трансгрессивность*** в медиатексте используется как *инструмент капитализации* и формирует тот самый социальный капитал, о котором мы писали выше. Тегинг, использование инородных трансгрессивных текстовых вставок, способствует приращению текстового смысла через «приглашение» других акторов (объектов гиперссылок: индивидов и сообществ) и привлечение их внимания к медиатексту, делает их (быть может, против их воли, но в этом и проявляется суть трансгрессии) участниками коммуникации. Таким образом, трансгрессивность является проявлением целенаправленной силы медиатекста, речевой воли его автора.

Привлечение внимания, или паблисити, к медиатексту указывает на еще один вид капитала – паблицитный, или капитала публичности [29]. Трансгрессивная коммуникация, на наш взгляд, способствует приращению паблицитного капитала субъектов медиапространства и использует для этого трансгрессивные медиатексты. Закладываемый (часто анонимным) автором в трансгрессивный медиатекст *паблицитный месседж* объясняет, почему разработчики профессионального стандарта специалиста по связям с общественностью [30] в качестве особой персональной компетенции указали способность быть «человеком-антенной» и улавливать сигналы изменений и трансформировать их в перемены.

В заключение отметим следующее.

Трансгрессия обусловлена актуальными трансформационными процессами, идущими в современном медиапространстве, и сама способствует *трансфигурации* его субъектов. Анализ *интенционального контекста трансгрессии* позволяет реконструировать намерения и мотивы участников (трансгрессоров), их роли. Изучение *институционального контекста трансгрессии* позволяет выявить трансформации в системе медиа, медиаконтента, медиажанров и в медиатексте в целом.

Трансгрессивность является отличительным признаком современного медиатекста и проявляется в его структуре, композиции и языке (стиле). *Трансгрессивный потенциал* медиатекста реализуют инородные вставные текстовые элементы – метки, или теги (хештеги, гиперссылки, геолокация, геотегинг). Важнейшей функцией трансгрессивности медиатекста является приращение паблицитного капитала субъекта медиапространства. Особое мастерство спичрайтера и блогера сегодня заключается в использовании гиперссылок в качестве композиционного стержня медиатекста и способности за их счет придавать смысловую глубину модульному по своей природе медиатексту.

---

[28] Быкова Е.В. Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации : дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2012. С. 42.

[29] См., например : Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления / Фак. журналистики СПбГУ. СПб. : Паллада-медиа : РУСИЧ, 2002. 442 с.

[30] Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью. URL : http://www.raso.ru/profstandart.php

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Антонова, Л.Г. Прагматика жанра в современном медийном дискурсе [Текст] // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллектив. моногр. / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Ярославль : Из-во ЯГПУ, 2014. – С. 131–140.
2. Быкова, Е.В. Модульный текст в массовой коммуникации: закономерности речевой организации [Текст] : дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 2012. – 315 с.
3. Горошко, Е.И. Функционирование гипертекста в среде конвергентных медиа: лингвистический анализ [Текст] // Гипертекст как объект лингвистического исследования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 18–20 октября 2011 г. – Самара : ПГСГА, 2011. – С. 22–40.
4. Дзялошинский, И.М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 46 с.
5. Иссерс, О.С. Медиафейки: между правдой и мистификацией [Текст] // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 112–123.
6. Каминская, Т.Л. Автор и адресат в современных медиатекстах [Текст] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – Вып. 2-2. – С. 314–319.
7. Каминская, Т.Л. Блогер как актор развития онлайн-журналистики [Текст] // Медиалингвистика.– 2014. – Т. 3. – С. 191–193.
8. Каминская, Т.Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – Вып. 12. – С. 47–55.
9. Киуру, К.В. Интернет-жанрология как направление изучения журналистского текста [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 26 (355). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 93. – С. 51–55.
10. Киуру, К.В. Pin как жанр текста в социальных медиа и его дискурсивные характеристики [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 5 (360). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 94. – С. 224–228.
11. Манипуляции в СМИ-2014: «фейки» и «утки» [Текст] // Пресс-служба. – 2014. – № 12. – С. 92–94.
12. Медведева, Е.В. Основные характеристики сетевой коммуникации как нового рода словесности [Текст] // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации : коллектив. моногр. / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Ярославль : Из-во ЯГПУ, 2014. – С. 165–177.
13. Пескова, Е.Н. Байлайнер как жанр интернет-коммуникации [Текст] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – Вып. 11, № 2. – С. 10–13.
14. Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.raso.ru/profstandart.php
15. Рыбина, Т.И. Проблемы правового статуса блогера [Текст] // Наука и современность. – 2015. – Вып. 40. – С. 40–44.
16. Степанов, В.Н. Жанровые признаки поста в социальной сети (на примере Facebook) [Текст] // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникативные и этические проблемы. – М. : Изд-во АПК и ППРО, 2013. – С. 175–181.
17. Степанов, В.Н. Медиакартина мира и способы ее репрезентации и импринтинга в интеркультурной среде [Текст] // Культура в глобализирующемся мире: вызовы и перспективы : материалы междисциплинар. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – М. : Академия ГПС МЧС России, 2014. – 367 с.
18. Степанов, В.Н. Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети фейсбук) [Текст] // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2014. – Вып. 1. – С. 183–191.
19. Степанов, В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации [Текст]. – СПб. : Роза мира, 2008. – 268 с.
20. Степанов, В.Н. Речевое воздействие в рекламе [Текст] : учеб.-практ. пособие. – Ярославль : Изд-во МУБиНТ, 2006. – 42 с.
21. Степанов, В.Н. Семиотические коды в рекламном тексте [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2010. – Вып. 2 (13). – С. 92–100.
22. Степанов, В.Н. Эмоциогенная речь и ее жанры в рекламе [Текст] // Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / отв. ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павлова. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. – С. 121–137.
23. Степанов, В.Н. Инридиопатия как медиастратегия публичной коммуникации: зачем смеетесь? [Текст] / В.Н. Степанов, Е.Н. Зарина // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2013. – № 4 (27). – С. 54–68.

24. Шилина, М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления интернета [Текст]. – М. : ООО «РИЦ Северо-Восток», 2012. – 734 с.

25. Щипицина, Л.Ю. Жанровая характеристика массово-информационного дискурса компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст] // М.В. Ломоносов и полиязычное информационно-образовательное пространство. – Архангельск : Арктич. федерал. ун-т, 2012. – Ч. 1. – С. 263–268.

26. Щипицина, Л.Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации [Текст]. – Архангельск : Помор. ун-т, 2009. – 236 с.

27. Щипицина, Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) [Текст] : дис. … д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 238 с.

28. Шишкина, М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления [Текст] / Фак. журналистики СПбГУ. – СПб. : Паллада-медиа : РУСИЧ, 2002. – 442 с.

29. Field, J. Social Capital [Text]. – L. ; N. Y. : Routledge, 2008. – 168 p.

30. Media and Transgression, International Conference at Lund University (Department of Communication and Media, Lund University, Sweden, March 17th 2016) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.kom.lu.se/forskning/konferenser-och-natverkstraffar/media-and-transgression/

31. Mediatization of Communication [Text] / K. Lundby (ed.). – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.

32. Samoilenko, S.A. The Practices of Character Assassination: Russian and U.S. News Coverage of the 2014. Airplane Crash in Eastern Ukraine [Text] / S.A. Samoilenko, E. Erzikova, S. Davydov & A.V. Laskin // Old and New: Tradition and Innovation Within the Political Marketing Discipline. The Political Marketing Forum, 4th Edition. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, 13–14 August 2015. – P. 21–22.

References

1. Antonova, L.G. The Pregmatics of the genre in Modern Media Discourse [Text] // Aktivnye protsessy v sotsialnoi I massovoi kommunikatsii [The Active Processes in Social and Mass Communication] : a Multi-Authored Monograph / compiled and edited by N.V. Aniskina, K.V. Ukhova. – Yaoslavl' : YaSPU, 2014. – P. 131–140.

2. Bykova, E.V. Mudul'nyi tekst v massovoi kommunikatsii: parknjvernosti rechevoi organizatsii [A Modular Text in Mass Communication: the Regularities of Speech Organization] [Text] : Doctoral Disertation. – St. Petersburg, 2012. – 315 p.

3. Dzialoshinsky, I.M. Kommunikatsionnye strategii sotsial'nyh institutov v mediaprostranstve Rossii [Kommunication strategies of Social Institutes in the Media space of Russia] [Text] : Abstracts of doctoral dissertation. – St. Petersburg, 2013. – 46 p.

4. Field, J. Social Capital [Text]. – L. ; N. Y. : Routledge, 2008. – 168 p.

5. Goroshko, E.I. A Hypertext Functioning in a Convergent Media Milieu: a Linguistic Analysis [Text] // Gypertekst rfr jbyekt lingvisticheskogo issledovaniya [Hypertext as the Object of Linguistic Research] : Materials of the II International theoretical-practical conference, October 18–20, 2011. – Samara : PGSGA, 2011. – P. 22–40.

6. Issers, O.S. Media Fakes: between Truth and Mystification [Text] // Kommunikativnye issledovaniya [Studies in Communication]. – 2014. – Issue 2. – P. 112–123.

7. Kaminskaya, T.L. The Author and the Addressee in Moderm Media Texts [Text] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Herald of St. Petersburg University]. Ser. 9, Philology. Oriental Studies. Journalism. – 2008. – Issue 2-2. – P. 314–319.

8. Kaminskaya, T.L. The Blogger as the Actor of Online Journalism Development [Text] // Medialingvistika [Media Linguistics]. – 2014. – Vol. 3. – P. 191–193.

9. Kaminskaya, T.L. The Structure of the Category "The Image of Mass Communication Addressee" [Text] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Chelyabinsk State University]. – 2008. – Issue 12. – P. 47–55.

10. Kiuru, K.V. Studies of Internet Journalistic Genres as a Research Field [Text] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Chelyabinsk State University]. – 2014. – № 26 (355). – Philology. Art. – Issue 93. – P. 51–55.

11. Kiuru, K.V. Pin as a Social Media Text Genre and its Discourse peculiarities [Text] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Chelyabinsk State University]. – 2015. – № 5 (360). – Philology. Art. – Issue 94. – P. 224–228.

12. Mediatization of Communication [Text] / K. Lundby (ed.). – Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. – 752 p.

13. Manipilations in Mass media: "Fakes" and Newspaper Hoaxes [Text] // Press-sluzhba [Press Service]. – 2014. – № 12. – P. 92–94.

14. Media and Transgression, International Conference at Lund University (Department of Communication and Media, Lund University, Sweden, March 17th 2016) [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.kom.lu.se/forskning/konferenser-och-natverkstraffar/media-and-transgression/.

15. Medvedeva, E.V. The Chief Characteristics of Net Communication as a New Kind of Literature [Text] // The Active Processes in Social and Mass Communication] : a Multi-Authored Monograph / compiled and edited by N.V. Aniskina, K.V. Ukhova. – Yaoslavl' : YaSPU, 2014. – P. 165–177.

16. Peskova, E.N. The By-Liner as an Internet Communication Genre [Text] // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of South-Urals State University]. – Linguistics Series. – 2014. – Issue 11, № 2. – P. 10–13.

17. Professional'nyi standart specialista po svyazyav c obschestvennostyu [The Professional Standard of a Public Relations Specialist] [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.raso.ru/profstandart.php

18. Rybina, T.I. The Problems of a Blogger's Legal Status [Text] // Nauka i sovremennost' [Science and the Modern World]. – 2015. – Issue 40. – P. 40–44.

19. Samoilenko, S.A. The Practices of Character Assassination: Russian and U.S. News Coverage of the 2014. Airplane Crash in Eastern Ukraine [Text] / S.A. Samoilenko, E. Erzikova, S. Davydov & A.V. Laskin // Old and New: Tradition and Innovation within the Political Marketing Discipline. The Political Marketing Forum, 4th Edition. Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, 13–14 August 2015. – P. 21–22.

20. Shchipitsyna, L.Yu. The Genre-related Characteristics of Mass-Information Discourse of Computer-Mediated Communication [Text] // M.V. Lomonosov i poliyazychnoye informatsionno-obrazovatelnoye prostranstvo [M.V. Lomonosov and Multilanguage Information-Education Space]. – Arkhangelsk : Arctic Federal University, 2012. – Part 1. – P. 263–268.

21. Shchipitsyna, L.Yu. The Genres of Computer-Mediated Communication [Text]. – Arkhangelsk : Pomorsky University, 2009. – 236 p.

22. Shchipitsyna, L.Yu. Kovpleksnaya lingvisticheskaya kharakteristika kompyuterno-oposredovannoi kommunikatsii [A comprehensive Linguistic Characteristic of Computer-mediated Communication] (with examples drawn from German) [Text] : Doctoral FDissertation (philology). – Voronezh, 2011. – 238 p.

23. Shilina, M.G. Tekstogennye transformatsii inforsfery. Metodologicheskiy eskiz stanovlenia interneta [Textogenic Transormations of the Info-Sphere. A Methodological Study of the Internet Evolvement] [Text]. – M. : "RITs Severo-Vostok" Ltd., 2012. – 731 p.

24. Shishkina, M.A. Public Relations v systeme sotsial'nogo upravleniya [Public Relations in the System of Social Management] [Text]. – Journalism Dpt. of St. Petersburg State University. – St. Petersburg : Pallada-media : RUSICH, 2002. – 442 p.

25. Stepanov, V.N. Inridiopathy as a Media Strategy of Public Communication: What are you Laughing for? [Text] / V.N. Stepanov, E.N. Zarina // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]. – Ryazan, 2013. – P. 54–68.

26. Stepanov, V.N. The Genre Characteristics of a Post in the Social Net (with Facebook as an example) [Text] // Razvitiye russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunkativnye i eticheskiye problemy [The Development of the Russian Language media Space: Communicative and Ethical Issues. – Moscow : APK and PPRO Publishing House, 2013. – P. 175–181.

27. Stepanov, V.N. The Media Picture of the World and Ways of its Representation and Imprinting in an Intercultural Environment [Text] // Kultura v globaliziruyuschemsya mire: vyzovy i perspektivy [Culture in a Gradually Globalized World: Challenges and Prospects] [Text] : Papers of Interdisciplinary International Theoretical-Practical Research Conference. – Moscow : Academia GPS MChS of Russia, 2014. – 367 p.

28. Stepanov, V.N. A Post as an Instrument of Accumulating "Social Capital" in a Social Net (exemplified by Facebook) [Text] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Tver' State University]. – "Philology" Series. – 2014. – Issue 1. – P. 183–191.

29. Stepanov, V.N. Provotsirovaniye v sottsial'noi i massovoi kommunikatsii [Provoking in Social and Mass Communication] [Text]. – St. Petersburg : Roza mira, 2008. – 268 p.

30. Stepanov, V.N. Rechevoye vozdeistviye v reklame [Verbal Influence in Advertising] [Text] : A Manual. – Yaroslavl : MUBiNT, 2006. – 42 p.

31. Stepanov, V.N. Semiotic Codes in Advertisements [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages in Tertiary Education]. – Ryazan, 2010. – № 2 (13) – P. 92–100.

32. Stepanov, V.N. Emotiogenic Speech and its genres in Advertizing [Text] // Psikhologicheskoye vozdeistviye d mtzhlichnostnoi i massovoi kommunikatsii [Psychological Impact in Interpersonal and Mass Communication] / edited by A.L. Zhuravlyova, N.D. Pavlova. – Moscow : "Institut Psikhologii RAN", 2014. – P. 121–137.

Раздел II
Интрасемиотический и интерсемиотический перевод

УДК 81’25

***Я.М. Колкер**, канд. пед. наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Концепт, концептосфера, перевод

Автор рассматривает соотношение понятий «концепт» и «концептосфера» применительно к переводу поэтических текстов на примере двух стихотворений Р. Киплинга из «Книги Джунглей II». В отличие от концептов, связанных с коллективным и индивидуальным опытом в целом, концептосфера художественных текстов носит завершенный характер. Содержание каждого концепта определяется его местом в семантической структуре произведения; при этом признаки, детализирующие концепт, могут обозначаться лексическими единицами, которые не относятся к тезаурусу основного концепта за пределами произведения.

В статье показано, что выбор нужного слова в переводе определяется, с одной стороны, концептосферой оригинала, а с другой – особенностями языка-приемника. Автор доказывает, что для соответствия оригинала концептосфере переводчик должен использовать концептуальный контекст, который может обусловливать необходимость лексических замен или варьирование в переводе одного и того же слова оригинала.

концепт, концептосфера, признаки концепта, эстетическое переживание, стихотворение, Р. Киплинг, дидактичность, завершенность концептосферы, выбор слова при переводе

***Kolker, Jacob**, Ph.D (Language Teaching Methodology)*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Concept, Conceptual Sphere, Translation

The paper examines the correlation of “concept” and “conceptual sphere” in reference to poetic works (exemplified by two poems of R. Kipling from “Jungle Book II”) and their translation, done by the author of the article. Unlike the concepts related to collective and individual general world vision, the conceptual sphere of a poetic work is always complete. The total content of a concept in a poem is determined by its place in the semantic structure of the poem. The details that characterize a poetic concept may be at some remove from the predictable thesaurus of the same concept outside the sphere of the poem.

The paper shows that the choice of the right word in translation is selected with just as much concern for the conceptual sphere of the original as for the peculiarities of the receptor language.

concept, conceptual sphere, aesthetic emotion, poem, R. Kipling, didactic impact, completeness of the conceptual sphere, choosing the right word in translation

Что такое переводчик художественного текста? Это человек, перелагающий содержание, или человек, интерпретирующий его? Или человек, перелагающий его и интерпретирующий? Андрэ Лефевр принципиально называет перевод “re-writing” на том основании, что «текст перевода не сводится к последовательности (is ‘somewhat more’ than a string of) эквивалентных предложений”[1].

Между профессиями переводчика и педагога (преподавателя иностранного языка в частности) существует много общего. Как и преподаватель иностранного языка, переводчик должен объяснять содержание художественного произведения – объяснять так, чтобы его поняли и вместе с тем почувствовали уникальность и таинственную скрытую от всех, может быть даже и от самого автора, сущность оригинала.

[1] Lefevere A. Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context., N. Y. : The Modern Language Association of America, 1992. P. 8.

© Колкер Я.М., 2016

Автор художественного произведения очень часто не может и не берется объяснить, что он хотел сказать в стихотворении и стихотворением. Такой роскоши переводчик себе позволить не может. Он должен знать наверняка, что и как ему предстоит делать, и рассказать об этом не только себе, но и многим другим людям. При этом «рассказать» не означает дать сопутствующую информацию. Последняя должна быть в самом переводе. Возможно, именно поэтому А. Лефевр полагает, что будущим литераторам и литературным критикам полезно предлагать практику в переводе как способе более глубокого проникновения в текст, в ход реализации авторской интенции [2].

Следовательно, помимо всего прочего, отбирая материал для обучения поэтическому переводу, нужно учитывать, насколько легко будет студенту понять коммуникативное намерение автора в тех случаях, когда оно направлено на толкование какой-либо из философских истин. Объясняющая поэзия, поэзия дидактичная, обычно считается трудной для перевода. И в начале обучения будущих переводчиков поэзии (или литературных критиков) предпочитают отбирать нарративную поэзию: поэтическую балладу, лирическую песню-повествование и т.п. Но не всякая объясняющая поэзия труднее для толкования и интерпретации, чем нарративная поэзия. Если сравнивать мистическую балладу Дж. Китса “La Belle Dame sans Merci” и любое из дидактичных стихотворений Р. Киплинга, то предпочтение, безусловно, отдаешь произведению последнего, так как он откровенно поучает, с предельной эксплицитностью обосновывает свою точку зрения. Его образная система ясна и однозначна, будь то стихотворение для взрослых или для детей. В ходе перевода решаешь целый ряд сложных технических задач, но о самой канве объяснения не приходится беспокоиться. Она на поверхности, и ее поневоле придерживаешься. Такое стихотворение *ведет за собой* переводчика. Оно как регламентирующее правило. С ним переводчику легко. Произведение Р. Киплинга “The Song of the Little Hunter” из книги “The Jungle Book II” может служить примером такого стихотворения-правила.

The Song of the little Hunter	Песнь юного охотника
Ere Mor the Peacock flutters, ere the Monkey People cry, Ere Chil the Kite swoops down a furlong sheer, Through the Jungle very softly flits a shadow and a sigh – He is Fear, 0 Little Hunter, he is Fear! Very softly down the glade runs a waiting, watching shade, And the whisper spreads and widens far and near. And the sweat is on thy brow, for he passes even now – He is Fear, 0 Little Hunter, he is Fear!	В джунглях слышен крик павлиний, у макак переполох, Грянул с неба камнем коршун, метрах, может быть, в двухстах. Но до этого ты слышал в джунглях мимолетный вздох – Это Страх, охотник юный, это Страх. Очень тихо целый день бродит, бродит злая тень, Шепчет что-то, что-то шепчет где-то там, в кустах. И на лбу холодный пот: наблюдает тень и ждет. Это Страх, охотник юный, это Страх.
Ere the moon has climbed the mountain, ere the rocks are ribbed with light, When the downward-dipping trails are dank and drear, Comes a breathing hard behind thee – snuffle-snuffle through the night – It is Fear, 0 Little Hunter, it is Fear! On thy knees and draw the bow; bid the shrilling arrow go; In the empty, mocking thicket plunge the spear! But thy hands are loosed and weak, and the blood has left thy cheek – It is Fear, 0 Little Hunter, it is Fear!	Прежде чем луна взберется на вершины острых скал И следы свои оставит на камнях, Ты услышишь – за спиною кто-то тихо заворчал. Это Страх, охотник юный, это Страх. На колено! Лук и стрелы! Пой, тугая тетива! Где-то прячется добыча на ветвях. Что же дышишь ты едва? Что ж поникла голова? Это Страх, охотник юный, это Страх.

[2] Lefevere A. Translating Literature …

When the heat-cloud sucks the tempest, when the slivered pine-trees fall, When the blinding, blaring rain-squalls lash and veer, Through the war-gongs of the thunder rings a voice more loud than all – It is Fear, 0 Little Hunter, it is Fear! Now the spates are banked and deep; now the footless boulders leap – Now the lightning shows each littlest leaf-rib clear – But thy throat is shut and dried, and thy heart against thy side Hammers: Fear, 0 Little Hunter – this is Fear!	От жары корежит землю, свет от молнии погас, Шквальный ливень – как повязка на глазах. Гром гремучий заглушая, раздается трубный глас. Это Страх, охотник юный, это Страх. Реки бурные полны, скачут резво валуны, Молний свет – видны прожилки на листах. Но зачем же в горле ком? Сердце бьется под ребром И стучит: «Охотник юный, это Страх». *(Р. Киплинг. Книга Джунглей)*

Как видно с первого взгляда, технических трудностей в стихотворении в избытке. Это и система рифм, включая внутреннюю рифму, создающую свою особую симметрию. Это и аллитерация, и ономатопея. Кроме того, стихотворение пронизывается одной сквозной рифмой, обусловленной повтором ключевого слова «страх», и т.д. Однако все технические трудности, о которых шла речь, легко преодолеваются, потому что коммуникативное намерение поэта предлагается читателю (и переводчику) как тропа в джунглях. И от шепота до грома тема страха интерпретируется не только как дидактический призыв: «Не нужно бояться», но прежде всего как попытка выработать иммунитет против страха: «Ты неизбежно будешь бояться, но страх можно преодолеть». Так переложение и интерпретация сливаются, поскольку обе задачи переводчика выполняются одновременно. Рефрен лишь подчеркивает, но отнюдь не объясняет основную мысль стиха: «Ты выслеживаешь, но и тебя, возможно, выслеживают». В этом вся философия стихотворения. Она ясна как читателю, так и переводчику, потому что философская подоплека стихотворения не навязывается, она предъявляется как данность, как одно из условий существования в природе.

Но есть еще аспект, определяющий в большой мере результат сопоставления оригинала и перевода, различных переводов одного оригинала, стихотворений на сходную тематику. Это касается эстетического переживания. О нем говорят гораздо меньше, чем о «замысле», потому что его труднее сформулировать для себя и, вполне понятно, для других. Но эстетическое переживание не эфемерно, как бывает эфемерным «замысел». Оно отражено в содержании стиха и затрагивает все выразительные средства, выражается эксплицитно и имплицитно и, что важно, относится к уже обозначенной в эстетике категории. В стихотворении оно только уточняется, и то, как переводчик справляется с передачей эстетического переживания, определяет и адекватность перевода, и его эффективность. В стихотворении Р. Киплинга «страх» – основное эстетическое переживание. Оно названо в произведении, относится к категории «ужасное», и то, что почувствует читатель/слушатель, отражено, в том числе, и в значениях фраз «мимолетный вздох», «шепчет что-то, что-то шепчет», «кто-то тихо заворчал», «гром гремучий», «трубный глас» и, наконец, «сердце бьется под ребром…». Последовательность фраз, их нарастающая интенсивность усиливают эстетическое переживание. К сожалению, метафору “hammers” передать не удалось. Не по техническим причинам: «сердце бьется молотком» и другие модификации этой фразы укладываются в строку и соответствуют ритмическому рисунку. Но фраза звучит двусмысленно и нарочито.

Итак, *страх* – стержневой поэтический концепт концептуального поля, точка притяжения признаков, отражающих причины появления страха, от шороха до грома и, в конце концов, биения собственного сердца (признак, в котором совмещаются следствие и причина). Концепт «страх» объединяет то, что происходит в природе [3], и объясняет, почему даже луна может являться зловещим предзнаменованием. Здесь можно найти ответ на вопрос, почему Р. Киплинг использует синонимы “shade” и “shadow”, чтобы подчеркнуть и усилить таин-

[3] Ср. у Н. Заболоцкого: «И страхом перекошенные лица / Ночных существ смотрели из травы» (Н. Заболоцкий «Лодейников»).

ственную поступь неопознанного. Аккумуляция признаков основного концепта демонстрирует внутреннее натяжение концептосферы, где синонимия, создавая нюансы, играет не последнюю роль. Иными словами, концептосфера стихотворения принимает положенную ей сферическую форму, в которой пульсирует познание и опыт познания, визуальный и аудитивный. Все это напоминает образ стиха, созданный А. Маклишем в его “Ars Poetica”:

A poem must be palpable and mute,
Like a globed fruit.

Если представить себе, что стихотворение Р. Киплинга – своеобразная «словарная статья», а на это есть все основания, то появляется несколько иная трактовка взаимоотношений «опыта» и «концепта», складывающегося в процессе постижения опыта.

Итак, стихотворение-объяснение, стихотворение-назидание предлагает нашему восприятию ряд характеристик-значений слова «страх», определяющих опыт познания, и этот опыт открывается перед нами как процесс постепенный. Сперва это шорох и легкое дуновение, потом движение в ветвях/кустах и ворчание и т.д. И лишь тогда, когда страх порождается шквалом, ливнем и громом (общепринятые причины страха), начинаешь осмыслять и все остальные проявления страха в одной парадигме. Но, как бы то ни было, сердце стучит в груди молотом. Это и результат познания, и обобщающая характеристика образа, целостность которого подтверждается объемом эстетической категории «ужасного», – в данном случае, не противоречащей категории «прекрасного», так как страх может быть ужасным и прекрасным одновременно, ибо он обостряет все чувства. А то, что существуют люди, подобные Горацио Нельсону [4], говорит о справедливости этого правила.

Стихотворение «Песня юного охотника» – достойный урок переводчику в том, что нельзя переводить стихи, основываясь на теории буквализма. “The Song of the Little Hunter” ни в коем случае нельзя переводить как «Песнь *маленького* охотника», потому что у читателя может возникнуть ложное впечатление, что охотник испытывает страх, поскольку он еще ребенок, а ребенку свойственно бояться. Теряется общечеловеческий характер посыла стихотворения.

Но наше рассуждение непосредственно касается исследований в области когнитивной лингвистики и заставляет обратиться к взаимоотношениям двух лингвокогнитивных понятий – «концепт» и «концептосфера». Насколько нам известно, зарубежные исследователи рассматривают термин «концепт» как центральный компонент своих теоретических построений [5], в то время как термин «концептосфера» в основном фигурирует в российской лингвистической науке [6].

Еще в 1928 году, по свидетельству Д.С. Лихачёва [7], в журнале «Русская речь» была опубликована статья талантливого русского лингвиста С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово». Опираясь на теоретические положения ученого, Д.С. Лихачёв впервые в лингвистике выводит понятие «концептосфера», под которой он понимает «потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом» [8]. По его словам, «концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство…, она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [9].

---

[4] Однажды в детстве будущий адмирал убежал во время сильной грозы на вершину холма. Ребенок объяснил нашедшим его взрослым, что отправился «искать страх».

[5] См., например , известную работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона “The Metaphors We Live by”. University of Chicago Press, 1980. 256 p. (“Our concepts structure what we perceive, how we get around in the world, and how we relate to other people”. P. 124.)

[6] См., например, следующие обобщающие исследования развития отечественной когнитивистики: Александрович Н.В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык) : моногр. М. : Флинта : Наука, 2009. Гл. 1. С. 8–35 ; Чумак-Жунь И.И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. Вып. № 14-1 (69). Т. 4. URL : http://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskiy-kontsept-i-ego-status-v-tipologii-kontseptov#ixzz43MJg18CP

[7] Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

[8] Там же. С. 6.

[9] Там же. С. 5.

Термин «концептосфера», введенный Д.С. Лихачёвым по аналогии с «ноосферой» и «биосферой», очень удобен для описания содержания стихотворения. Но, в отличие от ученого, рассматривая стихотворение как некое понятийное образование, можно сказать, что концептосфера каждого поэтического произведения носит законченный характер. При этом в концептосфере каждый концепт определяется отнюдь не словарным значением, а тем положением, которое концепт занимает в семантической структуре стихотворения, чем подтверждается мысль Д.С. Лихачёва о контекстуальном характере содержания концепта: «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» [10].

Итак, уточняя свое отношение к содержанию стихотворения, переводчик должен рассматривать его как концептосферу. Основной концепт является носителем эстетического переживания и, следовательно, принадлежит к определенной эстетической категории, которая представляет собой единство противоречий. От этого зависит подбор слов, многие из которых могут не относиться к тезаурусу основного концепта за пределами произведения. Каждое стихотворение – это концептосфера со своей внутренней организацией. Ее структура зависит не только от логического соотношения контекстуальных репрезентантов основного концепта, но и от соотнесения всей концептосферы стихотворения с опытом поэта и читателя. Согласно Умберто Эко “We decide how to translate… on the basis of the whole history of two literatures” [11].

Приведем оригинал и перевод стихотворения Р. Киплинга.

The Law of the Jungle

Now this is the Law of the Jungle – as old and as true as the sky;
And the Wolf that shall keep it may prosper, but the Wolf that shall break it must die.
As the creeper that girdles the tree-trunk the Law runneth forward and back –
For the strength of the Pack is the Wolf, and the strength of the Wolf is the Pack.
Wash daily from nose-tip to tail-tip; drink deeply, but never too deep;
And remember the night is for hunting, and forget not the day is for sleep.
The Jackal may follow the Tiger, but, Cub, when thy whiskers are grown,
Remember the Wolf is a hunter – go forth and get food of thine own.
Keep peace with the Lords of the Jungle – the Tiger, the Panther, the Bear;
And trouble not Hathi the Silent, and mock not the Boar in his lair.
When Pack meets with Pack in the Jungle, and neither will go from the trail,
Lie down till the leaders have spoken – it may be fair words shall prevail.
When ye fight with a Wolf of the Pack, ye must fight him alone and afar,
Lest others take part in the quarrel, and the Pack be diminished by war.
The Lair of the Wolf is his refuge, and where he has made him his home,
Not even the Head Wolf may enter, not even the Council may come.
The Lair of the Wolf is his refuge, but where he has digged it too plain,
The Council shall send him a message, and so he shall change it again.
If ye kill before midnight, be silent, and wake not the woods with your bay,
Lest ye frighten the deer from the crops, and the brothers go empty away.
Ye may kill for yourselves, and your mates, and your cubs as they need, and ye can;
But kill not for pleasure of killing, and seven times never kill Man!
If ye plunder his Kill from a weaker, devour not all in thy pride;
Pack-Right is the right of the meanest; so leave him the head and the hide.
The Kill of the Pack is the meat of the Pack. Ye must eat where it lies;
And no one may carry away of that meat to his lair, or he dies.
The Kill of the Wolf is the meat of the Wolf. He may do what he will,
But, till he has given permission, the Pack may not eat of that Kill.

---

[10] Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка … С. 5.
[11] Eco U. Experiences in Translation. University of Toronto Press, 2000. P. 13.

Cub-Right is the right of the Yearling. From all of his Pack he may claim
Full-gorge when the killer has eaten; and none may refuse him the same.
Lair-Right is the right of the Mother. From all of her year she may claim
One haunch of each kill for her litter; and none may deny her the same.
Cave-Right is the right of the Father – to hunt by himself for his own:
He is freed of all calls to the Pack; he is judged by the Council alone.
Because of his age and his cunning, because of his gripe and his paw,
In all that the Law leaveth open, the word of the Head Wolf is Law.
Now these are the Laws of the Jungle, and many and mighty are they;
But the head and the hoof of the Law and the haunch and the hump is – Obey!

Закон джунглей

Это древний Закон джунглей, непреложный, как небосвод.
И насытится тот, кто послушен; ну а тот, кто преступит, – умрет.
И, как плющ обвивает ствол, Закон сам себя поправляет,
Ибо стаей силен каждый волк, а каждый волк – это сила стаи.
Чтоб шкура блестела, ешь, но не ешь и не пей до отвала.
И помни, что ночь для охоты, а днем спать волчонку пристало.
Ты помни, что волк – охотник, шакал пусть объедки ищет.
Когда тебе минет год, ты сам убьешь свою пищу.
Не раздражай сильных – пантеру, медведя строгого,
Не беспокой молчуна Хатхи, не дразни Кабана в его логове.
Когда в спор вступают две стаи, и каждая стая права,
Ложись и молчи. Пусть скажет вожак, он может найти слова.
Когда твой противник из вашей стаи, но хочет сражаться он,
Дерись один на один, чтоб от ссоры был небольшим урон.
«Прибежище волка – жилище», – так говорит Завет.
Туда Вожаку путь заказан, туда не придет Совет.
Но если он выкопал логово прямо у всех на виду,
Пусть ищет другое место – не то попадет в беду.
И, если убьешь до полночи, молчи, не то воем своим
Спугнешь молодого оленя, и брат твой уйдет пустым.
Насытясь, убей для волчицы, убей для своих волчат,
Но не смей убивать человека – скажи себе семь раз подряд!
Если отнимешь добычу, не смей этим хвастать сдуру;
Как говорит Закон, оставь слабому уши и шкуру.
Из мяса, добытого стаей, пусть каждый свое сожрет,
Но тот, кто потащит в логово, тут же на месте умрет.
С добычей, что Волк добыл, Волк поступает, как знает.
И, если Волк разрешит, что-то достанется стае.
Право волчонка до года – от каждого волка в стае
Свою получить долю, все этот закон уважают.
Право волчьего логова, право волчицы в стае
Требовать доли помету. Все этот закон уважают.
Право жилища Волка, право Волка – отца семьи,
Он подвластен только Совету, заботясь о чадах своих.
Хитер, умудрен годами, когтями, клыками силен,
Вожак управляет стаей, и слово его – закон.
Вот все о Законе джунглей, его голова и хребет.
Во всем ему подчиняйся и выполняй Завет.
(Пер. Я. Колкера)

Стихотворение Киплинга представляет собой рамочную структуру, где верхняя граница рамки находит естественное завершение в нижней границе. Обе рамки-границы определяют сущность концептосферы, имеющей внешнюю форму Закона, каким его видит человек, знакомый с юриспруденцией, знающий поведение волков в джунглях и одобряющий его. Закон джунглей – не моральный кодекс, его основная задача – способствовать выживанию. Этим определяется его справедливость. Но, кроме обеспечения справедливости, Закон выполняет профилактическую функцию, которая также входит в концептосферу, и предполагает неотвратимость наказания. Справедливость непосредственно связана с эстетическим переживанием, которое можно сформулировать как уважение Закона и равенство всех перед Законом.

Формулируя права и обязанности всех членов стаи, Закон регламентирует поведение каждого в конкретных обстоятельствах. И опять же это делается на основе не только уважения к закону, но и самоуважения. Поэтому, как всякая категория, нравственная или эстетическая, справедливость содержит в себе диалектическое противоречие: то, что разумно и справедливо в условиях одного сообщества, может быть низменным в иных условиях.

Выделение основного концепта в этом стихотворении сопряжено с некоторыми трудностями, так как в нем основной концепт не назван, хотя это вполне может быть концепт “Law” («Закон»), присутствующий в названии произведения. Последнее по форме представляет собой свод подзаконных актов (или статей закона). Частотность использования концепта «Закон» огромна для небольшого стихотворения. И все-таки, исходя из эстетического переживания, определяющего роль каждого концепта в концептосфере, можно утверждать, что основным концептом является не «Закон», а то, для чего он существует. Закон упорядочивает беспредел. Он служит для того, чтобы навести порядок в хаосе. И основным центром притяжения, вокруг которого группируются другие концепты, является «справедливость» – концепт, которого нет в тексте стиха, но он неизбежно присутствует в подтексте, в невидимом контексте, где справедливость становится принципом организации жизни в джунглях. Здесь необходимо вспомнить, что речь идет о Законе джунглей, где справедливость есть основное этическое переживание – достойное/недостойное поведение, определяющее основное эстетическое переживание – жизнь/смерть и чудо выживания.

Итак, подтекст, создавая разные концептуальные контексты, выдает новую конфигурацию концептосферы. Она носит многоярусный характер (что соотносится с характеристикой структуры концепта как «слоистой» (термин Ю.С. Степанова) [12]:

Закон
Порядок/хаос/беспредел
Справедливость
Чудо выживания

И если принимать во внимание, как мерзко выглядит недостойный (подбирающий объедки и пожирающий падаль) шакал и как прекрасен соблюдающий Закон волк, как прекрасны джунгли, в которых нелегко, но возможно выжить, то концептосфера стихотворения становится прозрачной, а ее структура – четкой и ясной.

Краткая оценка концептосферы стихотворения “The Law of the Jungle” важна для переводчика, который, в отличие от автора или читателя, должен выбирать для себя, чт*о* необходимо непременно сохранить и чем можно пожертвовать. Технически стихотворение Киплинга представляет собой ряд трудностей, не все из которых можно легко преодолеть. Длинная строка, превалирующий трехстопный размер (анапест) и в связи с этим опасность монотонности, фоновые знания, в которые входит и знание произведений Киплинга (таких как «Книга джунглей» – первая и вторая, а также знание его книги притчей “Just So Stories”), необходимость соблюдать тон императива без излишней назидательности – все это обязательства, которые переводчик на себя принимает.

[12] Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования М. : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Концептосфера также определяет выбор нужного слова, а точность значения, в котором оно употребляется, зависит и от особенностей языка-приемника. Так, например, Р. Киплинг использует слово “meat”, имея в виду плоть жертвы. Но в русском переложении точный перевод – «мясо» – будет звучать несколько одиозно, тем более что у Киплинга это слово встречается много раз. Для того чтобы перевод не звучал кровожадно, лучше взять замену «добыча». Но слово «мясо» должно прозвучать, потому что для волка это насущная необходимость: «Из мяса, добытого стаей, пусть каждый свое сожрет…». Слово «сожрет» в данном контексте звучит не как вульгаризм, а используется в денотативном смысле: «есть жадно и быстро». Кроме того, «мясо» и «сожрет», используемые рядом, в пределах одной концептосферы, превращают убийство как акт жестокости в естественный процесс добывания пищи. То же можно сказать и о “killer” в «статье закона джунглей» о правах волчонка: “From all of his Pack he may claim // Full-gorge when the killer has eaten”. Для того чтобы перевод соответствовал концептосфере, переводчик должен использовать концептуальный контекст, для чего вместо «убийца» следует употребить слово «добытчик» (либо воспользоваться обобщением, как в предлагаемом переводе, – «от каждого волка в стае»).

Так как концептосфера стихотворения носит законченный характер, недостаточно говорить только о значении слов, ибо словари, как это формулирует Г. Тури, «лишь *выборочно* документируют лексикон языка» (are only *selective* documentations of lexicons) [13], а необходимо проверять используемые концепты и их признаки по принципу соответствия – несоответствия концептосфере.

Итак, законченность концептосферы в «Законе джунглей» подчеркивается формой стихотворения, напоминающей статьи закона, базирующиеся на справедливости, моральной ответственности, от которой зависит выживание. Концептосферный анализ дает возможность соотнести и объединить два вида интерпретации стихотворения: во время анализа в ходе перевода и во время постпереводческого анализа.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Александрович, Н.В. Концептосфера художественного произведения и средства ее объективации в переводе (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и его переводов на русский язык) [Текст] : моногр. – М. : Флинта : Наука, 2009. – Гл. 1. – 184 с.
2. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] // Изв. АН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1.
3. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст]. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
4. Чумак-Жунь, И.И. Поэтический концепт и его статус в типологии концептов [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – Вып. № 14-1 (69), т. 4. – Режим доступа : http://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskiy-kontsept-i-ego-status-v-tipologii-kontseptov#ixzz43MJg18CP
5. Eco, U. Experiences in Translation [Text]. – University of Toronto Press, 2000. – 135 p.
6. Lakoff, G. The Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
7. Lefevere, A. Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context [Text]. – N. Y. : The Modern Language Association of America, 1992. – 165 p.
8. Toury, G. Descriptive Translation Studies and Beyond [Text]. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins’s Publishing Company, 1998. – 311 p.

[13] “After all, the product of any act of translation is an intended utterance in the target language. To judge from the list of sources that the target dictionaries often bring, this practice has enjoyed some currency mainly in situations where translations have, indeed, carried particular cultural weight, which is quite understandable, given that dictionaries are only *selective* documentations of lexicons” (Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins’s Publishing Company, 1998. P. 207).

References

1. Aleksandrovich, N.V. Kontseptosfera khudozhestvennogo proizvedeniya i sredstva yeyo obyektivatsii v perevode [The Conceptual Sphere of a Work of Fiction and the Means of its Objective Rendering in Translation] (based on F.S. Fitzgerald's novel "The Great Gatsby" and its translations into Russian) [Text] : Monograph. – Moscow : Flinta : Nauka, 2009. – Ch.1. – 184 p.

2. Chumak-Zhun, I.I. The Poetic Concept and its Status in the Typology of Concepts [Electronic resource] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki" [Research Bulletin of Belgorod State University. The Humanities Series]. – 2009. – Issue 14-1 (69). – Vol. 4. – Mode of access : http://cyberleninka.ru/article/n/poeticheskiy-kontsept-i-ego-status-v-tipologii-kontseptov#ixzz43MJg18CP

3. Eco, U. Experiences in Translation [Text]. – University of Toronto Press, 2000. – 135 p.

4. Lakoff, G. The Metaphors We Live by [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

5. Lefevere, A. Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context [Text]. – N. Y. : The Modern Language Association of America, 1992. – 165 p.

6. Likhachov, D.S. The Conceptual Sphere of the Russian Language [Text] // Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka [Bulletin of Academy of Sciences. Literature and Language Series]. – 1993. – Vol. 52, N 1. – P. 3–9.

7. Stepanov, Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kultury. Opyt issledovaniya [Constants. A Dictionary of Russian Culture: Tentative research [Text]. – Moscow : Yazyki russkoy kulturi, 1997. – 824 p.

8. Toury, G. Descriptive Translation Studies and Beyond [Text]. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins's Publishing Company. – 1998. – 311 p.

УДК 81’1

***Е.Г. Логинова**, канд. филол. наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Семиотическое уподобление как функциональная основа кодовых переходов в дискурсе

Vladimir: It’s not certain.
Estragon: No, nothing is certain.
S. Beckett. Waiting for Godot

В статье предпринята попытка показать, как взаимодействуют между собой в дискурсе разные знаки одной знаковой системы и разные знаковые системы, в частности вербальная и невербальная. Автор обосновывает использование термина «кодовый переход», под которым понимается трансформация формы знака и модификация его содержания при интерпретации замысла автора. Это своего рода кодовая метаморфоза, осуществляемая при непосредственном участии автора и читателя (режиссера и зрителя) в процессе упорядочения эксплицитной и имплицитной информации, выраженной в дискурсе.

В статье также доказывается, что функциональной основой кодовых переходов является уподобление как глубинная универсалия процесса познания. Это путь, хотя и не единственный, упорядочения лингвистического и экстралингвистического опыта.

Драма как вид дискурса наиболее приближена по своим характеристикам к ситуации общения, представляя собой коммуникацию как опыт. Обращение к драме в качестве материала исследования позволяет не только рассмотреть многослойный характер коммуникативной ситуации, представленной в пьесе, но и проанализировать процесс, результат и интерпретацию познания, репрезентируемые через реплики персонажей.

На примере наиболее известной пьесы С. Беккета «В ожидании Годо» демонстрируются основные языковые и неязыковые средства, обеспечивающие кодовые переходы в дискурсе, рассматриваются механизмы и индикаторы уподобления.

уподобление, знак, дискурс, вербальный код, невербальный код, кодовые переходы, упорядочение, эксплицитная информация, имплицитная информация, С. Беккет

***Loginova, Elena**, Ph.D. (Philology)*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Semiotic Analogy as a Functional Basis for Code Metamorphoses in Discourse

The article presents the results of lingua-semiotic analysis of dramatic discourse viewed as a correlation of communicative situations, the main components of which include participants and their characteristics, attending circumstances, mode of discourse and others. The analysis aims at revealing the functional basis for code metamorphoses in drama, and in this respect special attention is paid to interaction between different signs within one semiotic system (verbal) as well as interaction and beneficial interference between different semiotic systems (verbal and non-verbal).

The article emphasizes the idea that linguistic and extralinguistic experience finds its manifestation in signs and the mechanism that brings orderliness in this “chaos of signs” is rooted in analogy. Being a cognitive universal, analogy plays a key role in ensuring modeling of complex phenomena, namely communication.

S. Beckett’s “Waiting for Godot” as material for research is used to show the entity of explicit and implicit information in discourse for it serves as an example of the drama of the absurd where the subterranean processes prevail over the visible ones guiding the comprehension and estimation of experience in all its manifestations.

analogy, sign, discourse, verbal code, non-verbal code, code metamorphoses, orderliness, explicit information, implicit information, S. Beckett

© Логинова Е.Г., 2016

Наука когнитология в целом и когнитивная лингвистика в частности занимаются процессами, происходящими вне человека и в его сознании, и являются своеобразным ответом на вопрос, как и в каких направлениях развивается познание.

Все, что имеет отношение к познанию, связано с опытом, его упорядочением. В этом смысле процесс коммуникации как накопление и упорядочение опыта есть взаимодействие разных знаков и знаковых систем, где язык – лишь одна из систем, означивающих и отражающих опыт, хотя и наиболее сложная и также нуждающаяся в упорядочении, чем лингвисты, собственно, всегда и занимались, рассматривая процессы, иллюстрирующие разные модели упорядочения языковой формы и содержания (С. Шаумян, М. Мельчук, О. Есперсен, В. Матезиус, Л. Бархударов, И. Ревзин, Г. Колшанский, Е.С. Кубрякова, А. Кибрик, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ч. Филлмор и др.).

Нас интересует упорядочение опыта, эксплицитно выраженного и имплицитно представленного в дискурсе, который предполагает не только выражение и передачу информации, но и оценку опыта (лингвистического и эстралингвистического), а также оценку разнонаправленных отношений, выражаемых различного рода знаками и знаковыми системами. Соотнесение знаков и знаковых систем в дискурсе иллюстрирует глубинную универсалию процесса познания – уподобление.

Упорядочение информации, необходимое для извлечения максимума смысла из дискурса, движется преимущественно по пути уподобления, а этот путь реализуется за счет кодовых переходов между знаками одного кода и знаками разных кодов, что обеспечивает необходимую, с точки зрения Р. Якобсона, «перекодирующую интерпретацию» когнитивного материала [1].

Под кодовым переходом в работе понимается трансформация формы знака и модификация его содержания при интерпретации замысла автора в рамках одной кодовой системы и при переходе одной кодовой системы в другую.

В своем определении кодового перехода мы опираемся на понимание природы языковой динамики и генерирования смысла, описанной в трудах Ю.М. Лотмана, теорию диалогических отношений между высказываниями М.М. Бахтина, а также определение кода и переходов между кодами, которое предлагает Н.И. Жинкин в концепции внутренней речи.

Н.И. Жинкин трактует код не только как знаковую систему обозначений (язык), но и как «систему материальных сигналов, в которых может быть реализован какой-нибудь определенный язык» [2]. В этом случае возможен переход от одного кода к другому.

Следует обратить внимание, что в современной лингвистической литературе частотны понятия «переключение кодов» или «кодовое переключение» (Ж. Багана и Ю.С. Блажевич и др.), «смешение кодов» (А.Ю. Мутылина и др.), «смена кода», «смена семиотического кода культуры» (М.Л. Ковшова, В.Н. Карпухина и др.). Терминологически все это разные, хотя и соотносимые понятия. Так, переключение кодов (кодовое переключение) и смешение кодов связано с проблемами языковых контактов. Под переключением кодов (кодовым переключением) понимается переход говорящего с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации [3]. Смешение кодов обозначает использование в речи лишь отдельных единиц другого языка, не образующих синтаксических единств [4].

Смена кода трактуется в лингвистической литературе как изменение семиотического кода, в частности, смена вербального кода на визуальный или аудиальный в процессе создания поликодового текста. Также под сменой кода понимается вербальное перекодирование текста в процессе внутриязыковой и межъязыковой коммуникации. В.Н. Карпухина, например, рассматривая художественные тексты на английском и русском языках и их переводы на язык кино и мультипликации, использует понятие смены семиотического кода с целью

---

[1] Якобсон Р. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 366.

[2] Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. Вып. 6. С. 29.

[3] Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). С. 63–68.

[4] Мутылина А.Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1 (13). С. 52–60.

выявить «критерии оценки значимости текстов художественной литературы при смене семиотического кода культуры» [5].

В ходе своего исследования В.Н. Карпухина решает ряд частных задач, связанных с изучением интерпретационного потенциала конструируемых и реконструируемых лингвистических объектов, в том числе определение «общих закономерностей когнитивного моделирования лингвистической реальности» и выявление конкретных «лингвоаксиологических стратегий» порождения и интерпретации текста как объекта данной реальности. В таком научном контексте, как представляется, использование понятия смены кода, безусловно, обосновано.

Однако понятие кодовых переходов, как нам кажется, более точно отражает нашу исследовательскую задачу, поскольку позволяет анализировать переход внутри одного семиотического кода и переход одного семиотического кода в другой как необходимую основу трансляции и упорядочения опыта (лингвистического и экстралингвистического) в процессе общения (дискурса). Кроме того, анализ воспроизводимых в процессе кодовых переходов фракталоподобных структур дает возможность рассмотреть каждый переход как часть многоуровневой системы кодовых переходов, направленных на упорядочение языковых и текстуальных средств выражения авторского замысла.

В качестве материала, демонстрирующего функционирование кодовых переходов в ходе моделирования дискурса, обратимся к дискурсу драмы, а именно, к пьесе ирландского драматурга-абсурдиста С. Беккета «В ожидании Годо». Это, пожалуй, наиболее известное произведение С. Беккета, в котором главные герои, Владимир и Эстрагон, ждут на протяжении всего действия некоего таинственного, так и не появляющегося на сцене Годо.

Критики часто называют творчество С. Беккета экспериментальным: организация материала, отбор деталей, речевой ряд – все подчинено стремлению минимизировать эксплицирующую форму, передать беспорядочное движение мысли, ее хаотичность, ассоциативность, отсутствие причинно-следственных связей. Д.В. Токарев в статье, посвященной С. Беккету, отмечает, что драматург поставил своей задачей вербализацию молчания – «достижение молчания с помощью слова». Пауза при этом функционирует как инструмент, которым «персонаж пытается прорвать однородную словесную массу» [6].

Минимализация формы и содержания «на поверхности» у С. Беккета предполагает максимальную развернутость отношений между формой и содержанием в подтексте, выступая фактором, обеспечивающим упорядочение формы и содержания знака в процессе кодовых переходов.

Ключевым концептом в пьесе является, на наш взгляд, концепт SIMILARITY/ПОДОБИЕ, что иллюстрируется развертыванием концептуального смысла в ходе моделирования дискурса.

Средствами объективации характеристик ключевого концепта выступают как вербальные, так и невербальные средства, в том числе паузы, которые, являясь способом локализации во времени и пространстве имплицитной информации, обладают кумулятивным и, как результат, коммуникативным потенциалом.

Рассмотрим первую коммуникативную ситуацию, представленную в пьесе:

A country road. A tree. Evening.

Estragon, sitting on a low mound, is trying to take off his boot. He pulls at it with both hands, panting. He gives up, exhausted, rests, tries again. As before.

Сразу обращает на себя внимание неопределенный артикль *(a country road, a tree)*, указывающий на то, что действие происходит на какой-то дороге (одной из многих) и дерево тоже может быть любым.

Намеренно не привязывая описываемые события к какому-либо конкретному месту, драматург придает им вселенский масштаб: они могли произойти где угодно. Однако режиссеру спектакля или режиссеру фильма придется выразить всеобщее через единичное, используя иные

---

[5] Карпухина В.Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2013. С. 6.

[6] Токарев Д.В. «Воображение мертво воображайте»: «французская» проза Сэмюэля Беккета // Сэмюэль Беккет. Никчемные тексты. СПб. : Наука, 2001. С. 289, 297.

знаковые системы с опорой именно на артикль как один из маркеров полимодальности, определяющих возможность разных постановок по одной пьесе – многократных интерпретаций изначального текста.

Рассматриваемая коммуникативная ситуация, помимо пространственно-временных параметров (проселочная дорога, вечер), характеризуется наличием одного участника (Эстрагон), которой, сидя на невысокой насыпи, тщетно пытается снять ботинок. Информация, которую Эстрагон передает невербальным поведением (позой, действиями, тяжелым дыханием и т.д.), предназначена для читателя, который также является участником данной коммуникативной ситуации и воспринимает происходящее как повествование.

Ключевой фразой для читателя становится последнее предложение *As before* (Как раньше). Синтаксически представляя собой не обстоятельство времени в составе предыдущего предложения, а отдельное предложение, фраза сигнализирует о том, что вся ситуация происходит не в первый раз. Это уже было прежде и сейчас повторяется, что становится индикатором уподобления: уподобления происходящего тому, что уже есть в опыте, и уподобления будущего опыта тому, что происходит сейчас.

Следующая коммуникативная ситуация, когда появляется Владимир и начинает говорить, подтверждает наше предположение, поскольку представляет собой кодовый переход от невербальных знаков к вербальным, выражающим сходное содержание. Вместе с тем, результат этой коммуникативной ситуации иной. В своем драматическом монологе Владимир подчеркивает, что он не сдается, в то время как Эстрагон приходит к заключению, что ничего уже сделать нельзя:

Estragon: (giving up again). Nothing to be done.

Vladimir: (advancing with short, stiff strides, legs wide apart). I'm beginning to come round to that opinion. All my life I've tried to put it from me, saying Vladimir, be reasonable, you haven't yet tried everything. And I resumed the struggle. (He broods, musing on the struggle. Turning to Estragon.) So there you are again. <…>

Невербальное поведение Владимира *(advancing with short, stiff strides* – приближается мелкими шажками на негнущихся ногах) – уподобление усталому, потрепанному жизнью человеку, которым предстает перед читателем в предыдущей коммуникативной ситуации и Эстрагон.

Ключевым словом последней фразы, адресованной Эстрагону, является наречие *again* (снова, опять). Это парафраза как средство реализации кодовых переходов, заключающееся в производстве внутри одного дискурса некоторой единицы, семантически эквивалентной другой единице, произведенной ранее. В данном случае единице *as before*, задействованной в первой коммуникативной ситуации.

Трансформация – основной механизм парафразы, хотя часто задействуются и такие ментальные операции, как добавление, опущение и др. Среди приемов парафразы могут быть аллюзия или гиперболизация, как в следующем примере – реплике Владимира, когда он намеренно преувеличивает, называя Эстрагона, человека, стоящего на низшей ступеньке социальной лестницы, His Highness (Его Высочество):

Vladimir: (hurt, coldly). May one inquire where His Highness spent the night?

В ходе последующего разговора Владимира и Эстрагона, представляющего собой полемику, репрезентанты ключевого концепта – слова *again, the same, as usual* и др. – неоднократно используются персонажами. Эту же информацию выражают вопросы-переспросы Эстрагона и его ответная реплика *Over there* (Вон там), которая, будучи дейктическим знаком, предполагает сопроводительный жест. Однако Эстрагон произносит реплику без жеста, на что указывается в ремарке, и это подчеркивает, что информация о том, в какой канаве персонаж провел ночь, известна обоим участникам коммуникативной ситуации. Они уже неоднократно выясняли это ранее, как и то, били ли Эстрагона и какие люди это делали:

Vladimir: Together again at last! <…> May one inquire where His Highness spent the night?

Estragon: In a ditch.

Vladimir: (admiringly). A ditch! Where?
Estragon: (without gesture). Over there.
Vladimir: And they didn't beat you?
Estragon: Beat me? Certainly they beat me.
Vladimir: The same lot as usual?
Estragon: The same? I don't know.

Рассмотрим коммуникативную ситуацию, которая формально выражена диалогом, но фактически представляет собой монолог Владимира. Сигналом кодового перехода служит вводная фраза *On the other hand* (с другой стороны) – средство когезии, соединяющее то, о чем пойдет речь, с тем, что было сказано ранее, и способствующее, тем самым, логической организации высказывания, его содержательно-смысловой целостности:

Vladimir: (gloomily). It's too much for one man.) (Pause. Cheerfully.) On the other hand what's the good of losing heart now, that's what I say. We should have thought of it a million years ago, in the nineties.
Estragon: Ah stop blathering and help me off with this bloody thing.
Vladimir: Hand in hand from the top of the Eiffel Tower, among the first. We were respectable in those days. Now it's too late. They wouldn't even let us up. (Estragon tears at his boot.) What are you doing?

Сведение счетов с жизнью с высоты Эйфелевой башни, построенной в 1889 году, было весьма популярно во Франции. Первый случай самоубийства произошел в июле 1898 года. Именно о 90-х годах XIX века говорит Владимир, развивая свою мысль о том, что не надо сдаваться. Герой становится своеобразной точкой отсчета, ведущей к прошлому (flashback). При этом актуализируемые события включаются в отношения противопоставления с ситуацией настоящего. Отметим, что Эйфелева башня еще раз, уже имплицитно, появится в пьесе во втором акте, когда Эстрагон, очнувшись от недолгого сна, будет рассказывать о том, что ему снилось:

Estragon: I was falling –
Vladimir: It's all over, it's all over.
Estragon: I was on top of a –
Vladimir: Don't tell me! Come, we'll walk it off.

Рассмотрим еще несколько коммуникативных ситуаций, последовательно представленных в пьесе за проанализированными выше. Первая – это разговор Владимира и Эстрагона, структурно представляющий собой две коммуникативные ситуации, уподобленные друг другу по форме, при этом вторая становится «зеркальным отражением» первой:

Estragon: (feebly). Help me!
Vladimir: It hurts?
Estragon: (angrily). Hurts! He wants to know if it hurts!
Vladimir: (angrily). No one ever suffers but you. I don't count. I'd like to hear what you'd say if you had what I have.
Estragon: It hurts?
Vladimir: (angrily). Hurts! He wants to know if it hurts!
Estragon: (pointing). You might button it all the same. <…>

Повтор маркирует изменение параметров коммуникативной ситуации, не эксплицируя информацию, но уточняя ее для читателя. Сами же участники коммуникативной ситуации, полемизирующие друг с другом, располагают идентичной информацией.

Вторая ситуация (с использованием невербальных знаков) – разглядывание Владимиром собственной шляпы и изучение Эстрагоном ботинка, который ему наконец-то удается снять. Предваряет все это реплика Владимира, цитирующего строки из Библии:

Vladimir: (musingly). The last moment . . . (He meditates.) Hope deferred maketh the something sick, who said that?

В Библии пословица звучит немного иначе и имеет продолжение: *Hope deferred maketh the heart sicke: but when the desire commeth, it is a tree of life* (Proverbs 13:12). Аллюзии к тексту Священного Писания достаточно часто встречаются на протяжении пьесы, представляя собой интертекстуальность как кодовый переход. Вместе с тем данная пословица может также являться аллюзией к стихотворению Л. Хьюза "What happens to a dream deferred?", написанного несколькими годами ранее английской версии пьесы. Семная структура синонимов *dream*

и *hope* содержит компонент *wish* [7], что позволяет говорить о парафразе, уточняющей смысл высказывания. Приведем полный текст стихотворения:

What happens to a dream deferred?
Does it dry up
Like a raisin in the sun?
Or fester like a sore –
And then run?
Does it stink like rotten meat?
Or crust and sugar over –
like a syrupy sweet?
Maybe it just sags
like a heavy load.
Or does it explode?

Невербальное поведение Владимира (снимает шляпу, смотрит внутрь, трясет ее, снова надевает, затем опять снимает, хлопает по шляпе рукой, пытаясь что-то из нее вытрясти, заглядывает внутрь, снова надевает) и действия Эстрагона с ботинком (смотрит внутрь ботинка, шарит там рукой, переворачивает, трясет, смотрит, не выпало ли что-нибудь, снова засовывает руку в ботинок и т.д.) – пример ситуативной парафразы. Происходит двунаправленное уподобление: уподобляется и эксплицитная информация, и имплицитная информация. Остановимся более подробно на последней.

Согласно данным словаря ассоциаций среди слов, ассоциируемых со словом *шляпа (hat)*, наиболее частотно существительное *голова (head)*, ассоциацией к которому являются слова *мозг, разум (mind)*. Ботинок *(boot)* составляет ассоциативные связи со словами *обувь, подошва,* при этом существительное *подошва* в английском языке *(sole)* омонимично существительному *душа (soul)* [8]. Получаем знаковую оппозицию *разум/душа (mind/soul).* Как и в жизни, ни в душе, ни в мыслях (разуме) нет ничего нового, необычного. Это вывод, к которому приходит Владимир, повторяя фразу Эстрагона, произнесенную в самом начале пьесы, – *Nothing to be done* (Ничего не поделаешь), а затем и Эстрагон приходит к подобному заключению, резюмируя свое обследование ботинка в одном слове – *Nothing* (Ничего).

Оппозиция *разум/душа* не единственная в рассматриваемом дискурсе. Семиотический характер пьесы подчеркивает целый ряд структурных и семантических оппозиций, среди которых: *форма/значение; внутреннее/внешнее; присутствие/отсутствие; собственное «я»/другие люди; хозяин/слуга; день/ночь* и т.п. Текст пьесы в целом есть означающее (форма) и означаемое (содержание), но означаемое остается невыраженным, поскольку Годо так и не появляется. Воспользовавшись выражением Ю.М. Лотмана, можем охарактеризовать означаемое пьесы как отмеченное «значимым нулем» – присутствующее как отсутствие [9].

Выше мы отмечали, что одним из средств осуществления кодовых переходов в дискурсе, трактуемом как последовательность уточнений, возникающих по мере формирования высказывания, является парафраза. Среди других средств осуществления кодовых переходов следует назвать повтор. Примером может служить своеобразный рефрен пьесы: периодически повторяющиеся пять реплик Владимира и Эстрагона:

Estragon: Let's go.
Vladimir: We can't.
Estragon: Why not?
Vladimir: We're waiting for Godot.
Estragon [Despairingly]: Ah! [Pause].

Несмотря на то, что Владимир и Эстрагон практически слово в слово повторяют фразы, отношение героев друг к другу и к тому, что происходит вокруг, каждый раз иное. Отношение читателя к происходящему, его реакция на повторяющийся диалог также меняется, что способ-

[7] Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1997. P. 465, 750–751.
[8] Sociation.org – словарь ассоциаций. URL: http://sociation.org/ (дата обращения: 08.02.2016).
[9] Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М. : Гнозис : Прогресс, 1992. С. 8.

ствует возникновению своего рода внутренней кумуляции в процессе кодовых переходов, которые в данном случае представляют собой рассредоточенный, дистанцированный повтор.

Указание драматурга на то, как должен произнести свою последнюю в рефрене фразу Эстрагон, – еще один индикатор уподобления. Эстрагон произносит фразу с безысходностью *(despairingly)*, зная, что Годо не придет, поскольку и раньше никто никогда не приходил.

Еще один пример, когда именно повтор как средство уподобления сигнализирует об осуществлении кодовых переходов, – разговор Владимира и Эстрагона, в ходе которого персонажи трижды используют слово *start*, но содержание этого знака каждый раз иное. Сравним:

Estragon: Sing something.
Vladimir: No no! (He reflects.) We could start all over again perhaps.
Estragon: That should be easy.
Vladimir: It's the start that's difficult.
Estragon: You can start from anything.
Vladimir: Yes, but you have to decide.
Estragon: True. [Silence.]

Характеристикой подобия единиц, задействованных в рассматриваемых кодовых переходах, становится сема 'begin to happen again' [10]. В первой реплике Владимира *start* функционирует как глагол, который в структуре всей фразы, предваряемой авторской ремаркой о том, что герой раздумывает о чем-то *(He reflects)*, приобретает значение более широкое, философское: начать отсчет существования еще раз, по-иному. В следующей реплике Владимира *start* – существительное. Происходит конверсия как вид кодовых переходов. В ответной реплике Эстрагона *start* вновь функционирует как глагол, однако значение его уже контекстуально иное, сниженное по сравнению с исходным словом: начать петь песню с любой строчки.

Приведем еще два примера, иллюстрирующих значение контекстообразующей функции знака и значение уподобления как принципа организации дискурса – принципа, обусловливающего характер изменений в коммуникативной ситуации, изменений в образной системе дискурса, а также репертуар лингвосемиотических средств упорядочения информации.

Первый пример – коммуникативная ситуация, участниками которой являются Поццо, Владимир и Эстрагон. Поццо пытается найти свою трубку:

Pozzo: <…> (He rummages in his pockets.) What have I done with my pipe? <…>
Pozzo: What can I have done with that briar?
Estragon: He's a scream. He's lost his dudeen. (Laughs noisily.) <…>
Pozzo: (on the point of tears). I've lost my Kapp and Peterson!

Д. Шерцер в работе, посвященной драматургии С. Беккета, относит подобные примеры к так называемой спиралевидной раскрутке семантических значений слова, образующих определенную парадигму (spiraling of semantic paradigms) [11].

Действительно, в представленной коммуникативной ситуации происходят сразу три кодовых перехода: существительное *pipe* (исходное слово) – стилистически нейтральное, переходит в *briar* – существительное с метонимическим значением, возникшем как результат переноса по смежности (родству понятий), то есть как результат уподобления, что также свойственно и для метафорического значения [12].

Два других кодовых перехода представляют собой переход с использованием единиц иного языка *(dudeen* – ирландское слово, обозначающее трубку для курения табака) и еще один переход по смежности: *Kapp & Peterson* – это название крупной марки табачных магазинов, первый из которых открылся в Дублине в 1865 году. Следует отметить, что метонимический перенос как лингвистический механизм «обрастает» здесь дополнительными коннотациями: трубки марки "Kapp & Peterson" курил известный сыщик Шерлок Холмс.

Другой пример – коммуникативная ситуация, когда Владимир и Эстрагон обзывают друг друга оскорбительными прозвищами:

---

[10] Oxford … P. 1496.

[11] Sherzer D. De-Construction in Godot (1978) // Beckett: Waiting for Godot. A casebook edited by Ruby Cohn. Macmillan Press LTD, 1987. P. 145–150.

[12] См., например: В.В. Колесов (1995), М.В. Пименова (2010) и др.

Vladimir: Moron!
Estragon: Vermin!
Vladimir: Abortion!
Estragon: Morpion!
Vladimir: Sewer-rat!
Estragon: Curate!
Vladimir: Cretin!
Estragon: (with finality). Crritic!
Vladimir: Oh!

Семный анализ показывает, что не все используемые в диалоге существительные имеют отрицательную коннотацию. Они приобретают ее, становясь оскорбительными, в результате уподобления по содержанию в процессе кодовых переходов.

Так, например, существительное *curate* и существительное *critic*, произнесенное утрированно, что подчеркивается двойной буквой *r*, уподобляются словам *sewer-rat* и *cretin* соответственно. При этом использование существительного *critic* как наиболее обидного оскорбления по сравнению со словами *moron, vermin, cretin* и другими – отсылка к опыту самого драматурга, который работал критиком. В пьесе Владимир и Эстрагон тоже постоянно комментируют и оценивают то, что произнесли или сделали, объясняют, что имели в виду. Иными словами, исполняют роль критиков в отношении друг друга перед зрителями, которые являются критиками того, что происходит на сцене.

Как мы попытались показать, пьеса С. Беккета «В ожидании Годо» структурно и семантически представляет собой процесс уподобления тому, что уже было когда-то в прошлом и будет в будущем. Однако, уподобляя, С. Беккет часто создает контраст как способ упорядочения опыта. Иллюстрацией могут служить побудительные реплики персонажей, за которыми не следует никакого действия. Например:

Vladimir: Yes, let's go. (They do not move.) <…>
Estragon: I'll go and get a carrot. (He does not move.)

Еще один способ создания контраста в процессе кодовых переходов – использование приема обманутого ожидания. Так, в реплике, приведенной ниже, ожидание использования определенной языковой единицы в конце фразы обусловлено лингвистическим и экстралингвистическим опытом читателя: приглашение сесть предполагает приглашение отдохнуть. Однако драматург прибегает к неожиданному завершению реплики:

Estragon: Come come, take a seat I beseech you, you'll get pneumonia.

Как видим, уподобление, являясь принципом организации дискурса, лежит в основе кодовых переходов любого уровня. При этом содержание дискурса, рассматриваемое с позиций кодовых переходов, приобретает вид цепочки семиотических актов, которые упорядочиваются логикой развертывания коммуникативной ситуации и отношений между участниками ситуации, а также отношения говорящего к тому, о чем идет речь. В этом смысле уподобление есть иконичность как отношение подобия между одним знаком и другим знаком, на который данный знак указывает.

Ч. Пирс отмечал, что существование иконичности предполагает предшествующий опыт: «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует как образ в памяти» [13]. Это в полной мере справедливо относительно знаков в системе языка. Когда же речь идет о функционировании знаков в дискурсе, то каждый переход знаков одного кода и знаков разных кодов – это не только уподобление опыту, но и его кумуляция. Функция же средств уподобления, реализующих кодовые переходы, в самом общем виде может быть сформулирована как регулирование отношений между знаками в рамках одной знаковой системы (вербальной) или между разными знаковыми системами (вербальной и невербальной). Это позволяет рассматривать взаимосвязь вербальных, а также вербальных и невербальных семиотических актов, связанных отношениями формального и содержательного подобия в дискурсе, в частности, дискурсе драмы, организуемом по принципу уподобления повторяющихся актов семиозиса.

---

[13] Цит. по: Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 116.

Список использованной литературы

1. Багана, Ж. К вопросу о переключении кодов [Текст] / Ж. Багана, Ю.С. Блажевич // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 12 (83). – С. 63–68.

2. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи [Текст] / сост. С. Бочаров, В. Кожинов. – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.

3. Жинкин, Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] // Вопросы языкознания. – 1964. – Вып. 6.– С. 26–38.

4. Карпухина, В.Н. Конструирование лингвистической реальности при смене семиотического кода культуры [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 2013. – 47 с.

5. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст]. – М. : Гнозис : Прогресс, 1992. – 271 с.

6. Мутылина, А.Ю. О разграничении понятий «переключение» и «смешение кодов» [Текст] // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 1 (13). – С. 52–60.

7. Токарев, Д.В. «Воображение мертво воображайте»: «французская» проза Сэмюэля Беккета [Текст] // Сэмюэль Беккет. Никчемные тексты. – СПб. : Наука, 2001. – С. 257–315.

8. Якобсон, Р. В поисках сущности языка [Текст] // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – С. 102–117.

9. Якобсон, Р. Избранные работы [Текст]. – М. : Прогресс, 1985. – 455 с.

10. Beckett: Waiting for Godot. A casebook edited by Ruby Cohn [Text]. – Macmillan Press LTD, 1987. – 216 p.

Список использованных произведений

1. Beckett, S. Waiting for Godot [Text]. – Faber and Faber, 2006. – 87 p.

2. Hughes, L. What happens to a dream deferred? [Electronic resource] // Selected Poems of Langston Hughes. – Mode of access : http://www.poetryfoundation.org/poem/175884 (date of access: 19.02.2016).

References

1. Bagana, Zh. Concerning code switching [Text] / Zh. Bagana, Iu. Blazhevich // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University. Scientific Bulletin]. – 2010. – Issue 12 (83). – P. 63–68 (in Russ.)

2. Bahtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles] [Text] / Compiled by S. Bocharov, V. Kozhinov. – Moscow : Khudozhestvennaja literatura, 1986. – 543 p. (in Russ.)

3. Zhinkin, N.I. Code metamorphoses in inner speech [Text] // *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language]. – 1994. – Issue 6.– P. 26–38 (in Russ.)

4. Karpukhina, V.N. *Konstruirovanie lingvisticheskoi realnosti pri smene semioticheskogo koda kultury* [Modelling of linguistic reality in the process of changing the cultural semiotic code] [Text] : Abstract of the doctoral dissertation. – Perm, 2013. – 47 p. (in Russ.)

5. Lotman, Iu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion] [Text]. – Moscow : Gnozis : Progress, 1992. – 271 p. (in Russ.)

6. Mutylina, A.Iu. On "code switching" vs. "code mixing" [Text] // *Vestnik IGLU* [Herald of Irkutsk State Linguistic University]. – 2011. – Issue 1 (13). – P. 52–60 (in Russ.)

7. Tokarev, D.V. "Imagination Dead Imagine": French prose by Samuel Beckett [Text] // Samuel Becket. *Nikchemnye teksty* [Texts signifying nothing]. – Saint Petersburg : Nauka, 2001. – P. 257–315 (in Russ.)

8. Jacobson, R. In Search for the Essence of Language [Text] // *Semiotika* [Semiotics] / Iu. Stepanov (ed., introductory article). – Moscow : Raduga, 1983. – P. 102–117 (in Russ.)

9. Jacobson, R. *Izbrannye raboty* [Selected works] [Text]. – Moscow : Progress, 1985. – 455 p. (in Russ.)

10. Beckett, S. Waiting for Godot. A case book edited by Ruby Cohn [Text]. – Macmillan Press LTD, 1987. – 216 p.

УДК 81’42 +81’255.4+378

***Е.Л. Марьяновская**, канд.пед.наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Постпереводческий анализ как осознанная необходимость

В статье постпереводческий анализ рассматривается как осознанная необходимость, связанная с сопоставлением интерпретации текста оригинала и текстов перевода, с определением идентичности авторского стиля оригинала и стиля переводов, а также с определением социального значения текстов перевода в сопоставлении с социальным значением текста оригинала. Материалом анализа выбраны рассказы из сборника Ш. Андерсена «Уайнсберг, Огайо», представляющие собой взаимосвязанные части целого, так называемого фрагментарного романа, объединенного общим авторским замыслом, что, несомненно, сказывается на характере перевода. Эстетические категории «прекрасное» и «безобразное» представлены в статье как своего рода «линза», высветляющая замысел писателя, который должен быть сохранен в переводе. При этом особое внимание уделяется художественной текстообразующей детали, являющейся средоточием философии Шервуда Андерсена, а также человеческого отношения. Вместо подробных переводческих комментариев автор статьи предлагает свой перевод рассказа Ш. Андерсена «Порядочность».

постпереводческий анализ, художественное, прекрасное, безобразное, Ш. Андерсен, сборник «Уайнсберг, Огайо», «Порядочность», текстообразующая деталь

***Maryanovskaya, Elena**, Ph.D. (Education)*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Post-translation Analysis as an Ever-Growing Necessity

The paper focuses on the post-translation analysis as an ever-growing necessity. The post-translation analysis presupposes a comparative-contrastive analysis of an original and several translations made by different authors. It also means a comparative-contrastive analysis of the writer’s individual style and the ways it is rendered in the translation. Moreover, the post-translation analysis is aimed at revealing the social impact of the original that should be persevered in the target text. Sherwood Anderson’s collection of stories “Winesburg, Ohio” is chosen as material for research. The collection is viewed as a fragmentary novel, the parts of which are united by the author’s conception. The opposition of the aesthetic categories “the beautiful” – “the ugly” underlies Sh. Anderson’s communicative intention. Being two facets of an entity, “the beautiful” and “the ugly” are used by the writer to create the image of the main characters, and to reveal their inner world, which is more important and profound than the characters’ appearance. Thus, cumulating the grotesqueness of the characters to the point of absurdity, the author always balances the beautiful and the ugly. It presents the main translation challenge, as it demands a thorough choice of vocabulary items and collocations on the part of a translator. One more peculiarity of the collection discussed in the paper is a text-building detail, a kind of poetic detail comprising the quintessence of the writer’s philosophy. As an alternative to detailed commentaries the author of the paper suggests her own translation of Sh. Anderson’s story “Respectability”.

post-translation analysis, artistic, beautiful, ugly, Sh. Anderson, collection “Winesburg, Ohio”, “Respectability”, text-building detail

Статья посвящена анализу переводов текстов произведений эпической литературы (жанр – рассказ).

Материалом анализа избран сборник коротких рассказов Ш. Андерсена “Winesburg, Ohio”, представляющий собой фрагментарный роман. Термин «фрагментарный роман» впервые использовал Д.Г. Лоуренс в своем критическом обзоре классиков американской литературы по отношению к сборнику Э. Хемингуэя “In Our Time” [1]. В широком смысле

[1] Lawrence D.H. In Our Time: A Review // Hemingway: A Collection / ed. by P. Weeks. Englewood Cliffs. N. J. : Prentice Hall, 1962.

© Марьяновская Е.Л., 2016

«фрагментарная проза, несмотря на ослабление синтагматических, то есть логически-последовательных связей, остается фрагментарной лишь отчасти, поскольку линейность гипотетически восстановима при помощи расстановки частей текста, изображающих события во временной или причинной последовательности» [2]. Фрагментарность, таким образом, выступает как композиционный прием, позволяющий автору «вовлечь читателя в процесс творчества и показать, что чтение предполагает опору на собственный опыт, соединить ассоциативный характер интерпретации действительности с логико-риторическими способами изложения содержания, обобщить опыт и с этой целью расширить сферу его использования, или взглянуть на один и тот же эпизод бытия под различными углами зрения» [3]. Это, безусловно, сказывается на характере перевода.

Сопоставительный анализ рассматривается в статье в широком смысле: это не только сопоставление оригинала и перевода, но и сопоставление оригинала и нескольких переводов. Сопоставительный постпереводческий анализ предполагает использование сопутствующей терминологии, определение которой играет важную роль для выяснения проблем, связанных с относительной адекватностью перевода и выяснением критериев переводческих удач/неудач, а также причин возникновения переводческих ошибок.

Так, например, в статье используются такие термины, как «художественный текст», «художественный дискурс» и «художественный перевод», которые бытуют в лингвистической науке, в теории и практике перевода, и многие из которых не имеют точных определений.

Задача определения терминов затрудняется тем, что некоторые из них используются в целом ряде соположенных наук: лингвистике, литературоведении, эстетике, герменевтике и т.д., и поэтому намерение вывести однозначные определения осложнено, так как предметы и объекты каждой из наук не совпадают.

Кроме того, вопрос различных терминов связан с наличием разных стилей. При этом следует отметить, что отличия каждого из стилей от другого могут быть расплывчатыми, поэтому в статье даются определения, способствующие однозначности того или иного термина.

Характеристика «художественный» в вышеуказанных терминах используется как обозначение основной характеристики целого ряда понятий, связанных с интерпретацией текста как источника информации, цель которой вызвать эмоциональную реакцию у читателя/слушателя/зрителя, то есть у воспринимающего. В этих терминах «художественный» говорит прежде всего о том, что в высказывании письменном или устном эмоциональная информация преобладает над фактической, а ассоциативный характер восприятия преобладает над логическим.

В связи с вышесказанным необходимо иметь в виду, что, обладая иконичностью, то есть свойством создания образа, «художественный» непосредственно связан с эстетическими категориями, группирующими не только «прекрасное», но и «безобразное», что вполне естественно, так как, будучи категориями, они не имеют смысла одна без другой, так же как, например, трагическое без комического, поскольку категория – это всегда бинарность, противопоставление.

Оценивая художественный образ именно с этих позиций, мы получаем возможность дать точный постпереводческий анализ произведений Шервуда Андерсена. Так, в рассказе “Paper Pills” доктор Рифи изображен как человек внешне неприятный и в какой-то мере противоречащий пониманию «прекрасного» как явления, вызывающего «эстетическое наслаждение, одухотворенность» [4]. Но его большие руки с уродливыми костяшками пальцев вовсе не пугали пришедшую к нему девушку, а, наоборот, успокаивали ее.

Безобразное, понимаемое как «дисгармония частей и целого» [5], и прекрасное, объединяясь, способствуют духовной интеграции образа главного героя рассказа “Respectability” Уоша Уильямса, что также важно для интерпретации всего произведения и для создания адекватного художе-

---

[2] Тарнаруцкая Е.В. Проблема нарративности во фрагментарной прозе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2012. С. 3.

[3] Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. М. : Гуманитарий, 2014. С. 96.

[4] Борев Ю.Б. Эстетика. М. : Высшая школа, 2002. С. 13.

[5] Там же. С. 98.

ственного перевода, то есть такого текста, который вызывает у читающего на языке перевода такое же эмоциональное состояние и воссоздает такой же эстетический эффект, что и оригинал.

Следовательно, подход к постпереводческому анализу с позиции эстетических категорий вполне оправдан, так как позволяет не противопоставлять, а объединять. События, описанные в рассказе “Respectability”, свидетельствуют о прямом и искаженном понимании порядочности, что предопределяет реакцию Уоша Уильямса на окружающий мир, в котором так явно проявляется мещанское (обывательское) отношение к человеку и его потребностям.

Этот подход будет связан с использованием слов, с анализом синтаксических конструкций и структуры всего текста, которые должны быть сохранены в переводе для того, чтобы в полной мере передать замысел автора: тонкое сочетание прекрасного и безобразного – за внешним безобразием героя скрывается внутренняя порядочность и деликатность.

В связи с этой особенностью рассказа “Respectability” следует провести не просто литературоведческий анализ самого произведения, а анализ, направленный на выяснение того, как передать мастерство Ш. Андерсена в реализации противопоставления прекрасное – безобразное. В этом смысле следует учитывать тот факт, что само противопоставление (конфликт) носит конструктивный характер и в прямом и в переносном смысле, потому что на фоне безобразного прекрасное становится еще прекраснее.

Ш. Андерсен подсказывает это читателю с самого начала рассказа, когда говорит об обезьяне в клетке “In the completeness of his ugliness he achieved a kind of perverted beauty”. В своих переводах В. Голышев и Е. Танк используют вариант «извращенная красота», что, на наш взгляд, несколько меняет отношение автора. Ш. Андерсен не имеет в виду ничего «аморального», что заложено в эпитете «извращенная», он, очевидно, хочет подчеркнуть ту самую дисгармонию частей и целого, то есть безобразное в облике животного как естественное состояние безобразного, так же как и естественное состояние красоты – прекрасное. Умберто Эко в своем труде «История уродства» так объясняет этот феномен: поскольку «обретение формы есть благо и мы именуем *formosus* (прекрасное) все то, что в наличии формы видит свое превосходство, подобно тому как *speciosus* (красивый) происходит от *species* (вид), без сомнения, некоторым благом является также и пригодность для обретения формы. Если прекрасна даже бесформенная материя, значит, прекрасно и животное, которое люди по легкомыслию своему называют безобразным, например, обезьяна, у которой, между тем, все части тела соотносятся пропорционально» [6].

Именно этой обезьяне уподобляется в рассказе Уош Уильямс, и на протяжении первых абзацев рассказа Ш. Андерсен усиливает внешние характеристики героя, выводя на первый план «безобразное». Может показаться, что Ш. Андерсен намеренно пытается вести читателя по ложному пути, вызывая чувство отвращения к уродливой во всех отношениях внешности героя.

Далее писатель строит повествование так, что постепенно высветляется внутренний мир героя, его отношение к окружающим, но и здесь Ш. Андерсен идет от безобразного, от дисгармонии внутренней и внешней:

A thing had happened to him that made him hate life, and he hated it wholeheartedly, with the abandon of a poet.	После одного случая он возненавидел жизнь и ненавидел ее всей душой, с упоением поэта. (*Пер. В. Голышева*)	После одного случая он возненавидел жизнь, и возненавидел ее от всей души, с увлечением поэта. (*Пер. Е. Танка*)

Ключевые слова в этом коротком контексте “*wholeheartedly, abandon, poet”* объединены общей семой “deep or strong feeling”. С одной стороны, ненависть и есть это сильное и разрушительное чувство, но, сравнивая Уоша с поэтом, то есть с человеком, способным переживать глубокие чувства и деликатно их выражать, Ш. Андерсен добивается того эффекта,

[6] История уродства / под ред. У. Эко ; пер. с итал. А.А. Сабашниковой, И.В. Макарова, Е.Л. Кассировой, М.М. Сокольской. М. : Слово/Slovo, 2007. С. 44.

о котором мы сказали выше: на фоне безобразного прекрасное становится прекраснее. С другой стороны, ненавидеть невозможно *с упоением или увлечением*: человек может быть *одержим* этим чувством, поэтому точнее всего намерение автора будет передано через коллокацию «с одержимостью поэта, всем сердцем».

Именно здесь начинается перелом отношения читателя к герою, потому что становится понятным, что внутренний мир человека, а не внешние характеристики, интересует Ш. Андерсена в большей степени: за уродливой, гротескной оболочкой может скрываться прекрасная, но так и не понятая другими душа. Это и есть общее намерение автора, цементирующее все рассказы сборника “Winesburg, Ohio” и делающее его фрагментарным романом. Общий тон Ш. Андерсена и единый замысел суммируются в первом рассказе сборника. “The Book of the Grotesque” – своего рода введение в коммуникативную ситуацию: писатель собирается представить на суд читателя галерею персонажей-гротесков, у каждого из которых есть то или иное доведенное до абсурда качество, и есть своя, возведенная в ранг непреложной истины, правда. Автор показывает, что в каждом из нас живет гротеск, мы только не всегда способны это увидеть, а в связи с этим нетерпимо относимся к гротесковости окружающих, не умеем разглядеть внутреннее содержание, иногда заключенное в безобразную внешнюю оболочку.

Для того, чтобы это стало полностью очевидным, необходимо «закрыть» внешнее безобразие, создать такой контекст, когда ничто не будет отвлекать читателя от внутреннего мира героя. И Ш. Андерсен «затемняет» внешнее, безобразное, высветляя внутреннее, прекрасное. Читатель глазами «фокализатора» Джорджа Уилларда словно через увеличительное стекло видит тонкий духовный мир героя:

Half frightened and yet fascinated by the light burning in the eyes of the hideous old man, George Willard listened, afire with curiosity. <…> In the darkness the young reporter found himself imagining that he sat on the railroad ties beside a comely young man with black hair and black shining eyes. There was something almost beautiful in the voice of Wash Williams, the hideous, telling his story of hate. The telegraph operator of Winesburg, sitting in the darkness on the railroad ties, had become a poet. Hatred had raised him to that elevation.	Отчасти напуганный, но и завороженный горящим взглядом безобразного старика, Джордж Уиллард изнемогал от любопытства. <…> Молодому репортеру вдруг представилось, будто рядом, в темноте, на шпалах сидит видный парень, черноволосый, с живыми черными глазами. Что-то почти прекрасное было в голосе урода Вильямса, который рассказывал историю своей ненависти. В темноте, на шпалах сидя, уайнсбургский телеграфист превратился в поэта. Ненависть вознесла его до таких высот. *(Пер. В. Голышева)*	Слегка испуганный, но в то же время зачарованный огнем в глазах ужасного старика, Джордж Уиллард слушал, изнывая от любопытства. <…> И молодому репортеру вдруг представилось в темноте, будто рядом с ним на железнодорожных шпалах сидит красивый молодой человек с черными волосами и сверкающими черными глазами. Что-то почти прекрасное было в голосе Уоша Уильямса, урода, рассказывающего историю своей ненависти. Телеграфист станции Уайнсбург, сидящий в темноте на железнодорожных шпалах, превратился в поэта. Ненависть вознесла его на высоту. *(Пер. Е. Танка)*

В этом эпизоде Ш. Андерсен вновь уподобляет Уоша поэту, именно поэтому наряду с характеристикой *hideous*, которая повторяется в приведенном контексте дважды (как определение и как субстантивированное прилагательное), писатель усиливает прекрасное “something almost beautiful in the voice of Wash Williams” и использует коррелирующее с характеристикой поэта состояние “Hatred had raised him to that elevation”. Прилагательное *hideous* –

безобразный, уродливый – подчеркивает внешний облик героя. Но в русском языке дополнение в постпозиции или препозиции («в голосе урода Вильямса», «в голосе Уоша Уильямса, урода») звучат грубо и не эстетично, что противоречит намерению писателя, тонко создающего необходимое ему противопоставление «прекрасный – безобразный». Ведь именно поэту свойственна такая острота эмоций, что даже ненависть может придавать величие образу. Здесь “elevation” характеризует то же состояние, что и “abandon”, указанное выше. Оба варианта перевода «Ненависть вознесла его до таких высот» (*пер. В. Голышева)* и «Ненависть вознесла его на высоту» (*пер. Е. Танка)* не соответствуют нормам русского языка, в котором существуют коллокации «возносить до небес», *но* «достичь высот». Ш. Андерсен же имеет в виду именно преодоление безобразного и высветление прекрасного. Поэтому вариант «Ненависть придавала ему величие» кажется нам наиболее оправданным. Деликатную грань, которую создает автор в оригинале, очень легко сломать неточным подбором лексики в переводе и небрежным использованием синтаксических структур и коллокаций. Поэтому в процессе перевода текст следует рассматривать как художественный дискурс, определяя процесс выбора автором слова, фразы, грамматической конструкции. Ибо художественный дискурс – это «трехстороннее коммуникативное событие, участниками которого являются автор, читатель и текст» [7], взаимодействующие между собой во время первичного (создание) и вторичного (интерпретация) текстопорождения.

Кроме того, у Ш. Андерсена повествование (динамическое представление происходящего в хронологическом или логическом порядке – temporal order) перемежается с описанием (статическое представление объекта в пространственной перспективе) и на поверхности, и в подтексте, так как повествование призвано скрасить прямолинейность описания. Поэтому статика в переводе менее приемлема, чем динамика.

Had you been in the earlier years of your life a citizen of the village of Winesburg, Ohio, there would have been for you no mystery in regard to the beast in his cage. “It is like Wash Williams”, you would have said. “As he sits in the corner there, the beast is exactly like old Wash sitting on the grass in the station yard on a summer evening after he has closed his office for the night”.	Были бы вы в прежние годы жителем городка Уайнсбурга в Огайо, вам не пришлось бы ломать голову при виде заключенного в клетке зверя. Вылитый Уош Вильямс, сказали бы вы. И в углу сидит точно так, как Уош Вильямс сиживает на травке в станционном дворе летним вечером, когда закроет на ночь свое отделение.	Будь вы в молодые годы жителем Уайнсбурга в Огайо, зверь в клетке не представлял бы для вас загадки. «Обезьяна похожа на Уоша Уильямса, – сказали бы вы. – Сидя в своем углу, она удивительно напоминает старика Уоша, когда летним вечером он отдыхает на травке во дворе станции, заперев на ночь свою контору».
George Willard and the telegraph operator came into the main street of Winesburg. The lights from the store windows lay bright and shining on the sidewalks. People moved about laughing and talking. The young reporter felt ill and weak. In imagination, he also became old and shapeless.	Джордж Уиллард с телеграфистом вышли на главную улицу Уайнсбурга. Свет из витрин яркими сочными пятнами лежал на тротуарах. Шли люди, смеялись, болтали. Молодой репортер чувствовал себя больным и разбитым. Он мысленно видел себя тоже старым и безобразным. *(Пер. В. Голышева)*	Джордж Уиллард и телеграфист вышли на главную улицу Уайнсбурга. На тротуарах лежал яркий и веселый отблеск освещенных витрин. Люди проходили туда и сюда, смеясь и болтая. Молодой репортер чувствовал себя больным и расслабленным. В воображении он сам стал старым и уродливым. *(Пер. Е. Танка)*

[7] Тюпа В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь : ТГУ, 2002. URL : http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1155

Из примера видно, что перевод В. Голышева написан в форме повествования (глаголы «были бы, сказали бы, шли, чувствовал», придающая динамику косвенная речь вместо прямой), и это больше соответствует намерению Ш. Андерсена, мастера повествования. Перевод Е. Танка – это явное описание-наблюдение («будь вы, проходили туда и сюда, в воображении стал»), что свидетельствует о подходе переводчика к тексту оригинала. Ему важнее всего показать, какими же безобразными внешне и лишь в какой-то степени внутренне бывают люди.

С позиций контрастивного анализа следует рассматривать использование художественной детали в сборнике Ш. Андерсена и способы ее передачи в рассказах “Paper Pills” и “Respectability”. Потенциальная сила любой художественной детали проистекает из ее способности «активизировать восприятие читателя, побудить его к сотворчеству, дать простор его ассоциативному воображению. Иными словами, художественная деталь актуализирует прежде всего прагматическую направленность текста и его модальность» [8], и это понимание детали логично вписывается в наше понимание «художественного», где ассоциативный характер восприятия преобладает над логическим. Кроме того, именно такое понимание художественной детали коррелирует с нашим пониманием художественного дискурса.

Речь пойдет об образе рук и в том, и в другом произведении. В рассказе “Respectability” руки Уоша Уильямса, прекрасные и хорошо ухоженные, противопоставляются всей его неприятной внешности. Это единственная деталь внешнего облика Уоша Уильямса, которая контрастирует с безобразием героя с самого начала. Ш. Андерсен делает это очень осторожно, тщательно подбирая слова, и внимательный читатель не пройдет мимо данной характеристики:

He took care of his hands. His fingers were fat, but there was something sensitive and shapely in the hand that lay on the table by the instrument in the telegraph office.	За руками он следил. Пальцы у него были толстые, но что-то ладное и чуткое угадывалось в его руке, когда она лежала у телеграфного ключа. *(Пер. В. Голышева)*	Он заботился о своих руках. Пальцы у него были толстые, но какая-то чуткость и изящество таились в его руке, когда она лежала на столе, рядом с аппаратом в телеграфной конторе. (*Пер. Е. Танка*)

Именно поэтому так важно точно сохранить это отношение в переводе. Ни глагол «следил» за руками, ни «заботился» в русском языке не передают значение «ухоженности». Мы предлагаем вариант «У него были ухоженные руки», в котором уточнение автора сохраняется как элемент художественной детали. Эпитеты «чуткий» и «ладный» также не точны, поскольку «чуткий» в русском языке означает отзывчивый и восприимчивый, а «ладный» подразумевает «хорошо сложенный», но о человеке, а не о руках. Кроме того, Ш. Андерсен вовсе не имеет в виду изящность, используя эпитет “shapely”, так как при толстых пальцах ладонь не может быть изящной. Писатель же вкладывает в него прямое значение «правильной формы».

Противопоставление заключено в самом образе рук и в рассказе “Paper Pills”. Внешне безобразные, они несут, как было сказано выше, умиротворяющую функцию: “The knuckles of the doctor’s hands were extraordinarily large. When the hands were closed they looked like clusters of unpainted wooden balls as large as walnuts fastened together by steel rods”.

Такую же функцию выполняют перезрелые, потерявшие осеннее совершенство, яблоки – “twisted apples”. Но этот образ приводится писателем с несколько иных позиций: нельзя руководствоваться внешними характеристиками, философская истина светит изнутри, потому что вкус перезрелых яблок – это внутреннее ощущение.

[8] Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М. : Просвещение, 1988. С. 110.

В связи с этим следует, на наш взгляд, использовать образ яблок и в переводе заглавия рассказа “Paper Pills”, так как все, что связано с профессиональной деятельностью доктора Рифи не может прозвучать, если буквалистски перевести заглавие, не отражая при этом глубокой философии автора рассказа.

«Вкус перезрелых яблок», на наш взгляд, передает одновременно и глубокую философию, и необходимый эстетический контраст. Кроме того, происходит внутреннее соединение двух образов – образа огромных суставов пальцев доктора Рифи и перезрелых яблок: “On the trees are only a few gnarled apples that the pickers have rejected. They look like the knuckles of Doctor Reefy’s hands”.

Образ рук и образ яблок – это текстообразующие детали, которые, с одной стороны, становятся средоточием человеческого отношения, а с другой – играют роль «линзы», обеспечивающей крупный план и фокусирующей в душе читателя те лучи, благодаря которым образ «выжигается в памяти», то есть остается там навсегда.

Именно благодаря текстообразующим деталям, манера развития действия представляет для переводчика наибольшую трудность. Кумулируя гротесковость главного героя, Ш. Андерсен постоянно сопоставляет прекрасное и безобразное, предполагая не внешнюю форму, а внутреннее содержание. Основная задача переводчика – не увлечься чрезмерной гротесковостью и не допустить в связи с этим переводческих ошибок, искажающих замысел автора.

Вместо комментариев:

Порядочность

Если вы когда-нибудь жили в большом городе и гуляли летним днем в зоопарке, то, может быть, вам доводилось видеть в одной из клеток человекообразную обезьяну, безразлично взирающую на вас, примата с дряблыми мешками под глазами и ярко-багровым задом. Настоящее чудовище. Урод, в безобразии которого просматривалась красота. Дети замирали у клетки, словно завороженные, мужчины с отвращением отворачивались, а женщины, останавливаясь на мгновение, старались припомнить, кого же из знакомых им мужчин напоминало это существо.

А если бы вы жили в городке Уайнсберг, в Огайо, много лет, то у вас не оставалось бы сомнений, на кого похоже это животное в клетке. Это же вылитый Уош Уильямс, сказали бы вы. И сидит в углу точно так же, как старина Уош сидел на траве во дворе маленького вокзала, после того, как летним вечером закрывал свою контору на ночь.

Уош Уильямс, телеграфист Уайнсберга, был самым уродливым существом в городе. Он был очень тучным, но у него была тонкая шея и тощие ноги. Он был весь какой-то неопрятный. Все у него было неряшливым и грязным. Даже белки глаз были какого-то землистого цвета.

Однако стоп. Я слишком увлекся. Все-таки не все у Уоша было грязным и неряшливым. У него были ухоженные руки. И хотя пальцы были толстыми, сама рука, которая лежала на столе рядом с телеграфным аппаратом в отделении, была чувствительной и правильной формы. В молодости Уоша Уильямса называли лучшим телеграфистом в округе, и, несмотря на то, что его разжаловали и перевели в эту мрачную контору в Уайнсберге, он все еще гордился своими способностями.

Уош Уильямс не общался со своими собратьями в городке, в котором жил.

– Мне с ними не о чем говорить, – повторял он, оглядывая мужчин, проходивших по станционной платформе мимо телеграфа, затуманенными глазами. А вечером он направлялся в салун Эдда Гриффитса вверх по Мейн-стрит, и, выпив невероятное количество пива, пошатываясь, шел в свою комнату в отеле Нью Уиллард Хаус и ложился спать.

Уош Уильямс был мужественным человеком. После одного случая он возненавидел жизнь, он ненавидел ее с одержимостью поэта, всем сердцем. Больше всего он ненавидел женщин. Он называл их «стервы», а к мужчинам относился иначе – он их жалел.

– Разве каждый из нас (мужчин) не позволяет какой-нибудь стерве управлять своей жизнью? – спрашивал он.

В Уайнсберге никто не обращал внимания на Уоша Уильямса и на его ненависть к ближним. Однажды миссис Уайт, жена банкира, пожаловалась в телеграфную компанию, сообщив,

что в телеграфном отделении Уайнсберга очень грязно и отвратительно пахнет. Но ее жалоба ни к чему не привела. Везде находились мужчины, которые относились к телеграфисту с уважением. Инстинктивно они чувствовали, что Уош прав. Он имел храбрость возмущаться тем, к чему выразить свое отношение они не решались. И когда Уош, бывало, шел по улице, кто-нибудь из мужчин, нет-нет, да и испытывал желание высказать ему свое уважение, снять шляпу или даже поклониться. Такие же чувства испытывал главный инспектор, который контролировал всех телеграфистов на железной дороге, проходившей через Уайнсберг. Он перевел Уоша в мрачную контору в Уайнсберге, чтобы не увольнять его, и не собирался его оттуда выгонять. Когда инспектор получил жалобу от жены банкира, он порвал ее и злобно усмехнулся. Почему-то, разрывая письмо, он подумал о своей жене.

У Уоша Уильямса тоже когда-то была жена. Когда он был еще совсем юным, он женился на девушке из городка Дейтон, в штате Огайо. Она была высокой и стройной, у нее были голубые глаза и соломенного цвета волосы. И сам Уош был тогда видным юношей. Он любил эту женщину любовью такой же всепоглощающей, как и ненависть, которую он потом испытывал ко всем женщинам.

Во всем Уайнсберге был только один человек, знавший о том случае, который изуродовал облик и характер Уоша Уильямса. Однажды он сам рассказал эту историю Джорджу Уилларду, и вот как это случилось.

Как-то вечером Джордж Уиллард гулял с Белль Карпентер, которая работала модисткой в салоне дамских шляпок миссис Кейт МакХью. Молодой человек вовсе не был влюблен в девушку, у которой к тому же был поклонник, бармен из салуна Эдда Гриффитса. Но когда Джордж и Белль гуляли под деревьями, они иногда обнимались. Ночь и их собственные мысли что-то в них пробудили. Когда они возвращались по Мейн-стрит, то проходили мимо маленькой лужайки за железнодорожной станцией и увидели Уоша Уильямса. Он, казалось, спал на траве под деревом. На следующий день вечером телеграфист и Джордж Уиллард прогуливались вместе. Спустившись вниз по железной дороге, они присели на груду сгнивших шпал за рельсами. Вот тогда-то телеграфист и рассказал молодому репортеру историю своей ненависти.

Раз десять, наверное, Джордж Уиллард и этот странный бесформенный человек, который жил в отеле его отца, могли заговорить. Джордж смотрел на безобразное со зловещей ухмылкой лицо, которое пристально оглядывало столовую отеля, и его съедало любопытство. Что-то такое таилось в его пристальных глазах, что подсказывало молодому человеку, что Уильямсу хоть и нечего было сказать другим, все-таки было, о чем рассказать ему. Летним вечером они долго сидели рядом на шпалах. Но Уош Уильямс не спешил говорить. И тогда Джордж попытался завязать разговор:

– Вы когда-нибудь были женаты, мистер Уильямс? – начал он. – Я полагаю, что были, и Ваша жена умерла, не так ли?

Уош Уильямс разразился потоком грязных ругательств:

– Да, она умерла, – подтвердил он. – Она для меня умерла, так же как и все женщины для меня умерли. Она живой мертвец, который ходит среди мужчин и оскверняет своим присутствием землю.

Глядя Джорджу прямо в глаза, не мигая, Уош побагровел от ярости.

– Выбросьте из головы все ваши глупые мысли, – словно приказал он. – Моя жена, она умерла, да, точно. Я говорю Вам, все женщины падаль, и моя мать, и ваша, и та высокая темноволосая женщина, которая работает в магазине дамских шляп и с которой я видел вас вчера, – все они, все они падаль. Я точно вам говорю, в них есть что-то гнилое, испорченное. Я был женат, точно, и моя жена стала падалью еще до того, как вышла за меня замуж. Она была грязным отвратительным существом, рожденным от женщины еще более грязной. Она была послана мне, чтобы сделать мою жизнь невыносимой. Я, видите ли, был таким же дураком, как и вы сейчас, и я женился на этой женщине. Как бы мне хотелось, чтобы мужчины хоть немного начали понимать женщин. Они посланы для того, чтобы помешать нам сделать мир пригодным для жизни. Это насмешка природы. Фу! Они ползучие, пресмыкающиеся, изворотливые существа, все эти женщины с нежными ручками и голубыми глазами. От одного их вида меня тошнит. Не знаю, почему я не убиваю каждую женщину, которую вижу.

Немного напуганный, но словно завороженный огнем в глазах безобразного старика, Джордж Уиллард слушал, сгорая от любопытства. Опустилась тьма, и он подался вперед, стараясь

разглядеть лицо говорящего. Когда темнота сгустилась настолько, что он уже не мог различать багровое оплывшее лицо и горящие глаза, ему почудилось что-то странное. Уош Уильямс говорил низким ровным голосом, и от этого его слова звучали еще ужасней. В темноте молодому репортеру стало казаться, что он сидит на шпалах рядом с симпатичным черноволосым юношей с сияющими черными глазами. И пока Уош Уильямс, уродливый старик, рассказывал историю своей ненависти, его голос звучал прекрасно.

Телеграфист Уайнсберга, сидящий на шпалах под покровом ночи, превратился в поэта. Ненависть придавала ему величие.

– Я рассказываю Вам это потому, что видел, как вы целовались с этой Белль Карпентер, – сказал он. – То, что случилось со мной, может потом случиться и с вами. Я хочу предостеречь вас, а то вы, может быть, уже строите воздушные замки. Я хочу их разрушить.

И Уош Уильямс начал рассказывать историю своей семейной жизни с высокой голубоглазой блондинкой, с которой он познакомился в Дейтоне в Огайо. Время от времени в его рассказе романтические воспоминания перемежались с потоком жутких ругательств. Телеграфист женился на дочери дантиста, которая была самой младшей из трех сестер. В день свадьбы Уоша за его способности повысили по службе и назначили диспетчером, увеличили жалование и направили в отделение в Коламбусе, в штате Огайо. Там он и поселился со своей женой, купив в рассрочку дом.

Молодой телеграфист был безумно влюблен. С почти религиозным рвением он сумел пройти сквозь все перипетии юности и сохранить чистоту и невинность до самой свадьбы. Он рисовал Джорджу Уилларду картину своей жизни в собственном доме в Коламбусе, в Огайо, с молодой женой.

– В садике позади дома мы сажали овощи, – рассказывал он, – ну знаете, горох, кукурузу и прочее. Мы переехали в Коламбус в самом начале марта, и как только стало теплеть, я начал работать в саду. Я вскапывал черную землю лопатой, а она бегала вокруг и смеялась, притворяясь, будто боится червяков, которых я откапывал. В конце апреля мы начали сажать. Она вставала в узкие бороздки между грядками и держала бумажный пакет. В пакете были семена. Она передавала мне по несколько штук, и я бросал их в теплую мягкую землю.

На мгновение у говорившего в темноте Уоша дрогнул голос:

– Я любил ее, – сказал он. – Я и не отрицаю, что я дурак. Я и сейчас ее люблю. Я помню, в тот весенний вечер я стоял на черной земле у ее ног. Я целовал ее лодыжки, ее туфли. А когда подол ее платья касался моего лица, по моему телу пробегала дрожь. Когда спустя два года вот такой нашей семейной жизни, я узнал, что она умудрилась завести трех любовников, которые регулярно приходили к нам в дом, пока я был на работе, я не захотел трогать ни их, ни ее. Я просто отправил ее домой к матери и ничего не сказал. Говорить-то было нечего. У меня в банке было четыреста долларов, и я отдал ей эти деньги. Я не стал выяснять причины. Я ничего не сказал. Когда она ушла, я рыдал, как глупый мальчишка. Совсем скоро представился случай продать дом, и все деньги я тоже отправил ей.

Уош Уильямс и Джордж Уиллард поднялись с груды шпал и пошли вдоль железнодорожных путей по направлению к городу. Телеграфист закончил свой рассказ быстро, почти задыхаясь.

– За мной послала ее мать, – продолжил он. – Она написала мне письмо и попросила приехать к ним в Дейтон. Когда я вечером пришел к ним, было почти столько же времени, сколько сейчас.

Теперь Уош Уильямс почти кричал:

– Я два часа прождал в гостиной у них дома. Ее мать открыла мне и оставила одного. Дома у них все было обставлено по моде. Они были, что называется, уважаемыми людьми. В комнате стояли плюшевые стулья и кушетка. Я весь дрожал, я ненавидел тех мужчин, я думал, что они соблазнили ее. Мне опротивело жить одному, и я очень хотел, чтобы она вернулась. Чем дольше я ждал, тем более податливым и нежным я становился. Мне казалось, что если она сейчас войдет и дотронется до меня, я потеряю сознание. Я до боли хотел простить ее и все забыть.

Уош Уильямс остановился и пристально посмотрел на Джорджа Уилларда. Молодой человек дрожал, как будто от холода. И снова голос Уоша стал мягким и низким.

– Она вошла в комнату голая, – продолжил он. – Это все придумала ее мать. Пока я ждал, она раздела ее, может быть, как-то уговорила ее. Сначала я услышал голоса за дверью, которая вела в узкий коридор, а потом дверь мягко открылась. Девушке было стыдно, и она застыла, потупившись. Мать не стала входить в комнату. Когда она втолкнула свою дочь, то сама осталась в коридоре и стала ждать, надеясь, что мы…ну, вы понимаете…, – в общем, она ждала.

Джордж Уиллард и Уош Уильямс вышли на главную улицу Уайнсберга. Яркие огни витрин отражались на тротуарах. Люди куда-то шли, смеялись и разговаривали. А молодой репортер чувствовал себя больным и разбитым. Ему показалось, что он стал старым и безобразным как Уош.

– Мать я не убил, – сказал Уош Уильямс, блуждая взглядом по улице. – Я только раз успел ударить ее стулом, потом вбежали соседи и отобрали у меня стул. Она так громко кричала, знаете ли. У меня уже не будет возможности убить ее. Она умерла от лихорадки через месяц после того, как это случилось.

(Пер. наш. – Е.М.)

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Борев, Ю.Б. Эстетика [Текст]. – М. : Высшая школа, 2002. – 551 с.
2. История уродства [Текст] / под ред. У. Эко ; пер. с итал. А.А. Сабашниковой, И.В. Макарова, Е.Л. Кассировой, М.М. Сокольской. – М. : Слово/Slovo, 2007. – 456 с.
3. Колкер, Я.М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. – М. : Гуманитарий, 2014. – 497 с.
4. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста [Текст]. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Тарнаруцкая, Е.В. Проблема нарративности во фрагментарной прозе [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2012. – 21 с.
6. Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) [Электронный ресурс]. – Тверь : ТГУ, 2002. – Режим доступа : http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1155
7. Lawrence, D.H. In Our Time: A Review [Text] // Hemingway: A Collection / ed. by P. Weeks ; Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice Hall, 1962.

References

1. Borev, Yu.B. Estetika [Aesthetics] [Text]. – M. : Vysshaya Shkola, 2002. – 551 p. (in Russ.)
2. Istoriya Urodstva [History of Ugliness] [Text] / ed. by U. Eco. – M. : Slovo, 2007. – 456 p. (in Russ.)
3. Kolker, Ya.M. Poeziya i Prosa Khudozhestvennogo Perevoda [Poetry and Prose of Translating Fiction] [Text]. – M. : Humanist, 2014. – 497 p. (in Russ.)
4. Kukharenko, V.A. Interpretatsiya Teksta [Text Interpretation] [Text]. – M. : Prosveshcheniye, 1988. – 192 p. (in Russ.)
5. Lawrence, D.H. In Our Time: A Review [Text] // Hemingway: A Collection / ed. by P. Weeks. Englewood Cliffs. – N. J. : Prentice Hall, 1962.
6. Tarnatutskaya, E.V. Problema narrativnosti vo fragmentarnoy proze [The Problem of Narrativity in Fragmentary Proze] [Text] : abstract of the candidate thesis. – Samara, 2012. – 21 p.
7. Tyupa, V.I. Khudozhestvennii Diskurs [Bells Lettres Discourse] [Electronic resource]. – Tver : TSU, 2002. – Mode of access : http://medialib.pspu.ru/page.php?id=1155

УДК 81’255.2

***Н.А. Фатеева**, канд. филол. наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Проблемы редактирования художественного перевода поэзии и саморедактирования

В статье анализируются общие проблемы редактирования и саморедактирования перевода поэтического текста на этапе постпереводческого анализа. Автор обосновывает важность саморедактирования сделанного перевода и выделяет основные этапы этого процесса, исходя из подходов к оценке качества стихотворного перевода, основывающихся на выявлении переводческих ошибок, реализации функциональных целей текстов, достижении адекватности и передаче уникального голоса автора, рассмотренных в теориях таких практикующих исследователей, переводчиков и преподавателей, как К.И. Чуковский, М.Л. Лозинский, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.М. Колкер, К. Ваддингтон, Дж. Ал-Кинай, К. Норд, Д.М. Бузаджи, Б. Моссоп и др., а также на основе собственного переводческого опыта.

перевод поэзии, постпереводческий анализ, редактирование, саморедактирование, оценка качества перевода, переводческая ошибка, уникальный голос автора

***Fateeva, Natalia**, Ph.D. (Philology)*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Problems of Editing and Self-Editing in Poetry Translation

The article analyzes the main problems of editing and self-editing in poetry translation at the stage of post-translation analysis. The author of the article proves the importance of self-editing of the poetic translation made and singles out the main steps of this process proceeding from the approaches to poetry translation quality assessment that comprise detection of translation mistakes, realization of the original communicative intention and achieving translation adequacy, as well as the recreation of the poet’s unique voice in translation. These issues are based on the theories of such practicing researchers, translators and readers as K.I. Chukovsky, M.L. Lozinsky, R.K. Minyar-Beloruchev, J.M. Kolker, Ch. Waddington, J. Al-Quinai, Ch. Nord, D. Buzadji, B. Mossop and others, as well as on the author’s own translation experience.

translation of poetry, post-translation analysis, editing, self-editing, translation quality assessment, translation mistake, poet’s unique voice

В силу специфики стихотворного текста перевод поэзии подчиняется особым законам, а, следовательно, оценка адекватности и качества полученного результата этого достаточно субъективного процесса должна иметь объективный инструментарий, потому что перевод – это ответственность переводчика перед автором, чей голос он должен воссоздать; перед читателем, который должен услышать автора, а не переводчика; и, конечно же, перед самим собой и качеством проделываемой работы [1].

Важность редактирования и саморедактирования переводов стихотворных произведений предопределена тем, что многие существующие переводы не получили должного осмысления и искажают оригинал или являются его пересказом, а художественный перевод как особый вид перевода не может являться пересказом идей. Только учитывающий формально-содержательные аспекты произведения перевод позволяет услышать голос и идеи автора.

[1] Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода. М. : Гуманитарий, 2014. С. 4.

© Фатеева Н.А., 2016

Что касается соотношения понятий «редактирование» и «саморедактирование», то редактирование – это достаточно широкий термин, который включает как вычитку и правку собственного перевода, так и аналогичную работу над чужим переводом. Последнее, как правило, относится к работе профессионального редактора отдельно от переводчика, а также к работе специалистов-профессионалов в узкоспециализированной области перевода. Такому редактированию всегда предшествует процесс саморедактирования текста переводчиком. В советской традиции художественного перевода также была практика корректуры и редактуры стихотворных переводов не переводчиком. Однако для художественного перевода поэзии, в силу специфической природы стихотворного текста – лингвокультурологических уникалий и их включения в формально-содержательное единство стиха, – вопрос о стороннем редактировании является достаточно спорным.

Как известно, достижение адекватности в художественном переводе обязательно предполагает комплексный лингвокультурологический анализ, который включает подготавливающий предпереводческий анализ, анализ в процессе перевода и постпереводческий анализ. Лингвокультурологические знания, полученные переводчиком поэзии в ходе предпереводческого анализа, а также опыт перевода как процесса позволяют ему на финальном этапе оценки качества, то есть в ходе постпереводческого анализа, понять, что удалось, а что нет. Он еще раз сопоставляет перевод с оригиналом, отмечает достоинства и недостатки, исправляет то, что может исправить. Некоторые вещи переводчик вынужден оставить без изменений, так как по ряду причин исправить не получается. Однако здесь речь идет не о переводческой ошибке, а о возможности различных уровней компенсации.

В этом и заключается процесс саморедактирования. Ответственность перед самим собой – в оценке того, что переводчик предлагает на суд читателя, который должен понять, что оригинал не искажен, что в нем сохранено основное: образная система, уникальное коммуникативное намерение и исходная звучащая форма, то есть почувствовать, что он читает автора оригинала, а не автора перевода. Именно здесь переводчик может отстоять и обосновать свою позицию создателя именно такой версии перевода.

У литературного критика, имеющего возможность постпереводческого анализа, то есть сопоставления оригинала и полученного перевода, выпадает это важное промежуточное звено анализа в процессе перевода, исходящего из предпереводческого анализа. Поэтому стороннее редактирование в данном случае носит скорее рекомендательный характер. Оно может осуществляться другим, желательно более опытным переводчиком как взгляд со стороны. Стоит также привлекать носителей языка, по возможности профессионалов, которые могут дать ценные социокультурные и исторические комментарии относительно исходных предпосылок текста оригинала в аутентичной среде при переводе с иностранного языка на родной, а также ценные советы относительно правильности языкового и синтаксического употребления и особенностей восприятия представленных образов при переводе с родного языка на иностранный.

Вопросы оценки качества сделанного перевода рассматриваются в различных теориях переводческого анализа российских и западных ученых, практикующих переводчиков и преподавателей.

С чего должно начинаться саморедактирование стихотворного перевода? С определения того, что такое хороший перевод и каковы его критерии. Сегодня это, пожалуй, одна из серьезных трудностей современного переводоведения в части перевода поэзии, так как, помимо традиционных критериев смысловой точности, адекватности и сохранения заложенных эффектов формально-содержательного единства стиха, на первый план выходит понятие возможности – невозможности перевода стихов и звучания в них голоса переводчика. Ряд переводчиков придерживается мнения о непереводимости поэзии в принципе и пути создания перевода-пересказа, перевода-интерпретации, перевода-комментария с попытками сохранения оригинального звучания стиха; значительное количество переводчиков считает, что перевод возможен только на родной язык; наконец, часто говорят о том, что в переводе может звучать голос и проявляться индивидуальный стиль переводчика, особенно если он сам является поэтом, что предпочтительно. Исходя из этого, переводчики и выстраивают процесс редактирования или саморедактирования стихотворного перевода.

Вслед за Я.М. Колкером, мы придерживаемся мнения о том, что переводчику поэзии не обязательно, а порой и не желательно быть поэтом самому. Это – ремесло, а точнее, объективная субъективность ремесла, и ему можно научить в разрезе двунаправленности языковой пары родной – иностранный язык [2]. Таким образом, общий план саморедактирования перевода стихотворения должен строиться на анализе сохранения содержания оригинала, образной системы и символики стиха, индивидуальности поэта, его неповторимого голоса и уникального коммуникативного намерения. Каждый из этих пунктов предполагает подробное иследование. Мы будем рассматривать процесс редактирования и саморедактирования художественного перевода именно с этой позиции.

Такой подход, по сути, является развитием идей советской школы поэтического перевода, работавшей над принципами перевода с иностранного языка на родной. Так, К.И. Чуковский говорит о воспроизведении подлинной творческой личности поэта в переводе и репрезентации его индивидуального стиля, образов и мыслей, с одной стороны, и его литературной манеры, то есть музыки, звукописи и акустики стиха, с другой. Эти аспекты должны выступать отправной точкой в саморедактировании, так как, по мнению К.И. Чуковского, неспособность решить эту задачу приводит к «клевете на писателя», которую сам поэт почти никогда не имеет возможность опровергнуть [3]. При этом в качестве главных ошибок он выделяет не только искажение отдельных слов и фраз, но и так называемые «отсебятины» как искажение задумки и творческой личности переводимого автора, а также выпячивание личности переводчика, особенно если он сам является поэтом.

М.Л. Лозинский на первый план выдвигает эмоциональный эффект и формальную структуру стихотворного произведения как основу для ритма – «самого глубинного, самого мощного организующего начала поэзии», и считает, что переводчик должен как бы перевоплотиться в автора, принимая его манеру и язык, интонации и ритм, сохраняя при этом верность своему языку, а в чем-то и своей поэтической индивидуальности, так как перевод выдающегося литературного произведения сам должен являться таковым [4].

Стоит отметить, что и М.Л. Лозинский, и ряд других советских поэтов-переводчиков, таких как, например, Давид Самойлов, рассматривали именно поэта в роли переводчика. Д. Самойлов разделял работу переводчика и редактора и считал, что редактор должен работать с русским переводом уже как с фактом русской поэзии, учитывая, что все то, что не входит в область максимального совпадения переводимых элементов, является результатом полноценного художественного творчества поэта-переводчика, а значит, несет на себе печать его неповторимой индивидуальности [5].

И все же мы придерживаемся позиции, что переводчик должен быть «невидим», так как перевоплощение в автора оригинала и воссоздание его мысли, интонации и эмоционального колорита отрицает возможность сохранения собственной переводческой манеры. И здесь можно говорить о неком парадоксе перевода поэзии. С одной стороны, понятна позиция тех, кто считает, что переводчик должен быть поэтом, потому что последний чувствует то самое «поэтическое начало», владеет поэтическим языком и умеет работать с образами. С другой стороны, именно привычное следование своему стилю и манере письма губительно сказывается на переводе. Поэтому, вслед за Я.М. Колкером, мы говорим о переводе поэзии как о ремесле, то есть работе с ритмом, компрессией, образами, специфической лексической сочетаемостью, идиоматикой и т.д., то есть с тем, чему можно научить переводчика.

---

[2] Колкер Я.М. Поэзия и проза художественного перевода … С. 4.

[3] Чуковский К. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 3 : Высокое искусство. М. : Терра : Книжный клуб, 2001. URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Vysokoe/glava2.htm

[4] Мир эсперанто. Проблемы стихотворного перевода и стихосложение. URL : http://miresperanto.com/o_russkom_jazyke/vajsblat/3.htm

[5] Самойлов Д. Сравнение перевода с оригиналом. Редактор и перевод : сб. ст. М., 1965. С. 60–71. URL : http://editorium.ru/1490/

Аналогичной позиции придерживается Р.К. Миньяр-Белоручев [6], считающий, что поэту важно передать свое настроение конкретным поэтическим приемом, другой прием будет характеризовать уже другого поэта. Он говорит о следующих помехах для перевода поэзии: 1) при переводе стихотворения поэтом перевод, по сути, становится новым стихотворением этого поэта, например, переводы М. Опицца, выполненные Л. Гинзбургом; 2) в переводе бывает невозможно передать авторскую поэтику, вследствие отсутствия аналогичных поэтем в языке перевода, например, переводы Б. Пастернака, выполненные А. Абрилем; 3) в переводе поэзии переводчик является соперником автора и часто выходит на первый план, так как стремится улучшить или адаптировать оригинал под законы стихотворного жанра страны перевода, например поэтизация стихотворений Ш. Бодлера в переводах М. Цветаевой.

Многие отечественные и зарубежные практикующие преподаватели-переводчики связывают оценку качества перевода с выявлением переводческих ошибок и работой над ними. Так, Кристофер Ваддингтон предлагает количественный анализ ошибок, исходя из полноты передачи информации оригинала с учетом лексических, грамматических и орфографических ошибок; а также тех ошибок, которые связаны с некорректной передачей материала и негативно влияют на понимание смысла оригинала и качество переводов в целом [7].

Для редактирования стихотворного перевода ценен подход К. Ваддингтона к определению серьезности ошибки, которая заключается в том, на сколько других слов в тексте она повлияла и каково отрицательное воздействие ошибок на общее качество перевода. Иными словами, для поэзии, где нет случайных слов и где каждое слово не просто стоит на своем месте, но и влияет на лексическую и синтаксическую дистрибуцию остальных слов в тексте, создавая тем самым полноценный образ и уникальное звучание строки, ошибка, неточность или неудача в переводе одного слова может повлечь за собой неправильное восприятие всего образа.

В качестве примера можно привести перевод первых строк стихотворения М. Цветаевой «Мне нравится, что вы больны не мной», где для передачи значения «больны» ряд переводчиков использует слово “sick”, например: “I like it that you’re not sick for me, I like it that I’m not sick for you...” или “I like that you are obsessed, but not by me. I like that I am sick, but not by you» и др. Помимо ряда ритмических несоответствий и неправильного использования предлогов (где “be sick for” предполагает иные варианты сочетаемости, например, “be sick for home” – «тосковать по дому» и “be sick for love” – «томиться от любви», а сочетание “sick by” грамматически неверно), само слово “sick” в значении «больной» имеет компоненты значения «страдающий тошнотой» и «психически неуравновешенный», которые неосознанно будут вызывать нежелательные для данного контекста ассоциации, нарушая поэтичность и светлую тоску представленного М. Цветаевой образа любви и привязанности.

Проанализировав различные подходы к анализу переводческих ошибок и выделению параметров для сравнения исходного и переводного текста в классификациях и теориях Д.М. Бузаджи, В.В. Гусева, В.К. Ланчикова, Д.В. Псурцева [8], Б. Моссопа [9], Дж. Аль-Киная [10] и К. Норд [11], мы выделили те, которые могут выступать в качестве критериев саморедактирования перевода поэзии, дополнили их собственными наблюдениями и комментариями и предложили примерный поэтапный план постпереводческого анализа стихотворения. Мы

---

[6] Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? / отв. ред. М.Я. Блох. М. : Готика, 1999. 176 с.

[7] Waddington Ch. Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity – Meta : journal des traducteurs // Meta: Translators’ Journal. 2001. Vol. 46, N 2. P. 311–325. URL : https://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/004583ar.pdf

[8] Союз переводчиков России. Классификация переводческих ошибок по Д.М. Бузаджи, В.В. Гусеву, В.К. Ланчикову, Д.В. Псурцеву и распределение «весов» по категориям ошибок. СПб., 2013. URL : http://philologician.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=214:prilozhenie-4-klassifikatsiya-perevodcheskikh-oshibok-po-d-m-buzadzhi-v-v-gusevu-v-k-lanchikovu-d-v-psurtsevu-i-raspredelenie-vesov-po-kategoriyam-oshibok&catid=110&Itemid=538

[9] Материалы для будущих переводчиков, изучающих английский язык. URL : http://wikienglish.ru/?p=362

[10] Pobocikova P. Changes in a Source Text during Repeated Translation. С. 11–12. URL : https://is.muni.cz/th/217560/ff_m/DP_Pobocikova.pdf

[11] Там же. С. 21–28.

также приняли во внимание три этапа саморедактирования перевода, выделенные О.В. Максютиной: 1) сравнительный анализ текста перевода с оригиналом (то есть двуязычного редактирования); 2) проверка текста отдельно от оригинала (то есть одноязычное редактирование); 3) отсроченное редактирование (то есть последующее прочтение текста не менее трех раз перед сдачей готового перевода) [12].

Также необходимо оговориться, что при оценке качества перевода мы разграничиваем понятия переводческой ошибки и переводческой неудачи. В случае переводческой неудачи (смысловой, лексической, грамматической и др.) ошибок как таковых может и не быть, однако подобранные средства передачи образа не позволяют переводчику добиться того же эффекта, что и в оригинале, и компенсировать потери.

I. Мы начинаем именно с этапа одноязычного редактирования, то есть чтения полученного перевода на предмет проверки правильного употребления норм языка-перевода, так как ему предшествовал анализ в процессе перевода. Этот этап включает:

– выверку орфографии, написания имен собственных, названий, дат и прочей специфической информации при ее наличии;

– выверку пунктуации как важного элемента просодических характеристик стиха;

– проверку грамматического (включая фразеологию и морфологию), синтаксического и стилистического согласования или их намеренного нарушения. Так, например, у Я. Смелякова мы встречаем необычную форму существительного – «человеков»: «В газете каждой их ругают // весьма умело и умно, // тех *человеков*, что играют, // придя с работы, в домино» («В защиту домино») или деепричастного оборота «полоскаючи»: «И того не знает, дура, // *полоскаючи* белье, // что в России диктатура / не чужая, а ее!» («Голубой Дунай»). Намеренное искажение морфологии, отражающее особенности авторского стиля, можно передать только на лексическом уровне, например, существительными “persons”, “humans”, “individuals” или “individual” для отражения стилевого и эмфатического выделения слова «человек»;

– выявление жанровых и стилевых неточностей;

– оценку связности текста, легкости восприятия и естественности его звучания с позиции трудночитаемых или непонятных элементов текста. С одной стороны, это относится к правилам лексической сочетаемости и отсутствия искажающего дословного перевода. С другой стороны, ритмообразующий характер воспроизведения поэтического текста определил наличие такого понятия, как «спотыкаться при чтении», причем не только о нарушения ритма, но и о непонятные или неоднозначные конструкции. Если такой эффект не был задуман автором, его необходимо устранять.

Отдельно следует упомянуть порядок слов. Переводчику важно учесть разницу между относительно свободным русским и фиксированным английским порядком слов. Русские поэты часто намеренно «играют» с синтаксисом для создания образности и определенной мелодики, используя, например, обратный порядок слов с нехарактерной препозицией подлежащего или сказуемого, где рема стоит в начале: «*Мне голос детства памятен и слышен*. // *Хранятся смутно в памяти моей* // гуденье липы и цветенье вишен, // торговцев крик и ржанье лошадей (Я. Смеляков «Возвращенная Родина»); а также инверсии зависимых словоформ и препозитивное употребление зависимого инфинитива: «Ни стирать, ни рожать не умела, // Никакая не мать, не жена – // *Лишь одной революции дело* // *Понимала и знала она*» (Я. Смеляков «Жидовка»). Такие приемы создают экспрессию и отделяют поэтический язык от языка повседневного общения.

В английской поэзии чаще наблюдается инверсия для эмоционального выделения, где в начало предложения ставятся выделяемое слово или фраза, далее следует сказуемое, а за ним подлежащее: “*Into many a green valley Drifts the appalling snow*” (У.Х. Оден “As I Walked Out One Evening”) или “It was a cord of maple, cut and split // And piled-and measured, four by four by eight. // *And not another like it could I see*.” (Р. Фрост “The Wood-Pile”).

---

[12] Максютина О.В. К вопросу об обучении редактированию и саморедактированию перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. 2014. № 4 (34) : в 3 ч. Ч. III. С. 121–124. URL : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_4-3_32.pdf

Однако, по сравнению с русским языком, возможности английской инверсии крайне ограничены и синтаксически регламентированы. Поэтому переводчику необходимо перечитать полученное стихотворение на предмет того, не стал ли порядок слов в переводе простым калькированием, искажающим и смысл восприятия, и законы синтаксического согласования.

Несмотря на то, что такая проверка относится к одноязычному этапу редактирования, она напрямую связана с этапом двуязычного редактирования и может повториться еще раз после него.

II. Этап двуязычного редактирования. Здесь необходимо учитывать реализацию затекстовых факторов, а именно отражения характеристик поэта, которые предопределяют организацию, структуру и форму стиха; а также места и времени, то есть привязанности к определенной эпохе, стране, литературному направлению и т.д. Так, на творчество Ярослава Смелякова повлиял тот факт, что он был советским поэтом, прошедшим через разные этапы советской действительности – работу в типографии и газете, репрессии, войну, лагеря и возвращение к мирной жизни и литературной деятельности. Но в своих стихах поэт никогда не выкручивался, не подхалимничал и не врал, он знал, что какие-то вещи можно говорить открыто и напрямую, а какие-то нельзя. Он был искренним патриотом и при этом его стихи полны тонкой и точной иронии. Это – те фоновые знания, которые нельзя обойти. Поэтому переводчику, переводящему его стихи, необходимо понимать, какие моменты и скрытые интенции он может высветлить и эксплицировать, а какие нет. Таким образом, переводчику важно прежде всего оценить совпадение мотивов и соотнесенность функций текста, то есть целей текстов перевода и оригинала. Далее второй этап подразделяется на 3 стадии:

1. Выявление нарушений, связанных с передачей формы и уникального голоса поэта. Этот пункт частично соотносится с этапом одноязычного редактирования и логически его продолжает, потому что первое, что необходимо сделать при оценке качества перевода, – это прочесть перевод вслух строфа за строфой, сопоставляя части перевода с аналогичными частями оригинала, и выявить существенные расхождения в ритмомелодическом звучании, если таковые имеются.

Важно, чтобы сработал принцип гармонии и совпали супрасегментные черты, то есть интонация и тон сообщения: просодия, эмфаза, темп, ритм, паузация, рифмообразующие средства и т.д. Стоит отметить, что, во-первых, переводчик, который обязан сохранить рифму, если оригинал рифмован, не должен стремиться подбирать те же рифмующиеся пары, необходимо работать с общей гармонией серединного и концевого звучания, и, во-вторых, в силу разницы относительной длины русских и английских слов допустимо некоторое расхождение в количестве ударных и неударных слогов. Например, на одно многосложное русское слово может приходиться два-три коротких английских, в том числе с полуударными слогами и наоборот.

Сюда же относится анализ графического расположения информации, например в каллиграммах и фигурных стихах, а также намеренные переносы слов для их выделения из конца одной строки в начало другой либо на отдельную строку, намеренное написание строк с маленькой буквы, длинные и короткие строки и их чередование и т.д.

Хорошим примером может послужить перевод стихотворения В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо», выполненный Педди Бреслином [13]. Приведем последнюю часть: «Помни // это // каждый сын. // Знай // любой ребенок: // вырастет // из сына // свин, // если сын – // свиненок, // Мальчик // радостный пошел, // и решила кроха: // “Буду // делать хорошо, // и не буду – // плохо”» – перевод: “All must grow from small to big – // Nothing ought to balk us. // Boys are bound to grow up pigs // If the boys are porkers. // Tiny toddler understood, // Tiny told his dad: // "I will always do what’s good, // Never what is bad" ”. Общие формальные компоненты оригинала, включая ритмическое и рифменное звучание, достойно переданы в переводе, и мы действительно можем услышать интонации автора. Однако, что касается содержания, то встает ряд вопросов относительно резонности выбранных средств, начиная

[13] Маяковский (перевод) // Живой журнал. URL : https://klezmer.dreamwidth.org/446908.html

с обращенности речи, напрямую связанной с функцией стиха, и заканчивая выбором конкретных лексических единиц с учетом их денотативных и коннотативных компонентов. Например, “toddler” обозначает ребенка, недавно начавшего ходить, как правило, от одного до трех лет, а в стихотворении явно подразумевается ребенок более старшего возраста; а “porkers” обозначает откармливаемых на убой свиней или толстых людей и не относится к неправильному поведению. В этом случае при формальной адекватности пострадала адекватность содержательная, тогда как переводчик должен стремиться сохранить общую гармонию звучания и смысла.

2. Следующим, логично вытекающим пунктом анализа, является выявление нарушений, связанных с передачей смысла и авторского замысла. Переводчику надо оценить полноту и точность перевода и согласованность тематической структуры относительно исходных предпосылок: встраиваемых смыслов, не выраженных эксплицитно, и связи с явлениями и событиями культуры оригинала, которая предопределяет сокращения и расширения информации в переводе для разъяснения реципиенту:

– Следует определить наличие всех элементов исходного сообщения и провести анализ логичности и последовательности изложения идей на предмет потерь, бессмысленности или противоречий, так как расположение информации в стихотворении несет важную смысловую нагрузку и ее перегруппировка в переводе, такая как неоправданное перенесение информации в другую часть стиха или перемена мест строк, может привести к искажению авторского замысла. То есть, переводчику необходимо точно оценить обоснованность своих действий при компенсациях и лексических восполнениях потерянных смысловых компонентов в других частях стиха.

– Далее необходимо провести анализ фактической информации на предмет ее искажения, а также выявить случаи опущения, добавления и замены информации и обосновать их оправданность или неоправданность.

– Важнейшим компонентом является определение динамической эквивалентности или прагматики текста, то есть степени близости текста перевода к заложенному эффекту текста оригинала. С точки зрения содержания сюда входит проверка правильности передачи и экспликации авторского замысла с учетом фактора авторской позиции на предмет ослабления или усиления экспрессии оригинала, нейтрализации или немотивированного создания авторской оценки и т.д., а также оценка представленности денотативного и коннотативного компонентов лексических единиц с более широкой или узкой семантикой, чем в переводе.

3. Несмотря на то, что работа с образами относится к передаче идейного содержания стиха, мы выделяем ее в отдельный пункт как особый компонент триединства поэтического текста «форма – содержание – образность».

– Здесь необходимо провести анализ степени репрезентации в переводе используемых поэтом лексических единиц: а) обусловленных отсылкой текста к объектам и явлениям экстралингвистической реальности, включая специфические социокультурные реалии и безэквивалентную лексику, а также те образы, точная передача которых не создаст того же эффекта у конечного реципиента, что и у исходного реципиента; б) нацеленных на создание определенной атмосферы, образов и характеров героев: диалектизмов, жаргонизмов, идиом и крылатых фраз, заимствований, сниженной лексики, коннотаций и т.д.

Так, в переводимом нами стихотворении Я. Смелякова «1 января 1941 года» для строк «Прославлен день тот самым громким словом, // когда, разбив тюремные оковы, // к нам сыновья Прибалтики пришли. // Мы рядом шли на празднестве осеннем, // и я увидел в этом единенье // прообраз единения земли» нами был представлен перевод: “Let’s praise the day with speeches full of passion, // *When cast off prison shackles and oppression*, // Sons of the Baltics joined our household. // *Aligned we marched at fall glorification*, // and I could see in this unification // the image of the new united world”. Несмотря на то, что в выделенных курсивом строках представлены слова и словосочетания, которые, казалось бы, отражают авторский

замысел: “cast off shackles” как «сбросить оковы», “aligned” как «единодушный, солидарный», общая сочетаемость совместно с неудачной передачей имплицитного образа Ноябрьской демонстрации как “fall glorification” сделали их непонятными и бессмысленными для конечного реципиента, о чем нас и уведомил англоязычный читатель. Поэтому мы прибегли к большей экспликации и разъяснению образа, переработав рифменные пары: “Delivered from the fetters of oppression… // We marched together at November demonstration”.

– Важно изучить степень эксплицированности заложенных коннотаций и репрезентацию фигур речи и стилистических приемов, в частности, метафор, метонимий, эпитетов и т.д., выбор которых определяется лингвистически и экстралингвистически. Важно понимать, что художественный образ является основой художественного произведения, им нельзя жертвовать, однако когда это неизбежно, замена должна быть адекватной.

Таким образом, саморедактирование в процессе постпереводческого анализа является не менее важным условием достижения адекватности при переводе поэзии, чем другие виды анализа. В процессе саморедактирования переводчику необходимо перейти из роли создателя текста в роль конечного реципиента перевода, то есть понять, каким образом на него будет воздействовать перевод. Такой анализ включает в себя как общий подход для стихотворных текстов в целом, так и частный алгоритм, вырабатываемый для каждого отдельно взятого произведения в соответствии с его особенностями, и требует дальнейшей детальной проработки, чему и будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Колкер, Я.М. Поэзия и проза художественного перевода [Текст]. – М. : Гуманитарий, 2014. – 497 с.
2. Максютина, О.В. К вопросу об обучении редактированию и саморедактированию перевода [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4 (34) : в 3 ч. – Ч. III. – С. 121–124. – Режим доступа : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_4-3_32.pdf
3. Материалы для будущих переводчиков, изучающих английский язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://wikienglish.ru/?p=362
4. Маяковский (перевод) [Электронный ресурс] // Живой Журнал. – Режим доступа : https://klezmer.dreamwidth.org/446908.html
5. Миньяр-Белоручев, Р.К. Как стать переводчиком? [Текст] / отв. ред. М.Я. Блох. – М. : Готика, 1999. – 176 с.
6. Мир эсперанто. Проблемы стихотворного перевода и стихосложение [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://miresperanto.com/o_russkom_jazyke/vajsblat/3.htm
7. Самойлов, Д. Сравнение перевода с оригиналом. Редактор и перевод [Электронный ресурс] : сб. ст. – М., 1965. – С. 60–71. – Режим доступа : http://editorium.ru/1490/
8. Союз переводчиков России. Классификация переводческих ошибок по Д.М. Бузаджи, В.В. Гусеву, В.К. Ланчикову, Д.В. Псурцеву и распределение «весов» по категориям ошибок [Электронный ресурс]. – СПб., 2013. – Режим доступа : http://philologician.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=214:prilozhenie-4-klassifikatsiya-perevodcheskikh-oshibok-po-d-m-buzadzhi-v-v-gusevu-v-k-lanchikovu-d-v-psurtsevu-i-raspredelenie-vesov-po-kategoriyam-oshibok&catid=110&Itemid=538
9. Чуковский, К. Собрание сочинений [Электронный ресурс] : в 15 т. – Т. 3 : Высокое искусство. – М. : Терра : Книжный клуб, 2001. – Режим доступа : http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Vysokoe/glava2.htm
10. Waddington, Ch. Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity – Meta : journal des traducteurs [Electronic resource] // Meta: Translators’ Journal. – 2001. – Vol. 46, N 2. – P. 311–325. – Mode of access : https://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/004583ar.pdf
11. Pobocikova, P. Changes in a Source Text during Repeated Translation [Electronic resource]. – P. 10–15. – Mode of access : https://is.muni.cz/th/217560/ff_m/DP_Pobocikova.pdf

References and Electronic resources

1. Kolker, Ya.M. Poeziya i proza khudozhestvennogo perevoda [Poetry and Prose of Literary translation] [Text]. – M. : Gumanitariy, 2014 – 497 p. (in Russ.)

2. Maksyutina, O.V. K voprosu ob obuchenii redaktirovaniyu i samoredaktirovaniyu perevoda [On the question of teaching editing and self-editing translation] [Electronic resource] // Filologicheskie Nauki. Voprosi Teorii i Praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. – Tambov : Gramota, 2014. – N 4 (34) : in 3 parts. – Part III. – P. 121–124. – Mode of access : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2014_4-3_32.pdf (in Russ.)

3. Materials for future translators who study English [Electronic resource]. – Mode of access : http://wikienglish.ru/?p=362 (in Russ.)

4. Mayakovskiy (perevod) [Mayakovsky (translation)] [Electronic resource] // LiveJournal. – Mode of access : https://klezmer.dreamwidth.org/446908.html (in Russ.)

5. Minyar-Beloruchev, R.K. Kak stat' perevodchikom? [How to become a translator?] [Text] / Publishing editor M.Ya. Blokh. – M. : Gotika, 1999. –176 p. (in Russ.)

6. Mir Esperanto. Problemi stikhotvornogo perevoda i stikhoslozhenie [The World of Esperanto. Problems of verse translation and versification] [Electronic resource]. – Mode of access : http://miresperanto.com/o_russkom_jazyke/vajsblat/3.htm (in Russ.)

7. Samoilov, D. Sravnenie perevoda s originalom. Redaktor i perevod [Comparing the translation with the original. Editor and translation] [Electronic resource] : collection of articles. – M., 1965. – P. 60–71. – Mode of access : http://editorium.ru/1490/ (in Russ.)

8. Soyuz perevodchikov Rossii. Klasifikatsiya perevodcheskih oshibok po D.M. Buzadji, V.V. Gusevu, V.K. Lanchikovu, D.V. Psurtsevu i raspredelenie "vesov" po kategoriyam oshibok [Union of Translators of Russia. Classification of translation mistakes according to D.M. Buzadji, V.V. Gusev, V.K. Lanchikov, D.V. Psurtsev and distribution of the errors rates according to the categories of mistakes] [Electronic resource]. – Saint-Petersburg, 2013. – Mode of access : http://philologician.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=214:prilozhenie-4-klassifikatsiya-perevodcheskikh-oshibok-po-d-m-buzadzhi-v-v-gusevu-v-k-lanchikovu-d-v-psurtsevu-i-raspredelenie-vesov-po-kategoriyam-oshibok&catid=110&Itemid=538 (in Russ.)

9. Chukovsky, K. Sobranie sochineniy [Electronic resource] : v 15 t. [Collected Edition in 15 v.]. – V. 3 : Visokoe iskusstvo [High Art]. – M. : Terra : Knizhniy klub [Book club], 2001. – Mode of access : http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Vysokoe/glava2.htm (in Russ.)

10. Waddington, Ch. Different Methods of Evaluating Student Translations: The Question of Validity – Meta : journal des traducteurs [Electronic resource] // Meta: Translators' Journal. – 2001. – Vol. 46, N 2. – P. 311–325. – Mode of access : https://www.erudit.org/revue/meta/2001/v46/n2/004583ar.pdf

11. Pobocikova, P. Changes in a Source Text during Repeated Translation. [Electronic resource]. – P. 10–15. – Mode of access : https://is.muni.cz/th/217560/ff_m/DP_Pobocikova.pdf (in Engl.)

УДК 81’25

***Юэ Фэн**, д-р наук, проф.*
(Фуцзянский нормальный ун-т, Фучжоу, Фуцзян, КНР),
***Ю Цзюньин**, магистр искусств, доц.*
(Минцзянский ун-т, Фучжоу, Фуцзян, КНР)

Между верой и переводом: передача в переводе религиозных терминов (на примере работ Джеймса Легга)

(*на английском языке*)

В статье исследуется, в сопоставительном аспекте, восприятие переводчиком идеологии переводимого текста в условии диалога культур. Джеймс Легг, британский синолог, миссионер и переводчик (1815–1897), первый профессор китайского языка Оксфордского университета, занимался переводом священных китайских книг и созданием трудов о китайских религиозных и философских воззрениях. В своих работах он систематически переводил *di* 帝 (слово, означающее в конфуцианстве сверхъестественное существо высшего ранга), христианским термином «Бог», а слово *shen* 神 передавал как «духи», «духовные существа». Он отождествлял *di* с Богом, и в этом проявлялся его синкретизм в восприятии религий. С другой стороны, все глубже вникая в учение Конфуция в ходе перевода, он проникался духом конфуцианства, что усилило его синкретическое мышление. Перевод и восприятие мира переводчиком, как видно на примере Дж. Легга, постоянно взаимодействуют друг с другом.

перевод, Джеймс Легг, конфуцианские труды, Бог, дух

***Yue Feng**, Ph.D., Professor*
(Fujian Normal University, Fuzhou, Fujian, China),
***Yu Junying**, M.A., Associate Professor*
Minjiang University, Fuzhou, Fujian, China)

Between Faith and Translation: A Case Study of James Legge’s Rendering of Religious Terms

James Legge (1815–1897), a British sinologist, missionary, translator and, later, the first Professor of Chinese at Oxford University, consistently translated the supernatural being of the highest ranking *di* 帝 in Confucian classics by the Christian term “God” and rendered *shen* 神 as “spirits” or “spiritual beings”. This is influenced by his syncretic attitudes towards religions. He believed *di* is identical with God. On the other hand, as he delved deeper into Confucianism during the course of translation, he developed closer affinity with Confucianism, which strengthened his syncretic thinking. A translation and its translator’s ideology (in Legge’s case, his religious thinking), are constantly interacting with each other.

translation, James Legge, Confucian works, God, spirit

1. James Legge and his translation of Confucian Classics

James Legge (1815–1897) was a Scottish missionary with London Missionary Society. He had spent about thirty years of his life in China before he left to become the first Professor of Chinese in Oxford University. He devoted about half a century to translating traditional Chinese classics, especially *the Four Books* and *Five Classics*, representative works of Confucianism. Besides translation, he provided readers with long prolegomena and detailed explanations. He was the first one to have systematically translated ancient Confucian works during his professional odyssey. His works remain standard translations in the collection of UNESCO.

Confucianism inherits the system of rites from the *Shang* and the *Zhou* Dynasties (17th – 11th century B.C.). In Confucianism *di* 帝 or *shangdi*上帝 is the deity of the highest ranking and *shen* 神 refers to other lower – level deities. These terms are frequently mentioned in Confucian classics. Legge’s rendering of these terms was so special that he became the focal point of disputes.

© Юэ Фэн, Ю Цзюньин, 2016

Among previous researches, Professor Lauren Pfister has offered an in – depth discussion of Legge's earlier religious education in relation to his religious thinking and undertakings. Norman Girardot and Anna Sun, Yang Huiling and Jiang Yan have also conducted significant research on James Legge. However, none has studied the relationship between James Legge's translation and his religious thinking. This article aims to find out the interactions between Legge's translation and his religious thinking by studying Legge's religious works as well as his translations of Confucian classics.

2. James Legge's Translation of *di* and *shen*

Four of Legge's voluminous translations of Confucian classics are chosen for this study. The first is *The Li Ki*, vol. 27 and vol. 28 from Max Muller's compilation, *Sacred Books of the East.* The rest three are from Legge's five – volume translation, *The Chinese Classics with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes*: *Confucian Analects, the Great Learning, and the Doctrine of the Mean*; *The Shoo King, or the Book of Historical Documents; The She King, or the Book of Ancient Poetry*. Other translators' versions are also examined in comparison with Legge's. Through laborious research we discovered that James Legge consistently translated *di* as "God", the term for the deity of Christ.

The following is an example from Legge's translation of *The Book of Historical Documents* in comparison with other translators' translations, underlined by the authors of this article.

The original text:

si lei yu shang di, yin yu liu zong, wang yu shan chuan, bian yu qun shen

肆类于上帝，禋于六宗，望于山川，遍于群神。

James Legge's translation:

Thereafter, he sacrificed specially, but with the ordinary forms, to God; sacrifice with reverent purity to the Six Honoured Ones; offered their appropriate sacrifices to the hills and rivers; and extended his worship to the host of spirits [1].

Bernhard Karlgren's translation:

And then he made lei – sacrifice to God on High, he made yin–sacrifice to the six venerable ones. He made wang – sacrifice to mountains and rivers, he made (all round =) comprehensive sacrifices to all the Spirits [2].

W.H. Medhurst's translation:

Shun then offered a sacrifice of the same class [with the border sacrifice] to the Supreme Ruler, he presented a pure offering to the six objects of veneration, he looked with devotion towards the hills and rivers, and glanced around at the host of spirits [3].

Séraphin Couvreur's translation:

Ensuite il offrit un sacrifice extraordinaire au Chang ti, fit des offrandes aux six Vénérables avec une intention parfaite ; puis, se tournant vers les montagnes et les cours d'eau célèbres, il leur rendit des honneurs semblables, ainsi qu'à toute la multitude des esprits [4].

Luo Zhiye's translation:

Then he reported to heaven about his accession to the imperial throne; and then he offered a sacrifice to heaven, earth, and four seasons, then he also offered to the mountains and rivers and all the gods [5].

Missionary James Legge and Swedish sinologist and linguist Bernhard Karlgren (1889–1978) were the only two translators to have translated *di* into "God", the specific term for the deity of Jesus Christ. W.H. Medhurst (1796–1857) was also a missionary sinologist, but his translation was "the Supreme Ruler", which could be the supernatural being of the highest ranking in general, not specific to any religion. French sinologist Séraphin Couvreur (1835–1919) was a Jesuit, he used

[1] Legge J. trans. Shu King, or the Book of Historical Documents. N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1899. P. 39.

[2] Karlgren B. trans. Book of Documents. Stockholm : The Museum of Far Eastern Antiquities, 1950. P. 4.

[3] Medhurst W. H. trans. Shoo King, or the Historical Classic. Shanghai : The London Missionary Society Press, 1846. P. 17.

[4] Couvreur S. trans. Chou king, Les Annales de la Chine. Paris : Cathasia. Couvreur, 1950. P. 15.

[5] Luo Zhiye. trans. The Book of History. Changsha : Hunan Publisher, 1997. P. 12.

transliteration “Chang – ti”, adopting a strategy of foreignization to keep the exotic flavor of Chinese culture. Contemporary Chinese translator Luo Zhiye rendered it into “heaven”. It is interesting to note that W.H. Medhurst and Séraphin Couvreur, both missionaries, adopted a different term from Legge, who adopted the term “God” in all his translations of ancient Chinese classics.

Legge’s translation of *di* as “God” can be found on pages 39, 58, 85, 90, 91 and 111 in *The Shoo King, or the Book of Historical Documents*; pages 212, 218, 254, 273, 293 (2 examples on this page), 309, 370, 344 , 385, 413 and 417 in *The Li Ki* (vol. 27); pages 60 and 167 in *The Li Ki* (vol. 28); pages 345 and 397 in *The She King, Or The Book of Ancient Poetry*.

Legge was not the first one to translate *di* as “God”. Italian Jesuit Matteo Ricci (1552–1610), the most influential missionary who came to China in the late Ming Dynasty and early Qing Dynasty, was the first one to do so in his Latin translation of *The Four Books,* titled *Tetrabiblion Sinense de Moribus* [6]. In his translation and research Matteo Ricci cited Confucian allusions to illustrate the teachings of Catholicism. He adopted the same strategy in his missionary work and successfully won over his Chinese audience [7].

Before delving further into Legge’s translation strategies and religious thinking, it is important to note that he translated another religious term *shen* as “spirit”, a term for lower – ranking deities.

In Example 1 mentioned above, Legge translated *qun shen* 群神 as “the host of spirits”. More examples can be found on pages 173, 217, 250, 342, 412, 423, 425, 434, 436 in *The Li Ki* (vol. 27); on pages 125, 138, 169, 170, and 261 in *The Li Ki* (vol. 28); pages 81, 121, 113, 125, 133, 157 and 167 in *The Four Books.* British sinologist Arthur Waley (1888–1966) also rendered *shen* as “spirits”. Examples can be found on pages 31, 73, 87, 93, 103 and 133 of his translation *The Analects.* Arthur Waley might have read Legge’s translation before he started to translate or at least he must have agreed to the rendition of *shen* into “spirit” in the pantheistic context that is alien to Christianity.

3. The Interaction Between Legge’s Translation and His Religious Thinking

When *di* referred to the supernatural being was of the highest ranking, and was not engaged in any specific undertaking with human beings, usually in the context where people worshipped or prayed to *di*, Legge would translate it as “God”. He believed the supernatural being of the highest ranking in this context was “God”, the deity of Jesus Christ [8]. When the supernatural beings were in an interaction with human beings, sometimes in a specific location or on a specific date, the Chinese religious term used was very often *shen* instead of *di*, and Legge would use the term “spirits” or “spiritual beings”, treating them as angels serving between God and human beings [9]. Like other Christians, Legge must have regarded the Bible as the only record of the interaction between God and human beings. James Legge must have believed that the supernatural being(s) that interacted with human beings, as recorded in Chinese classics, is/are not God in Christianity, because the event was not recorded in the Bible. In this case Legge would refer it to “spirit”, or “spiritual being” instead of “God”, probably to keep the Bible the only divine record. He may have viewed the Chinese culture in a Christian setting.

This is consistent with the religious thinking as evidenced in Legge’s works and doings. In 1853, in his book *The Notions of the Chinese Concerning God and Spirits* [10], Legge declared that the *di* that Chinese people worshipped was the very Christian God. In 1861, Legge added an explanation in the first volume of his *The Chinese Classics*, partial translation of *the Four Books* to the effect that Confucius was the speaker for the Heaven, who teaches the truth [11]. In 1865 he mentioned in the third

[6] Lin Jinshui. Matteo Ricci and China. Beijing : China Social Sciences Press, 1996. P. 221.

[7] Fang Hao. Zhongxi Jiaotong Shi [The History of Sino – western Communication]. – Taipei : Chinese CultureUniversity Press, 1983. P. 692 (in Chinese).

[8] Yue Feng, Cheng Liying. On Figurism and Translation // Chinese Translator’s Journal. 2009. No. 1. P. 35.

[9] Yue Feng, Zhou Qinchao. On Stylistic Features of James Legge’s and Arthur Waley’s Translations of The Analects In Relation With Their Motivations And Contexts // Foreign Language and Literature. 2009. No. 2. P. 107.

[10] Legge J. The Notions of the Chinese Concerning God and Spirits: With Examination of the Defense of an Essay on the Proper Rendering of the Word Elohim and Theos into the Chinese Language. Hong Kong : Hong Kong Register Office, 1852. P. 2.

[11] Legge J. The Chinese Classics. Taipei : SMC Publishing Inc, 1991. Vol. 1. P. 164.

volume of *The Chinese Classics* that the supreme deity in Chinese religions was identical with God, the deity of Chirst [12]. In his visit to Beijing in 1873 before his retirement, Legge took off his shoes and sang a hymn at the Heavenly Temple in Beijing, an altar for Chinese emperors to worship *tian* (sky or heaven) each year [13]. He believed he was paying tribute to God. In 1877, Legge mentioned that there were messages from God in Chinese classics, that missionaries should cite related contents of traditional Chinese classics and that the spirits Chinese people worshipped were media between believers and God, whom Chinese emperors worshipped [14]. In 1880, Legge gave a lecture at Presbyterian Church of England, making a point that he found messages from God in *The Book of Poetry* and *The Book of Historical Documents* [15]. His faith has influenced his translation. Legge was searching for God's messages through translation. Most of his translations were Confucian works because he believed Confucius was an angel between God and Chinese people.

But Legge did not adopt this syncretic attitude in the beginning. He used Robert Morrison's Chinese translation of the Bible as his textbook of the Chinese language and was naturally influenced by Morrison's translation of "God" into *shen*. For quite some time, Legge used *shen* to refer to "God". He was invited in 1843 to be a language expert for Delegates' Version, a new Chinese translation of the Bible, since there were criticisms against Robert Morrison's Chinese translation of the Bible in the 1830s. Scholars could not reach an agreement concerning the translations of "God", *di* or *shen*. Legge believed *shen* was a good translation for "God". He had numerous opponents, represented by William Boone. In 1847, their differences became more obvious and evolved into the Term Question, a long – term controversy. Interestingly, William Boone and James Legge exchanged their stances, each embracing what the other had criticized. William Boone thought that Chinese people did not know the existence of God and *shen* was the right term to refer to supernatural beings in a general sense. Legge disagreed because he thought that *shen* was an equivalence of "spirit", "ruach" or "pneuma" [16], and that *di*, the supernatural being of the highest ranking in Chinese religions, could be a better translation and that in the name of *di*, missionaries could get rid of superstitions in China [17].

According to Lauren Pfister [18], Legge's theology education in his early childhood was influenced and inspired by Scottish philosopher William Paley, who proposed that God may have left special revelation in ancient China [19], and this could have been an important motivation for him to translate ancient Chinese classics. Also he may have read Matteo Ricci's works, which were highly influential to missionaries. Matteo Ricci's translation of *di* as "God" may have caused Legge to change his mind and to use *di* instead of *shen* for translating "God" in the Bible during the disputes over the Term Question.

Legge's faith motivated his translation, and while he translated he became more and more fascinated with Confucius and his works. He used to criticize Confucianism so vehemently that P. Kranz compiled a pamphlet titled *Some of Professor J. Legge's Criticisms on Confucianism* and had it published by American Presbyterian Mission Press in Shanghai in 1898. This attitude was typical of protestant missionaries in the 19th century. In the first edition of his *Chinese Classics* he adopted a less critical tone, but he said that he could not regard Confucius as a saint as he was insensitive towards progress and was not enthusiastic towards religion. Thirty years later, in the 1893 edition of the volume, he hailed Confucius as a great man, an angel, declaring that Confucian teachings are important

---

[12] Legge J. trans. ed. Indexes. The Shoo King or the Book of Historical Documents. London : Oxford University Press Warehouse. 1865. Vol. 3. P. 34.

[13] Pfister L. The Legacy of James Legge // International Bulletin of Missionary Research. 1998. No. 2. P. 78, 80.

[14] Legge J. Confucianism in Relation to Christianity: A Paper Read before the Missionary Conference in Shanghae (sic). Shanghae (sic) : Kelly & Walsh, 1877. P. 3–6.

[15] Legge J. The Religions of China: Confucianism and Taoism Described and Compared with Christianity. London : Hodder and Stoughton, 1880. P. 248.

[16] Legge H.E. James Legge: Missionary and Scholar. London : The Religious Tract Society, 1905. P. 69.

[17] Legge J. An Argument for Shang Te as the Proper Rendering of the Words Elohim and Theos, in the Chinese Language: with Strictures on the Essay of Bishop Boone in Favour of the Term Shin. Hong Kong : Hong Kong Register Office, 1850. P. 43.

[18] Pfister L. Clues to the Life and Academic Achievements of One of the Most Famous Nineteenth Century European Sinologists – James Legge (A.D. 1815–1897) // Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society 30. 1993. P. 203.

[19] Pfister L., Yue Feng. The Goal of Translation Research, Disciplinary Tools and Hermeneutic Orientations: A Cross – disciplinary Dialogue with Professor Lauren Pfister // Chinese Translator's Journal. 2010. No. 2. P. 29.

lessons for Christians, too. He called Confucius "My Master" while addressing Jesus Christ "My Lord and Master" [20]. The interaction between Legge's translation and faith was mutually positive.

However, Legge endured strong opposition from the majority of missionaries. He had numerous opponents, who believed he was worshipping the Taoist deities. The Missionary Conference in Shanghai in 1877 refused to publish Legge's paper *Confucianism in Relation to Christianity*. A series of articles criticizing Legge's translations were published in Chinese Repository. And the argument over the Term Question never came to an end.

4. Conclusion

Is *di* in Chinese classics "God" in the Christian world? This is not the concern of this research, and it is beyond this paper. We started off with figuring out the pattern of Legge's translation of Chinese religious terms and the ideology, or more specifically, his religious thinking behind this pattern. We have discovered that Legge had consistently translated *di*, the supreme ruler in Chinese faiths, as "God" because he believed the supernatural being of the highest ranking in this context was God, the deity for Christ. Legge insisted on his translation of *di* as "God" in spite of the opposition from his opponents. Meanwhile he cautiously defended the authoritative status of the Bible. He was searching for God's messages in ancient Chinese classics in a time when China was repeatedly defeated in wars with European powers and when some western missionaries regarded supernatural beings in Chinese culture as Satan and thought the Chinese people were a strange combination of devils and children. Legge's translation facilitated his enterprise of Christianity [21]. Legge's strategy was an example of his comparative study of religions [22], and his religious sensitivity enabled him to fully understand the meaning implied in the religious terms in Confucian works [23]. During the course of translation Legge became more impressed with the Chinese culture, which ultimately reinforced his syncretistic thinking.

On one hand, translation is influenced by the translator's ideology. On the other hand, translation draws the translator closer to the source language culture and somehow influences the translator. In Legge's situation, it was an interaction between translation and faith.

Acknowledgements

This work was supported by Chinese National Ministry of Education under Grant "Studies on Missionary Translator's Translation of Confucian Works" <No. 12YJA740100>.

References

1. *Book of Documents* [Text] / trans. by B. Karlgren. – Stockholm : The Museum of Far Eastern Antiquities, 1950. – 81 p.

2. *Chinese Classics with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes,* vol. 3. (*The Shoo King or the Book of Historical Documents*) [Text] / trans. ed. by J. Legge. – London : Henry Frowde : Oxford University Press Warehouse, 1865. – xiii + 208 + 735 p.

[20] Legge's earlier attitude can be seen of : Chinese Classics with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes (Confucian Analects, The Great Learning, and The Doctrine of the Mean) / translated and edited by James Legge. London : Henry Frowde : Oxford University Press Warehouse, 1861. Vol. 1. P. 113 ; Amen Corner E.C. (photocopied by London Missionary Society in 1939). Legge's later attitude is seen of : Chinese Classics with a Translation, Critical and Exegetical Notes, Prolegomena, and Copious Indexes, translated and edited by James Legge. Oxford : Clarendon Press, 1893. Vol. 1. P. 95, 111 ; Related illustrations can be found of : Pfister L.F. From Derision to Respect : The Hermeneutic Passage Within James Legge's (1815–1897) Ameliorated Evaluation of Master Kong ('Confucius')" // The Bochum Yearbook for East Asian Research. 2002. Issue 26. P. 53–88.

[21] Yue Feng. Translation and Cultural Image: Studies on the Dissemination of Confucian Classics in the West. Fuzhou : Fujian People's Publishing House, 2006. P. 209–210.

[22] Jasper D. The Translation of China in England: Two 19th – Century English Translations of Travels of Fa – Hsien (399–414 A.D.) // Literature and Theology . 2014. No. 2. P. 186.

[23] Yang Huiling. Theological Interpretation on the Sacred Books of China and Its Political Implication: A Case Study on James Legge's Translation // Sino – Christian Studies. 2011. No. 11. P. 28.

3. *Chou king, Les Annales de la Chine* [Text] / trans. by S. Couvreur. – Paris : Cathasia, 1950. – 216 p.

4. Confucius. *The Analects* [Text] / trans. by A. Waley. – Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 1998. – 267 p.

5. Fang Hao. Zhongxi Jiaotong Shi [*The History of Sino – western Communication*] [Text]. – Taipei : Chinese Culture University Press, 1983. – 1035 p. (in Chin.)

6. Jasper, D. The Translation of China in England: Two 19th – Century English Translations of Travels of Fa – Hsien (399–414 A.D.) [Text] // *Literature and Theology*. – 2014. – No. 2. – P. 186–200.

7. Legge, H.E. *James Legge: Missionary and Scholar* [Text]. – London : The Religious Tract Society, 1905. – 248 p.

8. Legge, J. *An Argument for Shang Te as the Proper Rendering of the Words Elohim and Theos, in the Chinese Language: with Strictures on the Essay of Bishop Boone in Favour of the Term Shin* [Text]. – Hong Kong : Hong Kong Register Office, 1850. – 74 p.

9. Legge, J. *The Notions of the Chinese Concerning God and Spirits*: *With Examination of the Defense of an Essay on the Proper Rendering of the Word Elohim and Theos into the Chinese Language* [Text]. – Hong Kong : Hong Kong Register Office, 1852. –166 p.

10. Legge, J. *Confucianism in Relation to Christianity: A Paper Read before the Missionary Conference in Shanghae (sic)* [Text]. – Shanghae (sic) : Kelly & Walsh, 1877. – 9 p.

11. Legge, J. *The Religions of China*: *Confucianism and Taoism Described and Compared with Christianity* [Text]. – London : Hodder and Stoughton, 1880. – 310 p.

12. Legge, J. *The Chinese Classics*, vol. 1 [Text]. – Taipei : SMC Publishing Inc, 1991. – P. xv + 503.

13. Li Ki. *Sacred Books of the East* [Text] / trans. by J. Legge, comp. by M. Muller. – Oxford : The Clarendon Press, 1885. – Vol. 27, 28. – 479 + 31 p.

14. Lin Jinshui. Li Madou yu Zhongguo [*Matteo Ricci and China*] [Text]. – Beijing : China Social Sciences Press, 1996. – 350 p.

15. Pfister, L. Clues to the Life and Academic Achievements of One of the Most Famous Nineteenth Century European Sinologists – James Legge (A.D. 1815–1897) [Text] // *Journal of the Hong Kong Branch of the Royal Asiatic Society*. – 1993. – No. 30. – P. 180–218.

16. Pfister, L. The Legacy of James Legge [Text] // *International Bulletin of Missionary Research*. – 1998. – No. 2. – P. 77–82.

17. Pfister, L. From Derision to Respect : The Hermeneutic Passage Within James Legge's (1815–1897) Ameliorated Evaluation of Master Kong ('Confucius') [Text] // *Bochumer Jarhbuch zur Ostasienforschung [The Bochum Yearbook for East Asian Research]*. – 2002. – Issue 26. – P. 53–88.

18. Pfister, L. The Goal of Translation Research, Disciplinary Tools and Hermeneutic Orientations: A Cross – disciplinary Dialogue with Professor Lauren Pfister [Text] / L. Pfister, Yue Feng // *Chinese Translator's Journal*. – 2010. – No. 2. – P. 27–34.

19. Shangshu [*The Book of History*] [Text] / trans. by Luo Zhiye. – Changsha : Hunan Publisher, 1997. – 474 p.

20. *She King Or. The Book of Ancient Poetry, Translated in English Verse, with Essays and Notes* [Text] / trans. by J. Legge. – London : Trübner & Co, 1876. – 431 p.

21. *Shoo King, or the Historical Classic* [Text] / trans. by W.H. Medhurst. – Shanghai : The London Missionary Society Press, 1846. – xvi + 413 p.

22. *Shu King, or the Book of Historical Documents* [Text] / trans. by J. Legge. – N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1899. – xxx + 29 + 272 p.

23. *Sishu* [*The Four Books*] [Text] / trans. by J. Legge. – Changsha : Hunan Publisher, 1996. – 599 p.

24. Yang Huiling. Theological Interpretation on the Sacred Books of China and Its Political Implication: A Case Study on James Legge's Translation [Text] // *Sino – Christian Studies*. – 2011. – P. 27–44.

25. Yue Feng. Rujing Xichuan Zhong De Fanyi Yu WenhuaYixiang De Bianhua [*Translation and Cultural Image: Studies on the Dissemination of Confucian Classics in the West*] [Text]. – Fuzhou : Fujian People's Publishing House, 2006. – 280 p.

26. Yue Feng. Suoyin Shi Fanyi Yanjiu [On Figurism and Translation] [Text] / Yue Feng, Cheng Liying // *Chinese Translator's Journal*. – 2009. – No. 1. – P. 33–37 (in Chin.)

27. Yue Feng. Li Yage Yu Wei Li De Lunyu Yingyiben Zhong De Fengge Yu Yizhe Donji Ji Jingyu De Guanxi [On Stylistic Features of James Legge's and Arthur Waley's Translations of The Analects In Relation With Their And Contexts] [Text] / Yue Feng, Zhou Qinchao // Waiguo Yuyan Wenxue [*Foreign Language and Literature*]. – 2009. – No. 2. – P. 102–109 (in Chin.)

Раздел III
Лингвистические предпосылки экспрессивности текста

УДК 378.09+81’38

***Ю.Ю. Гриднева**, ст. преподаватель*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Возможности обучающей анкеты для обучения студентов первого курса языковым средствам обеспечения экспрессивности высказывания

Статья посвящена исследованию возможностей обучающей анкеты для ознакомления студентов первого курса языкового вуза с понятием экспрессивности высказывания, его характеристиками, а также тропеическими и нетропеическими средствами обеспечения выразительности на примере русского и английского языков. Данная анкета является последней в ряду из трех обучающих анкет, посвященных обучению студентов младших курсов созданию собственного выразительного высказывания. В статье представлены задания, направленные на опознание стилистического приема, на уточнение его функции в тексте, на группировку стилистических приемов и установление их соотношения, причем соблюдается пошаговая градация трудностей. В конце анкеты предлагаются творческие задания. Делается вывод об эффективности использования обучающей анкеты как средства обучения и самообучения, а также диагностики и самодиагностики учащихся.

авторский стиль, функциональный стиль, экспрессивность, выразительность, экспрессивное средство, троп, обучающая анкета, письменное высказывание

***Gridneva, Yulia**, Senior lecturer*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Educational Questionnaire as a Tool of Teaching Linguistic Means of Expressiveness to First Year Foreign Language Majors

The article examines the advantages of an educational questionnaire as a tool of introducing theoretical information at a lesson devoted to teaching linguistic means of expressiveness. The author presents the final questionnaire in a connected sequence of three aimed at teaching students expressive writing. Each educational questionnaire has a diagnostic, self-diagnostic, instructional and self-instructional value, though some of the tasks can be predominantly diagnostic, whereas others may be chiefly focused on implicit instruction. The questionnaire defines the notion of expressiveness and its characteristics, examines lexical (both figurative and non-figurative), morphological, syntactical and graphical expressive means. The sequence of tasks, carefully graded, is aimed at identifying the expressive means used, assessing the textual significance of each, establishing correlation among various stylistic devices, and, finally, trying one’s hand at turning a straight utterance into one with a pronounced expressive component, with regard to the speaker’s purpose.

educational questionnaire, expressiveness, written utterance, style, expressive means

Представленная обучающая анкета является завершающей в ряду анкет, целью которых является знакомство студентов первого курса языкового вуза с особенностями построения выразительного высказывания [1]. Все анкеты носят теоретико-практический характер и предшествуют ряду практических занятий по обучению студентов созданию собственного экспрессивного высказывания.

[1] Принципы создания «обучающей анкеты», а также первую анкету, посвященную видам письменных работ и характеристикам эффективного письменного высказывания, см. подробнее: Гриднева Ю.Ю. Использование обучающей анкеты при обучении студентов младших курсов экспрессивности письменного высказывания // Иностранные языки в высшей школе. Рязань, 2014. Вып. 1 (28). – С. 58–65. Вторая обучающая анкета рассматривает особенности процесса создания письменного текста, см.: Гриднева Ю.Ю. Возможности обучающей анкеты для развития риторических умений // Там же. Вып. 4 (31). – С. 82–88.

© Гриднева Ю.Ю., 2016

Третья – и последняя – обучающая анкета посвящена непосредственно экспрессивности [2] высказывания и решает следующие задачи:

– определить понимание учащимися термина «стиль»;

– выявить осведомленность студентов об основных тропах и фигурах речи;

– уточнить терминологию, используемую для описания компонентного состава экспрессивности высказывания;

– ознакомить учащихся с языковыми нетропеическими средствами усиления выразительности высказывания, характеристиками высказывания, обеспечивающими его экспрессивность;

– определить трудности в усвоении изложенного материала для дальнейшего корректирования хода обучения.

Вступительная часть анкеты, с одной стороны, помогает настроить учащихся на работу и сформулировать цель занятия, а с другой – определить, знакомо ли студентам понятие «стиль».

Вступительная часть

Вопрос, задание	Ответы
1. Что такое стиль? В графе справа отметьте букву/буквы утверждения, которое, на Ваш взгляд, является верным. *Ключ: а, б, в, г.*	а) способность логично, связно эффективно выражать свои мысли; б) использование языковых средств, которые характеризуют индивидуальную манеру автора; в) отличительные особенности литературного направления; г) использование языковых средств в соответствии с ситуацией общения (формальная или неформальная) или определенной жизненной сферой (наука, политика, бизнес и т.д.).

В основной части анкеты происходит поэтапное ознакомление студентов с новой информацией, при этом задания строятся по принципу нарастания трудностей, а в ряде заданий опосредованно содержится ответ на предыдущие, что обеспечивает возможность самопроверки и самодиагностики учащимися.

Первые задания обучающей анкеты носят в большей степени диагностирующий характер, поскольку помогают преподавателю выявить степень осведомленности студентов об основных стилистических приемах. Вместе с тем, задание 4, в котором учащимся предлагается соотнести название и пример использования стилистического приема с его дефиницией, при необходимости может выступать в качестве обучающего, знакомя студентов с неизвестной им ранее информацией.

Цель ряда последующих заданий – ознакомление учащихся с нетропеическими средствами обеспечения экспрессивности высказывания, которые, в отличие от большинства тропов, студенты могут применять для усиления выразительности собственного письменного высказывания, начиная уже с первого семестра первого курса [3]. Предвосхищающее обобщение помогает систематизировать изучаемый материал, представить потенциальный результат обучения.

Использование нетропеических средств обеспечения экспрессивности иллюстрируется многочисленными примерами как на иностранном, так и на родном языке, актуализируя фоновые знания студентов и помогая им понять, что использование средств выразительности естественно для любого языка и служит цели усиления воздействия на реципиента.

---

[2] Под «экспрессивностью» письменного высказывания мы понимаем его субъективную характеристику, целью которой является усиление прагматического потенциала данного высказывания путем воздействия на эмоциональную или рациональную сторону восприятия.

[3] Подробнее о возможностях обучения экспрессивности письменного высказывания на первом курсе языкового вуза см.: Гриднева Ю.Ю. Проблемы взаимодействия видов речевой деятельности и языковых аспектов при обучении экспрессивному письменному высказыванию в языковом вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Орёл : ОГУ, 2013. № 2 (52). С. 86–90.

Основная часть

Вопрос, задание	Ответы
2. О каком стиле идет речь в столбце справа? Соотнесите понятия с соответствующими определениями. Напротив каждого понятия поставьте соответствующую букву из столбца справа. 1) функциональный стиль; 2) авторский стиль; 3) стиль литературного жанра; 4) индивидуальный стиль. *Ключ: 1) г, 2) б, 3) в, 4) а.*	а) способность логично, связно, эффективно выражать свои мысли; б) использование языковых средств, которые характеризуют индивидуальную художественную манеру; в) отличительные особенности литературного направления; г) использование языковых средств в соответствии с ситуацией общения (формальная или неформальная) или определенной жизненной сферой (наука, политика, бизнес и т.д.).
3. О каких стилистических приемах у вас есть представление? В графе справа обведите буквы с соответствующими приемами.	а) метафора; б) художественное сравнение; в) метонимия; г) гипербола; д) олицетворение; е) символ; ж) повтор.
4. Соотнесите определение тропа с его названием и примером использования. Напротив тропа поставьте соответствующую букву из графы справа. 1) метафора: *Душа моя – ледяной истукан.* (А. Иванов); 2) художественное сравнение: *My roses are yellow… as yellow as the hair of the mermaiden who sits upon an amber throne.* (Oscar Wild); 3) метонимия: *“It is devilish fine wine,” said the Eyebrows.* (W.M. Thackeray); 4) гипербола: *The whole country seemed to echo his “Ha, ha, ha”.* (Charles Dickens); 5) олицетворение: *Love is wiser than Philosophy, though she is wise, and mightier than Power, though he is mighty.* (Oscar Wild); 6) символ: Паук следует за тобой. У него тысяча тысяч глаз, он всегда следит за тобой, он всегда ждет, когда ты ослабнешь и дашь трещину, как старая ваза. (паук – символ человеческих страхов – см.: URL: http://samlib.ru/j/ja_k_s/pauk.shtml). *Ключ: 1) в, 2) а, 3) е, 4) г, 5) д, 6) б.*	а) сопоставление объектов, которые принадлежат к одному или разным классам, с использованием союзов *как, будто, словно* (*like, as* – в английском); б) образ или понятие, приобретающее в контексте обобщающее значение; в) сопоставление объектов, которые принадлежат к разным классам, без использования сравнительного оборота; г) преувеличение качества или количества; д) наделение животных или предметов человеческими свойствами; е) переносное значение слова, основанное на замене прямого названия предмета другим, смежным с ним; ж) использование морфемы, слова, словосочетания, предложения более чем один раз.
5. Какие цели использования стилистических средств кажутся Вам наиболее важными? Пронумеруйте по степени важности данные в графе справа цели. В случае, если умения представляются вам одинаково важными, укажите одинаковый номер. *Ключ: 1) е, 2) б, д, 3) а, 4) г, 5) в*	а) «украсить» текст, сделать его более ярким и запоминающимся; б) передать отношение автора и/или героев к тому, о чем говорится в тексте; в) показать читателю умелое использование автором стилистических приемов и других выразительных средств; г) создать так называемый «авторский стиль»; д) передать эмоции автора и/или героев; е) усилить воздействие текста на читателя.

Вопрос, задание	Ответы
6. В каждой паре предложений в графе справа подчеркните то, которое, по Вашему мнению, обладает большей стилистической яркостью, выразительностью. *Ключ: 1) а, 2) б, 3) а, 4) а, 5) б, 6) а.*	1) а) Она была немножко обижена. б) Она была немножко обижена. 2) а) He is dead indeed. б) He is indeed as dead as Pharaoh. 3) а) The stars of her eyes shone bright. б) Her eyes shone bright. 4) а) The four missing men were no *ordinary* cardinals. They were *the* cardinals. The chosen four. б) The four missing cardinal were not ordinary but the chosen cardinals. 5) а) Всякой любви нужен приют, а у них его не было. б) Всякая любовь требует уединенья, прикрытия, приюта, а у них приюта не было. 6) а) She will dance so lightly that her feet will not touch the floor. б) She will dance very, very lightly.
7. В каких предложениях из графы справа автор добивается усиления выразительности за счет использования тропов, а в каких – за счет языковых нетропеических экспрессивных средств? Рядом с буквой соответствующего предложения поставьте «Т», если в этом предложении выразительность достигается за счет использования тропов, или «Н» – нетропеических экспрессивных средств. *Ключ: 1) Н, 2) Т, 3) Т, 4) Н, 5) Н, 6) Т.*	1) Она была немножко обижена. (В. Набоков); 2) He is indeed as dead as Pharaoh. (O. Wilde); 3) The stars of her eyes shone bright; 4) The four missing men were no *ordinary* cardinals. They were *the* cardinals. The chosen four. (D. Brown); 5) Всякая любовь требует уединенья, прикрытия, приюта, а у них приюта не было. (В. Набоков); 6) She will dance so lightly that her feet will not touch the floor. (O. Wilde).
8. Соотнесите нетропеические экспрессивные средства с примерами их использования. Напротив названия средства поставьте соответствующую букву из графы справа [4].	
I. Фонетические, графические средства: 1) выделение курсивом; 2) написание заглавными буквами; 3) растягивание слова; 4) написание через дефис, членение на морфемы; 5) скандирование (написание слова с пробелом после каждой буквы); 6) применение дефисов, тире, восклицательных знаков при аранжировке слова, словосочетания, предложения.	I. а) Едут себе они по сельской дороге, запутанной, как веревка, белые колечки в небо пускают. А по краям вся природа, как мультипликация, ЯРКАЯ! (Э. Успенский); б) По морю протянулась ослепительная оранжевая полоса, и за ней Толик увидел конец моря. Но дальше было совсем не ничего. Там был город (Ю. Томин); в) No, it was not that he didn't earn money. It was not that he was idle. He was *not* idle. (H. Lawrence); г) 'De – men – tors,' said Harry slowly and clearly. Two of them'. (J. Rowling); д) – Я! Утверждаю! – гремел он. – Что! Этого! Человека! Завтра! Надо! Хоронить! (А. Волков); е) "Jesus," Nancy said. Like this: Jeeeeee-eeeeeeeesus, until the sound went out like a match or a candle does. (W. Faulkner).

[4] Классификация языковых нетропеических средств интенсификации высказывания заимствована из: Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке : моногр. М. : Высшая школа, 1990. 173 с.

Вопрос, задание	Ответы
II. Морфологические и лексические средства: 1) аффиксация; 2) артикль; 3) степени сравнения прилагательных и наречий; 4) прилагательные и наречия-интенсификаторы; 5) экспрессивные слова; 6) ряды синонимов.	II. а) Is it lovely, and gentle, and beautiful, and pleasant, and serene, and joyful? (Ch. Dickens); б) The next Christmas they were married, and for three months she was perfectly happy: for six months she was very happy. (D.H. Lawrence); в) Мне необходимо поутюгствовать рубашку! (Е. Гришковец); г) The mosquitoes will devour you. (K. Chopin); д) She was no longer the Mary he had fallen in love with; е) He was then the most impetuous boy in the world, and he is now the most impetuous man. He was then the loudest boy in the world, and he is now the loudest man. He was then the heartiest and sturdiest boy in the world, and he is now the heartiest and sturdiest man. He is a tremendous fellow. (Ch. Dickens).
III. Синтаксические средства: 1) восклицательные предложения, начинающиеся с вопросительных слов; 2) односоставные предложения; 3) придаточные сравнительные предложения; 4) повторы. *Ключ: I. 1) в, 2) а, 3) е, 4) г, 5) б, 6) д.* *II. 1) в, 2) д, 3) е, 4) б, 5) г, 6) а.* *III. 1) а, 2) г, 3) б, 4) в.*	III. а) Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! (И. Гончаров); б) Он переглянулся со мной и показал на Паскаля пальцем, так, как если бы тот был какой-нибудь работящий зверек, типа бобра или енота-полоскуна. (Е. Гришковец); в) If he wishes to float into fairyland, he reads a book; if he wishes to dash into the thick of battle, he reads a book, if he wishes to soar into heaven, he reads a book. (G.K. Chesterton); г) An ornate hallway. A private office. An industrial-size kitchen. (D. Brown)

Задания 9 и 10 посвящены механизмам создания выразительности высказывания.

Вопрос, задание	Ответы
9. За счет чего происходит усиление выразительности следующих высказываний? Поставьте рядом с номером высказывания соответствующую букву/буквы из графы справа. 1) Сырость дождя, разбивавшегося на мелкие капли, слышалась в воздухе. (Л. Толстой); 2) Облава. Велодром «Вель д'Ив». Концентрационный лагерь. Побег. Маленькая девочка, вернувшаяся из небытия. Мертвый малыш в шкафу. (Т. де Росней); 3) Только ветер в ушах, снег в лицо, морозный воздух, обжигающий легкие, да Митька скользит на поворотах, высоко вскидывая ноги, как дрессированная лошадь. (А. Белянин); 4) Раздался звонок, прошли какие-то молодые мужчины, уродливые, наглые и торопливые и вместе с тем внимательные к тому впечатлению, которое они производили. (Л. Толстой). *Ключ: 1) г, б, в; 2) е, б, в; 3) д, б, в; 4) а, б, в.*	а) выражение оценки автором или героем того, о чем говорится в высказывании; б) усиление воздействия высказывания на эмоции читателя; в) логическое выделение того или иного элемента высказывания, акцентирование того, о чем говорится в высказывании; г) употребление слова/словосочетания в нетипичном для него языковом окружении или ситуации общения; д) создание образа; е) отбор и организация фактов.

Вопрос, задание	Ответы
10. Соотнесите понятия с определениями из графы справа. Рядом с номером определения поставьте соответствующую букву из графы справа [5] : 1) эмотивность/эмоциональность; 2) интенсивность; 3) оценочность/оценка; 4) образность; 5) стилистическая маркированность; 6) смысловая экспрессивность [6]. *Ключ: 1) в, 2) е, 3) б, 4) а, 5) д, 6) г.*	а) характеристика текста, цель которой – создать представление о предметах и явлениях за счет красочности и иносказательности; б) выражение субъективного отношения автора или героев произведения к тому, о чем говорится в высказывании; в) характеристика текста, цель которой – добиться эмоционального воздействия на читателя; г) выразительность, достигаемая за счет отбора и расположения фактической информации; д) употребление слова в несвойственном ему языковом регистре; нарушение лексической или синтаксической сочетаемости слова; е) усиление выразительности высказывания в общем плане.

В заключительной части анкеты студентам предлагается соотнести стилистические приемы с примерами их использования на иностранном языке, что дает преподавателю возможность определить потенциальные сложности, с которыми могут столкнуться учащиеся во время практических занятий.

Заключительная часть

Вопрос, задание	Ответы
11. Соотнесите стилистические приемы с примерами их использования. Рядом с названием стилистического приема поставьте соответствующую букву из графы справа: 1) метафора; 2) художественное сравнение; 3) метонимия; 4) гипербола; 5) олицетворение; 6) повтор. *Ключ: 1) б, ж, 2) г, 3) е, 4) в, 5) а, 6) д.*	а) The operation is over. On the table, the knife lies spent, on its side, the bloody meal smear-dried upon its flanks. The knife rests. (R. Selzer); б) It was so delicious to see the clouds about his bright face clearing (Ch. Dickens); в) She will dance so lightly that her feet will not touch the floor. (O. Wilde); г) With that golden hair, those blue eyes, and that fresh bloom on her cheek, she is like the summer morning. (Ch. Dickens); д) Mr. Tulkinghorn is quite well. Sir Leicester is quite well. My lady is quite well. (Ch. Dickens); е) (Слуга – чистильщик обуви – отвечает на вопрос о постояльцах гостиницы):'Who there is in the house!' said Sam. 'There's a wooden leg in number six; there's a pair of high boots in thirteen …' (after Ch. Dickens); ж) It seemed the only safety in the world was in the red and yellow and white flames of the fire in the stove, the color and the heat… the whole world cold and sad, and nothing in the world, only the flowers of the fire… (W. Saroyan).

В тестирующей части внимание студентов акцентируется на возможных трудностях: установлении общего и различного между соположенными понятиями, классификации экспрессивных средств. Последнее задание носит условно-практический характер и имеет своей целью не столько тренировку, нацеленную на формирование соответствующих компетенций, сколько проверку понимания изученного материала. Кроме того, учащиеся могут провести самодиагностику, поскольку ответы на задания 12 и 13 содержатся в основной части обучающей анкеты.

[5] См.: Маслова В.А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 1992. 43 с.

[6] Термин заимствован из: Вахитова Г.В. Модели передачи экспрессивности в юридическом тексте // Вестник Башкирского университета. 2007. № 3. С. 110–112.

Тестирующая часть

Вопрос, задание	Ответы
12. Определите, как соотносятся следующие понятия: 1) экспрессивность – выразительность [7]; 2) экспрессивность – интенсивность; 3) смысловая экспрессивность – оценочность. Рядом с каждой парой понятий поставьте соответствующую букву из графы справа. *Ключ: 1) б, 2) в, 3) а.*	а) второе всегда субъективно; б) понятия значат одно и то же; в) второе является компонентом первого.
13. Разделите языковые экспрессивные средства из столбца справа по следующим группам: 1) фонетические/графические; 2) морфологические, лексические; 3) синтаксические. Рядом с номером группы поставьте соответствующие буквы из графы справа. Некоторые выразительные средства могут принадлежать к нескольким группам. *Ключ: 1) а, е, з, л, о, р, с; 2) б, в, д, к, м, н, п; 3) б, г, ж, и.*	а) растягивание слова; б) повтор; в) экспрессивные слова; г) восклицательные предложения; д) артикль; е) членение на морфемы; ж) придаточные сравнительные предложения; з) написание заглавными буквами; и) номинативные предложения; к) ряд синонимов; л) написание через дефис; м) прилагательные и наречия-интенсификаторы; н) степени сравнения прилагательных и наречий; о) выделение курсивом; п) аффиксация; р) скандирование (написание слова с пробелом после каждой буквы); с) применение дефисов, тире, восклицательных знаков при аранжировке слова, словосочетания и предложения.
14. Измените подчеркнутую часть высказывания, используя средство/средства в скобках. Измененную часть высказывания запишите под соответствующим номером в графе справа. 1) Her bag was <u>very heavy</u>. *(гипербола)*; 2) He is a joyful boy. *(наречие-интенсификатор)*; 3) The house was <u>old and lonely</u>. *(замена подчеркнутых слов экспрессивными синонимами)*; 4) Never in my life have I imagined that she could be <u>so</u> unbearable. *(графическое выделение)*; 5) The story was very thrilling. *(восклицательное предложение вопросительной структуры)*.	

Одновременная реализация обучающей и диагностирующей (в том числе самообучающей и самодиагностирующей) функций анкеты делает ее эффективным средством обучения выразительности письменного высказывания на первом курсе вуза.

[7] В данной статье понятия «экспрессивность» и «выразительность» рассматриваются в качестве взаимозаменяемых.

Список использованной литературы

1. Вахитова, Г.В. Модели передачи экспрессивности в юридическом тексте [Текст] // Вестник Башкирского университета. – 2007. – № 3. – С. 110–112.

2. Гриднева, Ю.Ю. Возможности обучающей анкеты для развития риторических умений [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2014. – Вып. 4 (31). – С. 82–88.

3. Гриднева, Ю.Ю. Использование обучающей анкеты при обучении студентов младших курсов экспрессивности письменного высказывания [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2014. – Вып. 1 (28). – С. 58–65.

4. Гриднева, Ю.Ю. Проблемы взаимодействия видов речевой деятельности и языковых аспектов при обучении экспрессивному письменному высказыванию в языковом вузе [Текст] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Орёл : ОГУ, 2013. – № 2 (52). – С. 86–90.

5. Маслова, В.А. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста [Текст] : автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Минск, 1992. – 43 с.

6. Туранский, И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке [Текст] : моногр. – М. : Высшая школа, 1990. – 173 с.

References

1. Vakhitova, G.V. Models of the Expessivity Passing in a Juridical Text [Text] // Vestnik Basgkirskogo Universiteta [Bashkir University Bulletin]. – 2007. – N 3. – P. 110–112 (in Russ.)

2. Gridneva, Yu.Yu. Educational Questionnaire as a Tool of Teaching Expressive Writing to First Year Foreign Language Majors [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages at Tertiary Level]. – Ryazan, 2014. – N 4 (31). – P. 82–88 (in Russ.)

3. Gridneva, Yu.Yu. Educational Questionnaire as a Tool of Developing Rhetorical Skills [Text] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole [Foreign Languages at Tertiary Level]. – Ryazan, 2014. – N 1 (28). – P. 58–65 (in Russ.)

4. Gridneva, Yu.Yu. The Problem of Interaction of the Major Skills and Linguistic Aspects in Teaching University Students Expressive Writing [Text] // Uchyoniye Zapiski Orlovskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences]. – Oryol, – 2013. – N 2 (52). – P. 86–90 (in Russ.)

5. Maslova, V.A. Ontologicheskiye i psikholingvisticheskiye aspecty ekspressivnosty teksta [Ontological and Psycholinguistic Aspects of Text Expressiveness] [Text] : abstract … doctoral dissertation in philology. – Minsk, 1992. – 43 p. (in Russ.)

6. Turansky, I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosty v angliyskom yazyke [Semantic category of intensity in English] [Text]. – Moscow : Vysshaya Shkola. – 1990. – 173 p. (in Russ.)

УДК 81’367+ 811.112.2

***Т.А. Кожетьева**, канд. филол. наук*
(РГУ имени С.А. Есенина, Рязань)

Грамматическая недооформленность на примере немецкого придаточного предложения

Грамматическая недооформленность может проявляться в сепаратизации придаточного предложения в сложном комплексе, то есть в вынесении его в самостоятельную позицию. Благодаря такому структурному оформлению достигается стилистический эффект доверительности, стилистическим приемом при этом является парцелляция. Парцелляция – отличительный признак художественной литературы. В качестве самостоятельных могут выступать как отдельные члены предложения, так и отдельные предложения сложного комплекса. Оформленные как самостоятельные, члены предложения или отдельные предложения раскрываются с другой стороны.

Придаточные предложения в самостоятельной позиции до сих пор не являлись предметом исследования, поэтому обращение автора статьи к данной проблематике является актуальным. Мы анализируем выразительный потенциал указанных предложений. В статье представлены 8 текстовых фрагментов с самостоятельными придаточными предложениями: субъектное, объектное, каузальное, условное, темпоральное, модальное, определительное. Исследование показало, что самый распространенный тип придаточного предложения – каузальное с союзом “weil”. Реже всего встречаются придаточные определительные, что объясняется их прочной связью с определяемым словом главного предложения.

Независимо от типа предложения все они особо выделяют содержащуюся в них информацию, создают эффект доверительности, передают взволнованное состояние персонажа, подчеркивают убедительность и проникновенность высказывания.

грамматическая недооформленность, сепаратизация, парцелляция, логические связи

***Kozhetyeva, Tatiana**, PhD (Philology)*
(Ryazan State University named for S.A. Esenin, Ryazan, Russia)

Incomplete Syntactical Integrity (Nichtgeformtheit) as Exemplified by Parceled Subordinate Clauses in German

Incomplete syntactical integrity of the sentence can manifest itself in isolating a subordinate clause from the complex sentence it logically belongs to. It is done by parceling, when a subordinate clause is detached by a full stop, as if it existed in its own right. This syntactical arrangement makes the sentence sound more confidential. The stylistic device of parceling is typical of belles-lettres texts. Parceling occurs when the author isolates either separate members of a sentence or subordinate clauses. If they are graphically independent, the isolated fragments (whether separate members of the sentence or clauses) reveal their message in a somewhat new light.

Until now parceled subordinate clauses in Modern German have not been studied as the focal issue, therefore the object of research appears timely and significant. The author explores the expressive potential of parceled clauses, which constitutes the novelty of research. The paper examines 8 textual fragments with independent clauses in the syntactical function of subject, object, cause, condition, time, modality, attribute. The research has shown that the most frequent type of clause is that of cause introduced by the conjunction “weil”. The least frequent are parceled attributive clauses, which can be explained by their intrinsic connection with the word defined.

Irrespective of their syntactical function, all such clauses lend the text a confidential tone, render the emotions of the personage, make the utterance more forceful and convincing.

lack of syntactical integrity, isolation, parceling, logical connection

Грамматическая недооформленность является следствием эмоциональности персонально-окрашенной речи, она проявляется в невыраженности логических связей между частями высказывания или в сепаратизации придаточного предложения в сложном комплексе. На это указывает в своей работе О.А. Кострова [1].

[1] Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М. : Флинта : МПСИ, 2004.

© Кожетьева Т.А., 2016

Целью данной статьи является рассмотрение грамматической недооформленности немецкого придаточного предложения, проявляющейся в его сепаратизации, выявление типов придаточных предложений, употребляемых как самостоятельных.

Случаи употребления придаточных предложений в качестве самостоятельных рассматривает Е.И. Шенделс [2]. К ним автор относит:

1. Псевдопридаточные предложения, открывающиеся союзами:

– многозначным *wenn*: Wenn das Wetter nicht so heiß wäre!

– десемантизированным *dass*: Dass ich nicht lache!

– однозначным *als ob*: Als ob er alt wäre!

2. В ответе на вопрос может употребляться одно придаточное предложение как средство языковой экономии: Warum kommst du nicht mit? – Weil ich keine Zeit habe.

3. Употребление придаточных предложений в качестве самостоятельных обусловлено парцелляцией. Главное предложение представлено в предшествующем контексте, придаточное благодаря этому выделяется: Ihr habt immer gelacht über mich, das weiß ich doch. Weil ich meine Füße so komisch setzte. (W. Borchert.)

4. Употребление придаточных предложений в заголовках с целью создания интриги, эффекта ожидания: “Weil dich das Leben braucht”. (W. Bräunig.)

Для данной статьи интерес представляют указанные Е.И. Шенделс пункты 3 и 4. В отношении пункта 3 отмечается, что в случае парцелляции в качестве самостоятельного может выступать любое придаточное предложение.

Под парцелляцией понимается «членение цельного высказывания на интонационно-самостоятельные части, используемое для большей выразительности речи» [3].

В случае парцелляции отдельные члены предложения или части предложения выступают как якобы самостоятельные предложения. Их выделение достигается при помощи пауз и падения тона в конце обособления. На это указывают авторы учебника «Стилистика современного немецкого языка» [4].

Проиллюстрируем выделение отдельных членов предложения в самостоятельные предложения:

Freitagabend kommt Britt. Unangemeldet. Unerwartet. Ungelegen. (H. Königsdorf.)

Так начинается рассказ Х. Кенигсдорф “Unverhoffter Besuch”. При помощи выделенных в самостоятельные предложения обстоятельств образа действия автор достигает конкретизации смысла заголовка. Парцелляция создает впечатление прерывистой речи, которая произносится в ритме синкопы. Так обозначают эффект парцелляции авторы учебника “Deutsche Stilistik” [5].

В самостоятельной позиции могут оказаться не только отдельные члены предложения, но и придаточные предложения. В центре проведенного исследования находятся именно они.

Исследование показало, что чаще всего обособляются придаточные причины.

Так, в романе современной немецкой писательницы Д. Хельдт “Tante Inge haut ab” было зафиксировано 11 случаев сепаратизации придаточных предложений, из которых 10 являются придаточными причины с союзом *weil*, и только одно – придаточным модальным, вводимым союзом *wobei*, что иллюстрирует текстовой фрагмент 1.

Текстовой фрагмент 1

Mark war da ein ganz anderer Typ. Sehr modisch, sehr gepflegt. Und er roch so gut. Er hatte bestimmt eine Menge bunter Hemden im Schrank. Gut, er war auch fünfzehn Jahre jünger als Walter. Wobei der auch mit Anfang fünfzig nie ein grünes Hemd getragen hätte. Aber das war jetzt auch egal. (D. Heldt.)

Следствием сепаратизации придаточных предложений является их особое выделение. В упомянутом романе 10 придаточных причины представлены в самостоятельной позиции.

---

[2] Schendels E. Deutsche Grammatik. M. : Vysšaja Škola, 1982.

[3] Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2011. С. 521.

[4] Богатырева Н.А., Ноздрина Л.А. Стилистика современного немецкого языка. М. : Академия, 2008.

[5] Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M. : Verlag Hochschule, 1975.

Текстовой фрагмент 2

Eigentlich hatte sie immer geglaubt, es gehörte alles so, wie es war. Aber es hatte doch immer wieder die Tage gegeben, an denen sie schlechte Laune hatte. Walter mit seinen eingebildeten Krankheiten, die furchtbaren neuen Nachbarn von gegenüber, die vertrauen Geschäfte, die alle schlossen, ihre beste Freundin Hermine, die plötzlich zu ihrer Tochter nach Berlin zog, ihre eigene Tochter, die kaum noch nach Hause kam, weil sie Dortmund neuerdings so piefig fand, es war alles nicht mehr so leicht wie früher. Vielleicht erfand Walter deshalb seine Krankheiten. Weil das Leben so furchtbar langweilig geworden war. (D. Heldt.)

В подтверждение тезиса Е.И. Шендельс о том, что в случае парцелляции в качестве самостоятельного может выступать любое придаточное предложение, приведем несколько текстовых фрагментов, представляющих в самостоятельной позиции следующие типы придаточных предложений: условное (фрагмент 3), темпоральное (фрагмент 4), определительное (фрагмент 5), субъектное (фрагмент 6), объектное (фрагмент 7).

Текстовой фрагмент 3

Die Jagd auf den verschwundenen Hundertjährigen war vorüber, außerdem war der sympathische Alte nun nicht mal mehr verhaftet. Warum er vor einem knappen Monat aus dem Fenster geklettert war und seitdem auf seinem Weg alles passiert war, musste man natürlich noch klären. Wenn es denn überhaupt noch wichtig war. Das konnte ja wohl nicht so eilig sein, dass man nicht zuerst ein wenig plaudern konnte, oder? (J. Jonasson.)

Текстовой фрагмент 3 иллюстрирует употребление придаточного условного как самостоятельного предложения: “Wenn es denn…” Оформленное как самостоятельное, оно разгружает предшествующее сложноподчиненное с придаточным объектным, с одной стороны, и с другой – выделяет важную информацию об условии, при котором может продолжаться расследование.

Текстовой фрагмент 4

“ …waren Sie lange in Frankreich?”
“Solange es ging”.
“Interniert?”
“Als der Krieg ausbrach. Wie alle anderen”.
Der Mann nickte. “Wir auch. Ich war glücklich”, sagte er dann plötzlich leise und rasch, … (E.M. Remarque.)

Здесь представлены два придаточных темпоральных предложения в самостоятельной позиции. Они вписываются в канву диалогического текста с характерными для него эллиптическими предложениями. Главные предложения к придаточным темпоральным вытекают из контекста. Таким образом, придаточные предложения, оформленные как самостоятельные, представляют содержащуюся в них информацию более выпукло.

Текстовой фрагмент 5, как было указано выше, должен служить иллюстрацией придаточного определительного в самостоятельной позиции.

Текстовой фрагмент 5

…und da blieb Tschick stehen und ging zum Parkplatz zurück und auf die Jungs zu. Die alle einen Kopf größer und ein paar Jahre älter waren als er und die wahnsinnig grinsten, … (W. Herrndorf.)

В отличие от парцелляции других видов придаточных предложений, придаточные определительные оказываются в самостоятельной позиции значительно реже. Это объясняется тем, что они тесно связаны с определяемым словом, представленным в этом случае в самостоятельном главном предложении. Придаточное определительное в самостоятельной позиции в текстовом фрагменте 5 открывается относительным местоимением “Die”, конкретизирующим существительное “die Jungs” в предшествующем предложении. Благодаря такому построению предложений придаточное определительное более выпукло представляет характеристику молодых людей, явно отличающихся от главного героя как внешне, так и по манере поведения.

Случаи сепаратизации придаточного определительного предложения наблюдаются и в русском языке:

…теперь в голосе Вадима Константиновича слышалась угроза.

Которая, впрочем, Филиппа не насторожила и не напугала. Он … легкомысленно продолжал вываливать на голову отца правду-матку. (А. Маринина.)

Текстовой фрагмент 6

Ist es vielleicht so, dass wir die Bedingungen stellen? Dass wir – das übrige Europa – beschlossen haben, wie die Deutschen waren und dass sie nicht mehr so zu sein haben? (P. Bichsel.)

Придаточное субъектное в самостоятельной позиции "? Dass wir – das übrige Europa" выделяет риторический вопрос, предшествующий этому предложению.

Текстовой фрагмент 7

Sie sah ihn nicht an, weil sie nicht ertragen konnte, dass er log. Dass er log, nachdem sie neununddreißig Jahre verheiratet waren. (W. Borchert.)

Придаточное объектное "Dass er log, nachdem sie…" дословно повторяет предшествующее ему объектное в рамках сложного предложения. Этим достигается особое выделение факта о том, чего не могла терпеть жена в своем муже.

В заключение приведем текстовой фрагмент 8, подтверждающий мысль о том, что чаще всего в самостоятельной позиции выступают предложения, содержащие причину, что иллюстрируют также сложносочиненные предложения.

Текстовой фрагмент 8

Wenn er auf die Jagd ging, wusste er wohl, dass man ihm das Wild vor die Flinte stellte, und obwohl er noch andere hatte erlegen können, schoss er dennoch nur jenes, das man ihm vor den Lauf getrieben hatte. Denn es ziemt einem alten Kaiser nicht, zu zeigen, daß er eine List durchschaue und besser schießen könne als ein Förster. Wenn man ihm ein Märchen erzählte, tat er, als ob er es glaube. Denn es ziemt einem Kaiser nicht, jemanden auf einer Unwahrheit zu ertappen. Wenn man hinter seinem Rücken lächelte, tat er, als wüßte er nicht davon. Denn es ziemt einem Kaiser nicht, zu wissen, daß man über ihn lächelt. (J. Roth.)

В данном текстовом фрагменте обращают на себя внимание три предложения с *denn*, содержащие причину совершения действия, указанного в предшествующем предложении. Все три предложения выступают как самостоятельные и имеют практически одно лексическое наполнение:

Denn es ziemt einem Kaiser nicht, …

Такое оформление предложений связано с их особым выделением, что поддерживается также параллелизмом в построении текста. На возможность облечь два смысла в форму сложного предложения или в форму двух самостоятельных предложений еще в начале 80-х годов XX века указывала О.И. Москальская [6].

Подводя итог, отметим, что грамматическая недооформленность немецкого придаточного предложения, проявляющаяся в его сепаратизации, используется как один из способов подчеркнуть взволнованное состояние персонажа.

Список использованной литературы

1. Богатырева, Н.А. Стилистика современного немецкого языка [Текст] / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. – М. : Академия, 2008. – 336 с.

2. Кострова, О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка [Текст]. – М. : Флинта : МПСИ, 2004. – 240 с.

3. Крысин, Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов [Текст]. – М. : Эксмо, 2011. – 864 с.

4. Москальская, О.И. Грамматика текста [Текст]. – М. : Высшая школа, 1981. – 183 с.

5. Riesel, E. Deutsche Stilistik [Text] / E. Riesel, E. Schendels. – M. : Verlag Hochschule, 1975. – 316 с.

6. Schendels, E. Deutsche Grammatik [Text]. – M. : Vysšaja Škola, 1982. – 397 с.

[6] Москальская О.И. Грамматика текста. М. : Высшая школа, 1981.

References

1. Bogatyryova, N.A. Stilistika sovremennogo nemetskogo yazyka [Stylistics of Modern German] [Text] / N.A. Bogatyryova, L.A. Nozdrina. – Moscow : Academia Publishing House, 2008. – 336 p. (in Russ.)

2. Kostrova, O.A. Ekspressivnyi sintaksis sovremennogo hevetskogo yazyka [Expressive Syntax of Modern German] [Text]. – Moscow : Flinta : MPSI, 2004. – 240 p. (in Russ.)

3. Krysin, L.P. Illustrirovannyi tolkovyio slovar' inostrannykh slov [Illustrated Explanatory Dictionary of Foreign Words] [Text]. – Moscow : Eksmo, 2011. – 864 p. (in Russ.)

4. Moskal'skaya, O.I. Grammatika teksta [The grammar of the Text] [Text]. – Moscow : Vysshaya shkola, 1981. – 183 p. (in Russ.)

5. Riesel, E. Deutsche Stilistik [Text] / E. Riesel, E. Schendels. – M. : Verlag Hochschule, 1975. – 316 p.

6. Schendels, E. Deutsche Grammatik [Text]. – M. : Vysšaja Škola, 1982. – 397 p.

Цитированные художественные источники

1. Маринина, А. Ангелы на льду не выживают [Текст]. – М. : Эксмо, 2014.

2. Bichsel, P. Wie deutsch sind die Deutschen? [Text] // Vom Nullpunkt zur Wende / H. Krauss (hg.) – Essen : Klartext, 1994.

3. Borchert, W. Das Brot [Text] // Vom Nullpunkt zur Wende / H. Krauss (hg.) – Essen : Klartext, 1994.

4. Heldt, D. Tante Inge haut ab [Text]. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 2013.

5. Herrndorf, W. Tschick [Text]. – Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2015.

6. Jonasson, J. Der Hundertjährige, der aus dem Fenster stieg und verschwand [Text]. – München : btb Verlag, 2013.

7. Remarque, E.M. Die Nacht von Lissabon [Text]. – Berlin ; Weimar : Aufbau-Verlag, 1976.

8. Roth, J. Radetzkymarsch [Text]. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985.

Раздел IV
Институт Конфуция:
лингвистические и лингводидактические исследования

УДК 811.521+ 811.581+378

***Бай Цзин**, проф.*
(Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)

Прагматические ошибки китайцев в процессе межкультурной коммуникации и способы их устранения (на примере непереходных глаголов и пассивного залога японского языка) [1]

Многолетнее наблюдение показывает, что носители китайского языка как родного в процессе межкультурной коммуникации часто делают ошибки, связанные с прагматикой языка. Для изучения этого явления автор провел исследование, сбор материалов и вывел некоторые причины, его обуславливающие. Моделью мышления носителей японского языка как родного является восприятие себя как «отправной точки», где одинаково важными считаются сосредоточение на субъективном и на чувственном восприятии, а ядром модели мышления носителей китайского языка как родного является внимание к объективным фактам. Таким образом, разница между китайской и японской культурами представляется главной причиной возникновения прагматических ошибок у китайцев в процессе межкультурной коммуникации. Основным способом устранения таких ошибок является подробное изучение разницы в способах языкового выражения обеих сторон и культурно-психологических отличий перед непосредственной тренировкой и общением. В нашем исследовании мы предлагаем уделять внимание важности культурных различий в процессе обучения японскому языку и посредством усовершенствования методики преподавания и введения культурного контекста повышать межкультурные коммуникативные способности учащихся к межкультурному общению.

межкультурная коммуникация, непереходные глаголы, пассивный залог, прагматические ошибки, способы устранения ошибок

***Bai Jing**, professor*
(Changchun University, Changchun, China)

Pragmatic Mistakes Made by Chinese Students of Japanese and Ways of Error Eradication (exemplified by intransitive verbs and the Passive Voice in Japanese)

Long-term observation shows that Chinese language users are apt to make pragmatic language mistakes in the process of intercultural communication. The author, who has accumulated abundant factual data, studies the types of pragmatic mistakes and the causes underlying them. The article describes the differences in the world pictures of Chinese and Japanese native language users. It is typical of Japanese people to proceed from their personal identity as the starting point and to focus on the subjective and the emotional aspects of world perception. The Chinese mentality model tends to focus on objective facts. The author maintains that this cultural discrepancy in the model of world vision chiefly accounts for pragmatic errors made by Chinese learners of Japanese. To eliminate mistakes of this kind, it is advisable, first, to examine the differences in the language means employed by the target language users and, second, to study the cultural and psychological divergences in the two world pictures before plunging into practice and intercultural communication. The paper emphasizes the importance of the cultural context as a background against which verbal skills should be practiced, and dwells on the methodology of introducing the cultural context and using it as a teaching tool aimed at perfecting intercultural communication competence.

intercultural communication, intransitive verbs, passive voice, pragmatic errors, error elimination methodology

---

[1] Перевод с китайского языка выполнила Рышкова Марина Александровна, ведущий специалист по учебно-методической работе Института Конфуция РГУ имени С.А. Есенина.

© Бай Цзин, 2016

Межкультурная коммуникация – это коммуникация между людьми с разным культурным окружением. В процессе межкультурной коммуникации фактором, в большей степени влияющим на собеседников, является наличие культурных различий между двумя сторонами [2]. Культурные различия включают много аспектов, главными сферами здесь являются: сфера языка, обозначающая различия в языковом содержании; личностная сфера, охватывающая разницу в мировоззрении, системах ценностей, вероисповедании, психологии, способах мышления; социальная сфера, включающая классовые, национальные различия и отличия в обычаях, вкусовых привычках [3]. Разница в культурах может привести к многообразным ошибкам в процессе межкультурной коммуникации между представителями разных народов. В данной статье на примере переходных глаголов и пассивного залога японского языка анализируются культурные ошибки, возникающие у китайских студентов в общении с носителями японского языка как родного, а также причины этих ошибок; рассматриваются прагматические ошибки в процессе межкультурной коммуникации при обучении японскому языку, а также способы устранения таких ошибок.

1. Прагматические ошибки в процессе межкультурной коммуникации

Оценка и объяснение человеком встречаемых им явлений, предметов и моделей поведения строятся на основе собственной культуры. То же имеет место и в процессе межкультурной коммуникации, поэтому преграды в общении часто объясняются игнорированием влияния прагматического аспекта [4]. В разных культурах правила использования языков, естественно, будут разными, стандарты и образцы одной культуры могут только согласно свойственным ей условиям объяснять явления этой культуры, и их нельзя переносить на описание другой культуры, иначе межкультурная коммуникация обречена на неуспех. Глубинной причиной последнего является недостаточная чувствительность к культурным различиям разных языков, что приводит к неосознанным прагматическим ошибкам.

1.1. Анализ причин прагматических ошибок использования непереходных глаголов

Использование непереходных глаголов и предложений с пассивным залогом – это материал, изучаемый во втором семестре первого года обучения японскому языку. Методика обучения этим грамматическим явлениям, на первый взгляд, известна. Но новизна нашего подхода состоит в том, что мы трактуем ее с позиции когнитивной лингвистики, анализируем выбор форм носителями иностранного языка с учетом психологических факторов, обусловливающих тот или иной выбор. Здесь важна психология так называемого «контроля событий» («управления событиями»), напрямую связанная с выражением мыслей на идиоматическом естественном японском языке.

«Событие» обозначает происходящую ситуацию, а «управление» указывает на то, как говорящий относится к ней. «Управление событием» означает, как разными способами мышления говорящий воспринимает происходящую ситуацию и относится к ней. «Управление событием» подразумевает два разных способа: «субъективное управление» и «объективное управление» [5]. Особенность субъективного управления заключается в том, что говорящий перед вербализацией определенного события осуществляет познание, восприятие и лично переживает происходящее, «помещает» себя внутрь ситуации, познает и ощущает ее с помощью личностного присутствия в ней, после чего вербализует происходящее событие с помощью привычных способов выражения. При объективном управлении картина обратная. Говорящий «помещает» себя вне события, с тем чтобы избежать познания и восприятия происходящей ситуации на месте, изнутри [6]. Считается, что японцам присуще субъективное управление событиями, а китайцам – объективное.

---

[2] Чэнь Гомин. Межкультурная коммуникация. Шанхай : Хуадун. пед. ун-т, 2009. С. 10.

[3] URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_6e3075ff010173s6.html

[4] Тань Вэй. Столкновение межкультурной коммуникации с китайской и западной культурой. URL : http://www.studa.net/yingmei/040114/2004114112400.html

[5] Кондо Ацуко, Химэно Томоко. Обзор тенденции «управления событием» в учебниках по японскому языку // Сб. науч. работ по когнитивной лингвистике Японии. 2008. № 8. С. 296–297.

[6] Ли Цзайгао. Знакомство с когнитивной лингвистикой. Япония : Каитакуся, 2010. С. 35–50.

Непереходные глаголы – это проявление вежливости, они повсеместно встречаются при обучении японскому языку на базовом этапе: начиная от занятий в университете и вплоть до непосредственной межкультурной коммуникации. Однако изучающие японский язык, неважно в Китае или в Японии, часто совершают ошибки в использовании глаголов в процессе межкультурной коммуникации. Хотя в ходе обучения ошибки постоянно корректируются, но из-за отсутствия настоящего понимания причин ошибок, они беспрерывно возвращаются, что приводит к расхождению в понимании коммуникативных интенций говорящих в процессе межкультурного общения. Рассмотрим на конкретных примерах и проанализируем, в чем проявляются культурные ошибки китайских студентов, изучающих японский язык, и выявим коммуникативные барьеры, которые они сами себе создают.

Пример 1. Экзаменатор ждет студентов на собеседование в кабинете, надеясь, что они явятся, поэтому разговаривает сам с собой: «Студенты смогут прийти?» (“学生能来吗?”).

Мы попросили китайских студентов перевести данное предложение на японский язык, в результате получили следующие варианты: 学生は来られますか – «Студенты смогут прийти?» (это просто вежливая речь, говорящий спрашивает, придут ли они вообще), 学生は来ることができますか – «Студенты смогут прийти?» (здесь прибавляется вспомогательный глагол できる «мочь, уметь»). Некоторые студенты перевели фразу как 学生は来られるかな – «Смогут ли студенты прийти?» (かな показывает волнение, сомнение). По большей части, в переводе проявляется элемент возможности, а не вежливости. Это показывает, что носители китайского языка пока не разбираются в мышлении и языковых привычках японцев, другими словами, не понимают культурных различий в процессе межкультурной коммуникации. Перевод, созданный в рамках менталитета носителей китайского языка, для японцев абсолютно верен с грамматической точки зрения. Но такая форма выражения совершенно не соответствует привычному мышлению носителей японского языка. Японцы обязательно выразят эмоциональные изменения, вызванные происходящей у них перед глазами ситуацией (и даже ситуацией, в которой они могут только представить себя), то есть привычной особенностью их мышления является доминанта чувственного компонента)[7]. Поэтому для носителя японского языка такие формы перевода не подходят, вызывают у них дискомфорт, недоумение. В подобной ситуации носитель японского языка обычно скажет 果たして来てくれるかな – «Он действительно придет?» (вспомогательный глагол くれる показывает, что деятеля ранее просили прийти, а 果たして показывает желание говорящего «я хотел бы, чтобы он пришел»), выражая настроение ожидания говорящего. Результат ожидания – желаемое событие для говорящего. В такого рода ситуациях японцы обычно используют формы проявления вежливости, чтобы выразить собственные эмоциональные переживания, поскольку модель мышления носителей японского языка – в восприятии себя как центра. И нарушение этого принципа ведет к расхождению с первоначальным намерением говорящего и переходу к объективному повествованию от третьего лица. Разные способы мышления, естественно, будут неодинаково отражаться в языке, что вызывает прагматические ошибки в межкультурном общении. В продолжение предыдущего примера: увидев, что вошли студенты, преподаватель сказал: “啊！竟来了4个人，太好了！” – «А, все-таки пришло четыре человека, очень хорошо!». При переводе студенты снова не отразили настроение ожидания и чувство надежды говорящего, то есть не использовали форм вежливого проявления. Перевод оказался следующим: “４人も来ました。よかった”. – «Уже 4 человека пришло! Хорошо!». В китайском примере акцент сделан на количестве пришедших, в то время как в японском переводе уделяется внимание тому, является ли результат события ожидаемым, желанным для говорящего. Согласно языковой привычке и модели мышления носителей японского языка эту фраз нужно произносить как “ああ！４人も集まってくれた。よかった。” – «О! Уже собралось 4 человека! Хорошо!» *(Я рад)* (вспомогательный глагол くれる показывает, что людей просили собраться. – *Примеч. пер.),* так как формы вежливого проявления помогают выражать желаемое событие для говорящего, его надежды на что-то, а также являются одним из способов выражения эмоциональных изменений.

[7] Икегами Ёсихико, Мория Митиё. Для обучения правильному японскому языку. Япония : Хицуджи Сёбо, 2009. С. 90.

1.2. Анализ прагматических ошибок в употреблении пассивного залога

Пассивный залог представляется очень знакомым явлением для изучающих японский язык, он занимает достаточно важное место как в повседневном общении, так и в научно-технических статьях. Использование пассива кажется простым и не вызывающим вопросов. Однако из-за того, что многие учащиеся и говорящие не имеют достаточного понимания использования пассивного залога с учетом культурных различий, время от времени возникают ошибки в процессе межкультурной коммуникации.

Пример 2.

小王对小李说：“刚才太累了，刚要打个盹，这时朋友来了”。

Сяо Ван говорит Сяо Ли: «Очень устал, только собирался вздремнуть, как пришел друг».

Мы предложили перевести данное предложение испытуемым, среди которых были изучающие японский язык студенты китайских учебных заведений, а также те, кто изучает японский в Японии, однако результаты перевода оказались неудовлетворительными. 90 % исследуемых перевело предложение следующим образом: “さっき、とても疲れたので居睡りをしようとした時、友達が来ました”。– «Я очень устал, и когда уже подумывал вздремнуть, пришел друг». Данный перевод для японцев является объективным изложением события, не влияющего на говорящего, но в оригинале предложения говорящий хотел сказать, что гость нарушил его отдых.

В данной ситуации «приход гостя», с японской точки зрения, – это нежелательное событие для говорящего, а для выражения таких чувств обычно употребляется пассивный залог. Согласно менталитету японцев если результат события представляется неблагоприятным или нежелательным для говорящего, если есть вероятность «пострадать», то следует употреблять пассивный залог для выражения своего недовольства, неудовлетворения и других отрицательных эмоциональных изменений [8]. В описываемой ситуации японцы скажут: “さっきすごく疲れたので、居睡りをしたら、友達に来られた”。– «Я очень устал, и когда я спал, ко мне пришел друг». В данном случае пассивная конструкция *(来られた. – Примеч. пер.)* выражает негативное отношение говорящего к случившемуся. Носители китайского языка не смогли использовать пассив из-за влияния китайского мышления. В мышлении носителей китайского языка события обычно излагаются с точки зрения стороннего наблюдателя, без учета эмоциональной реакции говорящего. За счет культурных различий возникает коммуникативный барьер.

2. Способы устранения прагматических ошибок

2.1. Обзор прагматических ошибок китайских студентов в японском языке

Для того чтобы лучше разобраться в причинах прагматических ошибок китайских студентов при обучении японскому языку, найти соответствующие способы устранения ошибок, мы провели исследование студентов, изучающих японский язык, разного уровня, включив непереходные глаголы и пассивный залог в качестве основного содержания исследования. Испытуемым предлагалось перевести китайские фразы, отличные от языка перевода в культурном аспекте, на японский язык, а затем сравнить с фразами носителей японского языка как родного. Далее прилагаются выбранные для перевода фразы:

1. *На улице идет строительство дороги, поэтому я не могу спать*. – 外面道路在施工，弄得我睡不好觉。

2. *Сотрудник внезапно уволился, поставив меня в затруднительное положение.* – 员工突然辞职，搞得我很为难。

3. (Забыв ключ, мучаясь сомнениями, как лучше поступить) *Мама вернулась*. – （没带钥匙，正犯愁怎么办好时）妈妈回来了。

[8] Икегами Ёсихико, Мория Митиё. Для обучения правильному японскому языку. С. 93–96.

4. *У нас один ребенок в семье, но хорошо, что поблизости живет его ровесник, который часто приходит играть.* – 我家小孩是独生子，不过好在附近有同龄的小孩常常过来玩。

Обобщим результаты перевода данных четырех фраз студентами, изучающими японский язык как в Китае, так и в языковой среде в Японии:

1. 工事でよく眠れない。– *Я не могу заснуть из-за строительства*. (Частицаで указывает на причину.) 外で、工事があるので、よく眠れない。– *На улице идет строительство, поэтому я не могу спать.* (ので указывает на причину, чаще всего используется на письме; более вежливо, чем から).

外で工事をしているからよく眠れなかった。– *Так как на улице идет строительство, я не могу спать.* (から менее вежливый вариант, чем ので, но функция одинаковая – указание на причину).

2. 社員に突然辞職されて、とても困っていた。– *Мне пришлось уволить служащего без предупреждения, это было неприятно*. (В данном случае говорящий использует пассив, чтобы показать негативное отношение к случившемуся.)

社員が突然辞めたので、本当に困ってしまいました。– *У меня внезапно уволился служащий, и это было неприятно.*

社員は急に辞職しますから困ります。– *Так как у меня увольняется служащий, мне тяжело.*

3. (困っているときに）母が帰りました/帰ってきた。– (В затруднительной ситуации) *Мама вернулась*. (Мама вернулась в собственный дом, подразумевается, что говорящий с мамой до этого были дома вместе. Только в данном случае きた включает в себя дополнительное значение, что мама когда-то вышла, и теперь вернулась).

4. ちの子は一人子だけど、幸いに近所の同じぐらいの子供たちがよく遊びにきた。– *У меня один ребенок в семье, но, к счастью, к нему приходит играть ровесник.*

うちの子は一人っ子ですが、近所の子供たちがよく遊びに来てくれてよかったです。– *У меня один ребенок в семье, но я очень рад, что к нему приходит играть соседский ребенок* (в данном случае с помощью глагола くれる говорящий подчеркивает, что он благодарен детям за то, что они приходят).

家は一人子ですが、嬉しいことに隣の同い年の子がよく遊びにきています。– *У меня один ребенок в семье, но, к счастью, к нему приходит играть соседский ребенок – ровесник.*

По результатам перевода предложений 1 и 2 можно заключить, что эти фразы даны в причинно-следственном или «обратном» объективном изложении, перевод осуществлен полностью согласно буквальному значению и особенностям китайского мышления, все внимание уделено причинно-следственным связям, в то время как упускается факт передачи носителем японского языка субъективного чувственного значения. Такой перевод отражает тенденцию к объективности в мышлении носителей китайского языка. Этот способ мышления расходится с чувственно-ориентированным способом мышления носителей японского языка, а также с их языковыми привычками. В переводах изучающих японский язык не отражена эмоциональная составляющая. Подобный перевод может вызвать недоумение носителей японского языка. Сравните фразы носителей японского языка в приведенных выше ситуациях:

1. 道路工事が始まって/道路工事を始められて、よく眠れなかった。– *Начались дорожные работы / Начались дорожные работы, и я не могу спать.* (Пассив во втором случае подчеркивает негативное отношение говорящего.)

Здесь следует добавить, что при выражении действий, выполненных не своими силами, японцы привыкли использовать непереходные глаголы. Например: “道路工事が始まって” (начались дорожные работы), а не “道路工事を始めて” (начались дорожные работы), “戦争で死んだ” (Был убит на войне), но не “戦争で殺された” (был убит на войне).

2. 突然秘書に辞められて、困った。– *У меня внезапно уволился секретарь, это было неприятно* (говорящий подчеркивает негативное отношение пассивом).

3. 困っているときに）母が来てくれた。– (В затруднительной ситуации) *Мама пришла*. (くれる указывает на то, что говорящий просил маму приехать).

4. ちは一人っ子だけど、近所に同い年の子がいてくれて、よく遊んでもらった。– *У меня один ребенок в семье, но так как у соседей есть ребенок-ровесник, то я просил его прийти поиграть* (くれる подчеркивает благодарность говорящего, что у соседей есть ребенок).

В двух первых фразах, благодаря употреблению пассивного залога, слушатель сразу может ощутить негативные чувства говорящего, возникшие из-за неблагоприятного влияния. В последней паре примеров, в связи с применением переходных глаголов, выражающих любезность, слушатель может почувствовать, что определенное событие благоприятно для говорящего, тем самым происходит смена настроения в положительную сторону.

2.2. Способы устранения прагматических ошибок китайских студентов в японском языке

Результаты проверки показывают, что в современной методике преподавания японского языка в Китае еще существуют определенные вопросы, связанные с обучением пассиву и непереходным глаголам. В прошлом привычным было объяснять “老师表扬了我 – 我被老师表扬了” (*Учитель похвалил меня – Я похвален учителем*), “同学打了我 – 我被同学打了” (*Одноклассник побил меня – Я побит одноклассником*), только лишь разъясняя разницу между агентом и адресатом действия, а языковая привычка выражения носителей языка в зависимости от эмоциональных изменений и влияние менталитета на грамматику не учитывались. Для устранения подобных ошибок необходимо тщательно изучить языковые и культурные различия обеих сторон в процессе межкультурной коммуникации. В японском языке использование пассива и непереходных глаголов показывает эмоциональные изменения говорящего, то есть здесь отражается привычка «превосходства чувственного», и, будь то положительные или негативные изменения, их всегда нужно выражать. Для передачи позитивных, благоприятных для говорящего событий используются формы вежливости, а для негативных событий с неблагоприятным влиянием применяется пассив. Только так форма выражения мыслей будет соответствовать мышлению носителей языка, то есть японской культуре, сам язык станет более идиоматичным, не нарушающим нормы выражения японского языка. Мы считаем, что эти ошибки и преграды в общении связаны с тем, что в современной методике японского языка в Китае уделяется недостаточное внимание обучению культуры страны. Поэтому сейчас требуется повысить знания учащихся в области межкультурной коммуникации. На наш взгляд, необходимо реализовывать следующие конкретные способы:

1. Изменить педагогическое сознание преподавателей, так как нельзя уделять все учебное время только грамматике и лексике. Важно учить студентов предотвращать культурные конфликты, развивать лингвокультурную компетенцию.

2. Усовершенствовать методику преподавания, качественно и количественно усилив культурологическую составляющую; максимально использовать современные педагогические приемы, видеопросмотры, видеокамеры, интернет с целью мотивирования учащихся. Кроме этого, необходимы целенаправленные лекции на основе изучаемого культурного и языкового материала, чтобы язык и культура находились в постоянной тесной связи.

3. Помогать учащимся максимально использовать различные материалы по культуре Японии, в свободное время предлагать читать японскую литературу, газеты, журналы, различные обзоры, откуда они смогут пополнять свои знания о культуре, расширять кругозор и повышать способности в области межкультурной коммуникации.

Таким образом, основной причиной многочисленных ошибок китайцев в процессе межкультурной коммуникации на японском языке является наличие культурных различий, так как в мышлении носителей рассматриваемого языка отдается приоритет субъективному и чувственному. Избежать ошибок можно, если перед общением тщательно изучить различия в языковом

выражении и культуре стран. Принцип «преимущества чувственного» в основном находит свое выражение в использовании форм пассива и непереходных глаголов. Мы считаем, что в обучении японскому языку необходимо уделять должное внимание культурным различиям и с помощью совершенствования методики преподавания, привлечения культурных контекстов воспитывать более компетентных в практическом японском языке специалистов.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Бай Цзин. Особенности «управления событием» носителей японского языка и идиоматичный японский [Текст] // Экзамен. – 2013. – № 13. 白晶 日本母语者把握事态的特点与地道日语 //《考试周刊》，2013年第13期 (на китайс. яз.)
2. Чэнь Гомин. Межкультурная коммуникация [Текст]. – Шанхай : Хуадун. пед. ун-т, 2009. – 283 с. 陈国明 跨文化交际学 上海：华东师范大学出版社，2009，283页 (на китайс. яз.)
3. Икегами Ёсихико. Для обучения правильному японскому языку [Текст] / Икегами Ёсихико, Мория Митиё. – Япония : Хицуджи Сёбо, 2009. – 227 с. 池上嘉彦、守屋 三千代，自然な日本語を教えるために。日本：ひつじ書房，2009，227页 (на яп. яз.)
4. Кондо Ацуко. Обзор тенденции «управления событием» в учебниках по японскому языку [Текст] / Кондо Ацуко, Химэно Томоко // Сб. науч. работ по когнитивной лингвистике Японии. – 2008. – № 8 – С. 296–305. 近藤安月子，姫野伴子.日本語教科書に見る事態把握の傾向–中国で出版された教科書を例として [A]. 日本認知言語学会論文集，2008（8）：296–305 (на яп. яз.)
5. Ли Цзайгао. Знакомство с когнитивной лингвистикой [Текст]. – Япония : Каитакуся, 2010. – 180 с. 李在鎬 認知言語学への誘い日本：開拓者，2010年，180页 (на яп. яз.)
6. Тань Вэй. Межкультурная коммуникация и конфликты между китайской и западной культурой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.studa.net/yingmei/040114/2004114112400.html (на китайс. яз.)
7. Шэн Вэньчжун. Различия при переводе предложений с явлением «управления событием» с китайского языка на японский [Текст]. – Пекин : Пекин. центр японоведения, 2006. – № 16. – С. 114–126. 盛文忠.翻訳に見る日中両言語の事態把握の差異[J.] 日本学研究.北京日本学研究中心, 2006 (16) : 114–126 (на яп. яз.)
8. URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_6e3075ff010173s6.html
9. URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_6e3075ff010173s6.html

References

1. Bai Zing. “Controlling the Event” as Part of Japanese People’s Mentality and Idiomatic Japanese [Text] // Examination. – 2013. – N 13 (in Chin.)
2. Chen Guoming. Cross-cultural Communication [Text]. – Shanghai : Huadong Normal University, 2009. – 283 p. (in Chin.)
3. Ikegami Yoshihiko. Towards teaching Correct Japanese [Text] / Ikegami Yoshihiko, Moriya Michiyo. – Japan : Hitsuji Shyobo, 229. – 227 p. (in Japan.)
4. Kondo Atsuko. On the Tendency of “Controlling the Event” in Textbooks of Japanese [Text] / Kondo Atsuko, Himeno Tomoko // Nihon Ninchi Gengogaku Kairon. – 2008. – N 8. – P. 296–305 (in Japan.)
5. Li Zaigao. Introduction to Cognitive Linguistics [Text]. – Japan : Kataikushya, 2010. – 180 p. (in Japan.)
6. Tan Wei. Intercultural Communication and Collision of Chinese and Western Cultures [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.studa.net/yingmei/040114/2004114112400.html (in Chin.)
7. Sheng Wenzhong. Divergences between the Chinese and Japanese Languages when Translating “Controlling the Event” Sentences [Text] // Japanese Studies. – Beijing : Beijing Center of Japanese Studies. – 2006. – N 16. – P. 114–126 (in Japan.)
8. URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_6e3075ff010173s6.html
9. URL : http://blog.sina.com.cn/s/blog_6e3075ff010173s6.html

УДК 81’23

***Фэн Юй**, аспирант*
(БГПУ, Благовещенск)

Концепт «праздник» в языковой картине мира русских и китайцев

Поиски путей эффективной межкультурной коммуникации, связанной с восприятием специфики ментальности другой нации, невозможны без детального анализа ценностных концептов материальной и духовной культуры другого народа. Аксиологический концепт «праздник» является одним из показателей духовных ценностей, важных как для целого этноса, так и для отдельного человека, в связи с чем его исследование представляет практическую ценность для межкультурной коммуникации. Целью исследования, результаты которого представлены в данной статье, стала сравнительная характеристика структуры концепта «праздник» в языковой картине мира носителей русского и китайского языков. На основе проведенных экспериментов выявлены сходные и различительные черты концепта «праздник» у русских и китайцев. Установлено, в частности, что значительные черты сходства обнаруживаются в группе конкретных ассоциатов, а основные различия наблюдаются среди чувственных и абстрактных когнитивных ассоциатов.

аксиология, концепт, праздник, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, свободный ассоциативный эксперимент

***Feng Yu**, Postgraduate Student*
(Blagoveschensk State Pedagogical University, Blagoveschensk, Russia)

The Concept of “Festival” in the Linguistic World-Image of Russian and Chinese People

The search for ways of effective intercultural communication connected with the perception of mentality specifics of other nations is impossible without a detailed analysis of the nations’ value concepts of material and spiritual culture. “Festival” as an axiological concept is one of the characteristic signs of a nation’s spiritual values, which are significant not only for the whole ethnic group but also for each individual. Therefore, its research is of practical use for intercultural communication. The goal of research, the results of which are presented in the article, is a comparative analysis of “festival” in the linguistic worldview of Russian and Chinese language native speakers. An experimental study yielded a number of similar and distinctive features of the concept in Russian and Chinese cultures. The research shows that significant similarities are found among concrete associations, whereas significant differences are among sensuous and abstract cognitive associations.

axiology, concept, festival, cultural linguistics, cognitive linguistics, free associative experiment

Носители разных этносов, обладая различными национально-специфическими способами языкового отражения мира и мышления, не всегда адекватно воспринимают и осмысливают факты чужой материальной и духовной культуры. Именно поэтому одним из ключевых вопросов лингвистики в настоящее время является проблема исследования национальной специфики культуры, отраженной в языке, взаимодействие и взаимосвязь между языками и культурами. Об этом писали многие лингвисты, философы, культурологи и другие исследователи. Например, американский этнолингвист Э. Сепир отмечал: «Язык не существует вне культуры, то есть вне социально-унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни... Культуру можно определить как то, что общество делает и думает. Язык же есть то, как думают люди» [1]. Это подтверждает и современный исследователь лингвокультурологии В.А. Маслова: «Язык теснейшим образом связан с культурой: он про-

[1] Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии : пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М. : Прогресс : Универс, 1993. С. 185, 193. – (Филологи мира).

© Фэн Юй, 2016

растает в нее, развивается в ней и выражает ее» [2]. Сам язык является неотъемлемым элементом и феноменом культуры. Данное общепринятое положение обусловлено неогумбольдтианским осмыслением взаимосвязи народа, культуры и языка: материальная и духовная культура воплощается в языке; всякая культура национальна, ее национальный характер отражен в языке посредством особого видения мира: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [3]. Наш современник академик Д.С. Лихачёв подчеркивал, что «национальный язык – это не только средство общения, а знаковая система для передачи сообщений. Национальный язык в потенции – как бы “заместитель” культуры, показатель культуры» [4]. Культура и язык, таким образом, – антропоцентрические сущности, они репрезентированы в человеке, служат человеку и без человека не имеют смысла.

Исследователи данной проблемы в КНР придерживаются общепринятой в мировой лингвистике точки зрения. Так, известный китайский ученый Чжао Айгуо утверждает: «Язык как среда культуры, по существу, есть культура культуры, то есть семиотическая культура, а культура представляет собой “материнское тело” языка, по существу, являясь гуманизацией» [5]. Китайский исследователь Джу Минь убедительно доказывает, что «язык считается не только орудием коммуникации и сознания, но и кодом национальной культуры, язык – это не только носитель культуры, но и ее составная часть» [6]. Очевидно, что отношения языка и культуры – это не просто параллельные отношения, а отношения части и целого. Особенность языка состоит в том, что, во-первых, «язык является атрибутом человеческой цивилизации, можно говорить, что в связи с рождением языка появилась культура, то есть язык – это культура, и *преимущественно* культура» [7]. Во-вторых, в том, что «язык как составная часть и код культуры не только выражает сам себя, но и фиксирует и хранит культуру... И, наоборот, культура воздействует на язык и дает жизнь языку» [8].

Исследование соотношения языка и культуры привело к появлению такой единицы исследования, как концепт. Представляется убедительной точка зрения Т.В. Захаровой, считающей данную единицу актуальной в исследованиях, посвященных межкультурной коммуникации: «В процессе межкультурного общения познание направлено на восприятие ментальности другой нации. Сопоставительное изучение культур становится возможным через рассмотрение национальных ценностей в определенном контексте. Поиск единицы межкультурной коммуникации за последние десятилетия привел к утверждению термина “концепт”» [9]. Современные лингвистические исследователи принимают концепт за базовую единицу культуры: «Культура – это совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего в “эволюционных семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т.д.). Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [10].

Определение термина «концепт» находим и в китаистике. Так, китайский лингвист Ян Минтянь считает, что «концепт является вербализацией значения, абстрактным символическим миром, обладающим национальными языковыми и ментальными особенностями

---

[2] Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. С. 9.

[3] Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М. : Прогресс,1985. С. 312.

[4] Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под. ред. В.П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 280–287, 284.

[5] 赵爱国当前俄语语言与文化学科建设的几个理论问题 [J.]. 外语与外语教学，2002（6）第53–56页。第54页。

[6] 褚敏漫谈二十一世纪俄语语言与文化研究之新方向 [J.]. 中国俄语教学 2001（3）第25–29页。

[7] 夏雨语言文化论析.//外语学刊，1994年第6期，第5–9页. 第6页。

[8] 褚敏漫谈二十一世纪俄语语言与文化研究之新方向 [J.]. 中国俄语教学 2001(3) 第28–29页。

[9] Захарова Т.В. Концепт как основная единица языковой картины мира // Филологические науки. 2012. № 2. С. 42–44.

[10] Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. С. 38, 40.

и комплексной структурой», при этом менталитет носителей языка находит разные формы выражения, например, «признак, образ, символ и концепт» [11].

В концептосфере любого языка существуют единицы особого рода – аксиологические концепты. С развитием антропоцентрической лингвистики появилось новое направление исследования – направление лингвистической аксиологии, изучающее систему ценностей этноса и особенности ее манифестации в языке и культуре [12]. По мнению А.А. Федорова, «ценности – одна из характерных форм отношений между человеком и окружающим миром на основе выделения того или иного предмета, состояния, качества из ряда других путем признания за ним позитивного жизненно важного для человека или общества значения» [13]. Именно праздник является наглядным выражением того, что важно для отдельного человека, для семьи, для всего этноса. Одним из важнейших аксиологических концептов, на наш взгляд, является концепт «праздник», сравнительная характеристика которого в русском и китайском языках является предметом исследования данной статьи.

В «Современном толковом словаре русского языка» находим следующее определение праздника: день торжества в честь или память выдающегося события, обычая или святого и т.п.; общий нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд по случаю таких торжеств. Веселое торжество, устраиваемое кем-л. по какому-л. поводу. День или время, ознаменованные каким-л. радостным, приятным событием, и само такое событие. Испытываемое от чего-л. наслаждение, приятное, радостное чувство [14].

В «Большом китайском толковом словаре» термин «праздник» – это: какой-либо день, обладающий определенным значением, обычно юбилей, день торжества и т.д. [15] В «Современном китайском словаре» слово «праздник» интерпретировано так: юбилей, например, международный день труда Первого мая; Традиционный день чествования и жертвоприношения [16].

Из словарных определений очевидна ценность праздников, их значимость в обеих культурах. Однако эти же источники свидетельствуют и о том, что у разных народов существуют разные праздники, представляющие особую национальную ценность. Уточнить специфику аксиологического концепта «праздник» у носителей разных языков позволяет метод свободного ассоциативного эксперимента, который, как известно, «заключается в предъявлении испытуемым слов-стимулов, на которые они должны реагировать любой словесной реакцией, приходящей им в голову. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта» [17].

С этой целью в 2014 году нами проведен свободный ассоциативный эксперимент среди жителей Амурской области России, в котором приняли участие 1 800 человек, распределившихся на три возрастные группы по 600 человек в каждой («юность» в возрасте от 15 до 23 лет; «средняя взрослость» в возрасте от 30 до 50 лет; «поздняя взрослость» в возрасте от 65 до 70 лет). Возрастные группы формировались по методике Левинсона, описанной в книге И.В. Шаповаленко «Возрастная психология» [18]. Получено по три реакции от каждого участника эксперимента: 887 конкретных ассоциативных реакций (неопределенные или отсут-

---

[11] 杨明天观念的对比分析: 以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例 / 杨明天著. – 上海: 上海译文出版社, 2009. 372页。第60页。

[12] Волощенко В.Г. Аксиологический аспект изучения японского фразеологического фонда с именами живой природы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 2 (26). С. 57–61.

[13] Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры : слов. М. : Флинта : МПСИ, 2005. С. 418.

[14] Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2001. С. 595–560.

[15] 新华大字典/《新华大字典》编委会编. – 修订本. – 北京:商务印书馆国际有限公司，2011年8月，1200页。第415页。

[16] 现代汉语词典（第5版）/ 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京：商务印书馆，2005年，1866页。第696页。

[17] Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 115.

[18] Шаповаленко И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М. : Гардарики, 2004. С. 294.

ствующие реакции не учитывались – 913). При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались. В статье нами представлены данные группы «средняя взрослость» как наиболее активного слоя современного социума.

Ассоциаты, относящиеся к конкретному торжеству (всего 144):

Новый год 94, день рождения 42, свадьба 7, хэллоуин 1.

Конкретные ассоциаты (всего 332):

подарки 51, шарики 40, елка 30, шампанское 23, торт 22, застолье 21, цветы 20, дискотека 13, салют 12, вечеринка 12, водка 9, мандарины 9, музыка 9, фейерверк 8, улыбка 8, дом 6, ящик спиртного 4, конфеты 3, свечи 3, деньги 3, мишура 2, красивая одежда 2, нос от клоуна 2, салаты 2, игры 2, реклама 1, печенье 1, солнце 1, снег 1, новые вещи 1, свет 1, платье 1, кафе 1, закуски 1, хлеб 1, сладкое 1, праздничные шапки 1, феерия 1, песни 1, глинтвейн 1, пиво 1.

Абстрактные когнитивные ассоциаты (всего 142):

смех 19, выпивка 18, хорошее настроение 17, торжество 16, отдых 16, пьянка 12, бухло 10, траты 8, каникулы 6, похмелье 5, детство 3, сон 2, головная боль 2, романтика 2, любовь 2, добро 1, отпуск 1, суета 1, сессия 1.

Ассоциаты, относящиеся к человеку (всего 92):

семья 36, друзья 31, гости 15, много народу 3, девушка 2, дети 2, родственники 1, любимая в бантике 1, проказник 1.

Коннотативные ассоциаты (связанные с эмоциями и оценкой) (всего 8):

эмоции 3, разврат 2, интересный 2, красный день календаря 1.

Чувственные ассоциаты (всего 169):

радость 70, веселье 79, счастье 17, добро 1, удовольствие 1, одиночество 1.

По данным эксперимента установлено, что аксиологический концепт «праздник» в языковой картине мира русских таков: близкие собираются за праздничным столом, общаются друг с другом, поют, танцуют и поздравляют друг друга, для праздника обязателен подарок, шарики, шампанское, цветы и др. Главными праздниками для русских согласно опросам являются Новый год и день рождения. Праздники всегда приносят веселье, радость, счастье, отдых и хорошее настроение.

В ноябре 2015 года аналогичный эксперимент нами проведен среди 1 800 носителей китайского языка в провинциях Хэйлунцзян, Цзилинь, Хэбэй, Чжэцзян, Фуцзянь, Внутренняя Монголия (автономный район КНР). В группе «средняя взрослость» получено по три реакции от каждого участника эксперимента, всего 1 537 конкретных ассоциативных реакций (неопределенные или отсутствующие реакции не учитывались – 263). Примечательно, что количество конкретных ассоциативных реакций у носителей китайского языка оказалось значительно большим, чем у русских. При обработке результатов сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались. Реакции китайских респондентов распределились по семантическим группам:

Ассоциаты, относящиеся к конкретному торжеству (всего 273):

Праздник весны 132, День образования КНР (государственный праздник Китая, 1 октября) 94, Рождество (25-го декабря) 22, Праздник Луны (15-го августа по лунному календарю) 11, День влюбленных в Китае (7-й день 7-го месяца по лунному календарю) 5, День святого Валентина (14 февраля – праздник влюбленных по-европейски) 4, Праздник Дуань У (5-го числа мая по лунному календарю) 3, свадьба 1, Праздник хризантем (9-е число 9-го лунного месяца, народный праздник в Китае) 1.

Конкретные ассоциаты (всего 433):

вкусная еда 117, пельмени 98, новогодний вечер на центральном телеканале 75, петарда 32, билеты на поезд 27, подарок 21, новые вещи 15, шарики 12, торговый центр 8, «красный конверт» – конверт с деньгами 7, цветы 4, караоке 3, фонарь 3, луна 2, чай 2,

«лунная лепешка» (традиционное угощение на Праздник Луны) 2, конфеты 1, семечки 1, цзунцзы (кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками в бамбуковых или других листьях, традиционно готовится на Праздник Дуань У) 1, мацзян (игра в кости) 1, деньги 1.

Абстрактные когнитивные ассоциаты (всего 333):

счастливое окружение 89, отдых 81, путешествие 56, традиция 38, шопинг 24, поздравления 12, акция или скидка 9, торжество 8, история 3, траты 3, счастье 3, сверхурочная смена 2, гармония 2, любовь 1, время 1, мир 1.

Ассоциаты, относящиеся к человеку (всего 292):

родители 154, родственники 87, друзья 32, старые одноклассники 12, гости 3, общаться с людьми 1, народ 1, вор 1, полиция 1.

Коннотативные ассоциаты (связанные с эмоциями и оценкой) (всего 77):

оживленный 24, счастливый 18, теплый 13, красный 12, прекрасный 10.

Чувственные ассоциаты (всего 129):

веселье 58, радость 47, удовольствие 21, одиночество 3.

Для современных китайских взрослых *праздник* – родители, родственники, друзья как счастливое окружение, отдых, путешествие и шопинг. Самая главная праздничная еда – пельмени, а кроме того, цвет праздника для китайцев – красный. Обращает на себя внимание упоминание актуальных проблем – траты и билеты на поезд.

У русских и у китайцев полученные ассоциаты, относящиеся к чувствам, оценке и человеку, в целом похожи. Но, естественно, в силу конкретных культурно-исторических различий у русских и китайцев существуют разные традиционные и официальные праздники. Кроме того, есть некоторые различия в традициях дарения подарков. Так, у китайцев есть обычай дарить детям и старшим членам семьи «красный конвертик» (конвертик с деньгами), что отметили несколько участников эксперимента. У русских есть похожая традиция дарения денег на день рождения или свадьбу, но ни один из русских участников эксперимента не отметил ее. Возможно, это связано с тем, что конверты для денег у русских не имеют какого-то общего оформления; а может быть, сама традиция дарения денег именно в конверте сложилась относительно недавно.

Различия проявились и в перечне праздничных блюд. Для русских праздничный стол обычно вызывает воспоминания о торте, оливье и шампанском, тогда как для китайцев обязательны пельмени, а также особые, традиционные блюда только для определенного праздника (например, 月饼 – лунный пряник; 元宵 – юаньсяо (вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой); 粽子 – цзунцзы (кушанье из клейкого риса с разнообразными начинками в бамбуковых или других листьях, традиционно готовится на праздник Дуань У) и др.). Следует отметить, китайцы очень ценят и знают свои традиционные праздники, когда обязательно надо приехать в родительский дом и встретиться со всеми родственниками и друзьями: налицо культ почтительности и уважения к старшим в семье. Китайцы очень дорожат родовой концепцией: большая семья важнее, чем своя маленькая семья. У русских – скорее, наоборот. Крылатой в современном российском обществе стала сентенция юмориста: «Если хочешь, чтобы дети встретили Новый год дома, уйди в гости». У китайцев праздников гораздо больше, чем могли назвать русские респонденты, хотя в России запрещенные в свое время народные праздники (Масленица, Пасха, Рождество и др.) в последние десятилетия активно возрождаются.

По данным, полученным от русских, можно отметить, что «ассоциаты, относящиеся к человеку» и «ассоциаты, относящиеся к конкретному торжеству», могут примыкать к группе «конкретные ассоциаты». В количественном отношении это выглядит следующим образом: 568 ассоциаций от всех полученных реакций (67 %). Эти ассоциаты составляют базовый слой концепта «праздник». Следующий слой представляет группа «чувственные ассоциаты: 169 ассоциаций (20 %). Третьим слоем является группа «абстрактные когнитивные ассоциаты», они составляют 16 %. Самый тонкий слой – группа «коннотативные ассоциаты (связанные с эмоциями и оценкой)»: всего 0,1 %.

Обратимся к данным, полученным от китайцев. Группа «конкретные ассоциаты» здесь тоже находится в базовом слое, что в количественном отношении выглядит так: 998 ассоциаций (65 %). Следующий слой представлен группой «абстрактные когнитивные ассоциаты», которая составляет 333 ассоциации (22 %). Третий слой – это группа «чувственные ассоциаты», они составляют 9 %. Самый тонкий слой – группа «коннотативные ассоциаты (связанные с эмоциями и оценкой)» – 5 %.

Результаты полученного исследования представлены графически на рисунке 1:

Ассоциаты русских Ассоциаты китайцев

Рис. 1. Результаты ассоциативного эксперимента

Таким образом, данные эксперимента свидетельствуют о наличии заметного сходства структуры концепта «праздник» у русских и китайцев, в котором основной слой представлен группой «конкретные ассоциаты». Самый тонкий верхний слой – это «коннотативные ассоциаты (связанные с эмоциями и оценкой)».

Однако группы «чувственные ассоциаты» и «абстрактные когнитивные ассоциаты» не совпадают: у русских преобладает слой «чувственные ассоциаты», а у китайцев – слой «абстрактные когнитивные ассоциаты». В этом и проявляется специфика данного концепта в сравниваемых языках и культурах. Китайцы, следуя традициям сдержанности (согласно учению Лао-Цзы), идущим из глубины веков, избегают избыточной насыщенности цветом, звуком, вкусовыми ощущениями, чувствами.

Список использованной литературы

1. Волощенко, В.Г. Аксиологический аспект изучения японского фразеологического фонда с именами живой природы [Текст] // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2010. – № 2 (26). – С. 57–61.

2. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст]. – М. : Прогресс, 1985. – 451 с.

3. Захарова, Т.В. Концепт как основная единица языковой картина мира [Текст] // Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 42–44.

4. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под. ред. В.П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 280–287.

5. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – М. : Академия, 2001. – 208 с.

6. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.

7. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] : пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М. : Прогресс : Универс, 1993. – 656 с. – (Филологи мира).

8. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2001. – 960 с.

9. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст]. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с. – 51 ил.

10. Философия [Текст] : энцикл. слов. / под. ред. А.А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.

11. Федоров, А.А. Введение в теорию и историю культуры [Текст] : слов. – М. : Флинта : МПСИ, 2005. – 464 с.

12. Шаповаленко, И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) [Текст]. – М. : Гардарики, 2004. – 349 с.

13. 夏雨语言文化论析.//外语学刊，1994年第6期，第5–9页。Ся Юй. О языке и культуре [Текст] : учеб. пособие для изучающих иностранный язык. – 1994 (6). – С. 5–9 (на китайс. яз.)

14. 新华大字典/《新华大字典》编委会编.–修订本. – 北京:商务印书馆国际有限公司，2011年8月，1200页。Большой словарь Синьхуа [Текст] / ред. коллегия «Большой словарь Синьхуа». – испр. изд. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2011. – 1200 с. (на китайс. яз.)

15. 现代汉语词典（第5版）/中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京：商务印书馆，2005年，1866页。Современный словарь китайского языка [Текст] / под ред. языковедч. исслед. ин-та при КАОН. – Пекин : Шанъуиньшугуань, 2005. – 1866 с.

16. 杨明天观念的对比分析：以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例 / 杨明天著. – 上海：上海译文出版社，2009年，372页。Ян Минтянь. Сопоставительный анализ концепта [Текст]. – Шанхай : Шанхайс. перевод. изд-во, 2009. – 370 с. (на китайс. яз.)

17. 赵爱国当前俄语语言与文化学科建设的几个理论问题[J.]。外语与外语教学，2002(6) 第53–56页。Чжао Айго. Некоторые теоретические проблемы разработки научной дисциплины современной русской литературы и языка [Текст] // Иностранный язык и обучение иностранным языкам. – 2002. – № 6. – С. 53–56 (на китайс. яз.)

18. 褚敏漫谈二十一世纪俄语语言与文化研究之新方向[J.]。中国俄语教学 2001(3) 第25–29页。Чжу Минь. Заметки о новом направлении исследования русского языка и культуры XXI века [Текст] // Преподавание русского языка в Китае. – 2001. – № 3. – С. 25–29.

References

1. Voloshenko, V.G. *Aksiologicheskiy aspekt izucheniya yaponskogo frazeologicheskogo fonda s imenami zhivoy prirody* [Axiological aspect of studying Japanese idiomatic fund with wildlife names] [Text] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and human sciences in the Far East]. – 2010. – N 2 (26). – P. 57–61 (in Russ.)

2. Gumboldt, W. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture] [Text]. – Moscow : Progress Publ.,1985. – 451 p. (in Russ.)

3. Zaharova, T.V. *Kontsept kak osnovnaya edinitsa yazykovoy kartiny mira* [Concept as the basic unit of the linguistic picture of the world] [Text] // *Filologicheskie nauki* [Philological science]. – 2012. – N 2. – P. 42–44 (in Russ.)

4. Likhachev, D.S. The Conceptual Sphere of the Russian Language [Text] // *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [Russian language arts. From theory of language arts to the structure of the text]. – Moscow : Academia Publ., 1997. – P. 280–287 (in Russ.)

5. Maslova, V.A. *Lingvokul'turologiya* [Cultural linguistics] [Text]. – Moscow : Academia Publ., 2001. – 208 p. (in Russ).

6. Popova, Z.D. *Ocherki po kognitivnoy lingvistike* [Essays in cognitive linguistics] [Text] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. – Voronezh, 2001. – 191 p. (in Russ.)

7. Sapir, E. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies] [Text]. – Moscow : Progress Publ., 1993 – 656 p. (in Russ.)

8. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern dictionary of Russian language] [Text]. – Saint Petersburg : Norint Publ., 2001. – 960 p. (in Russ.)

9. Stepanov, Y.S. Konstanty. *Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research] [Text]. – Moscow : Yaziki russkoi kultury Publ., 1997. – 824 p. (in Russ.)

10. *Filosofiya* [Text] *: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy : Encyclopedic dictionary]. – Moscow : Gardariki Publ., 2006. – 1072 p. (in Russ.)

11. Fedorov, A.A. *Vvedenie v teoriyu i istoriyu kul'tury* [Text] *: slovar* [Introduction to the theory and history of culture : Dictionary. – Moscow : Flinta : MPSI Publ., 2005. – 464 p. (in Russ.)

12. Shapovalenko, I.V. *Vozrastnaya psikhologiya (Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya)* [Age psychology (Developmental psychology and age psychology)] [Text]. – Moscow : Gardariki, 2004. – 349 p. (in Russ.)

13. Xia Yu. *Yǔyán wénhuà lùn xī* [Cultural analysis of the language] [Text] : *Wàiyǔ xué kān* [Foreign language research]. – 1994. – No. 6. – P. 5–9 (in Chin.)

14. *Xīnhuá dà zìdiǎn* [Xinhua big dictionary] [Text]. – Beijing, *Shāngwù yìn shūguǎn guójì yǒuxiàn gōngsī.* – Commercial Press International Co., Ltd. Publ., 2011. – 1200 p. (in Chin.)

15. *Xiàndài hànyǔ cídiǎn (dì 5 bǎn)* [Modern Chinese Dictionary (5th Edition)]. *Zhōngguó shèhuì kēxuéyuàn yǔyán yánjiū suǒ cídiǎn biānjí shì biān* [Text] / CASS Institute of Linguistics dictionary editing room series Publ., 2005. – 1866 p. (in Chin.)

16. Yang MingTian. *Guānniàn de duìbǐ fēnxī: Yǐ é hàn jùyǒu wénhuà yìyì de bùfèn chōuxiàng míngcí wéi lì* [Comparative analysis of the concept: partially abstract nouns in Russian and Chinese as an example of cultural significance] [Text]. – Shanghai : *Shànghǎi yìwén chūbǎn shè* [Shanghai Translation Publishing House] Publ., 2009. – 370 p. (in Chin.)

17. Zhao AiGuo. *Dāngqián èyǔ yǔyán yǔ wénhuà xuékē jiànshè de jǐ gè lǐlùn wèntí* [Several current theoretical issues of the Russian language and culture syllabus design] [Text] // *Wàiyǔ yǔ wàiyǔ jiàoxué* [Foreign language teaching] Publ. – 2002. – No. 6. – P. 53–56.

18. ZhuMin. *Màntán èrshíyī shìjì èyǔ yǔyán yǔ wénhuà yánjiū zhī xīn fāngxiàng* [Talking about the twenty-first century: a new direction in Research of the Russian language and culture] [Text] // *Zhōngguó èyǔ jiàoxué* [Chinese-Russian teaching] Publ. – 2001. – No. 3. – P. 25–29 (in Chin.)

УДК 81’42

***Чжан Цюаньфэн**, магистр (англ. яз. и лит.),*
***Ван Цзиньлин** [1], д-р филол. наук*
(Чанчуньский ун-т, Чанчунь, КНР)

Сравнительный анализ интертекстуальности русского и китайского политического дискурса (на примере выступлений глав государств РФ и КНР на заседании юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [2]

В статье исследуется дискурс выступлений Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики 28 октября 2015 года на юбилейном 70-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Проведенный авторами сравнительный анализ стратегий интертекстуальности, используемых главами обоих государств, обнаружил синхроническую и диахроническую общность в упоминании ООН, что свидетельствует о существующей уже в течение продолжительного времени общей для обеих стран позиции в отношении Организации Объединенных Наций. В то же время разница в упоминании «мира», «развития», «природной экологии», «террора», «Украины», «Ближнего Востока» свидетельствует об отличии политических стратегий, применяемых главами обоих государств. Однако в корне этого внешнего отличия лежит не что иное, как различные способы выражения глубинной общности, касающейся понятий «мир» и «развитие». Целью как китайского подхода к выбору слов в выступлении, ориентированного на интересы аудитории, так и российского, основывающегося на собственном опыте, является успешное признание и принятие аудиторией, формирование положительных интертекстуальных связей и позитивной оценки, а также создание положительного политического дискурса, ориентированного на «мирное развитие».

политическое выступление, дискурс, интертекстуальность, эмоционально окрашенная лексика, опыт

***Zhang Quanfeng**, M.A.(English and Literature),*
***Wang Jinling**, Ph.D. (Doctor of Philology)*
(Changchun University, Changchun, China)

Intertextuality in Russian and Chinese Political Discourse: a Comparative Study (based on speeches of the Russian and Chinese leaders at the 70th session of UN General Assembly)

The paper gives a comparative analysis of speeches delivered at the jubilee session of UNO General Asembly on October 28, 2015. The focal point was the use of intertextual references . The analysis revealed a synchronic and diachronic commonality of referring to UNO, which emphasizes a similarity of positions taken by the two countries concerning the United Nations Organization.

At the same time, the analysis revealed divergences in alluding to such concepts as “peace”, “development”, “natural ecological system”, “terrorism”, ”Ukraine”, “Middle East”, which testifies to dissimilarities in political strategies employed by the leaders of the two states. Yet underlying these superficial divergences are different means of expressing a profound essential commonality of viewing such concepts as “peace” and “development”. The Chinese approach to vocabulary selection takes into account the audiences’ interests and expectations, whereas the Russian approach is, to a greater extent, experience-based. But both approaches are aimed at the audience’s acknowledgment and appreciation, at establishing positive intertextual associations, at constructing a positively-charged political discourse emphasizing “peaceful development”.

political speech, discourse, intertextuality, emotional language, experience-based

---

[1] Является почетным профессором, вошедшим в План премирования лучшего ученого имени Чанбайшань провинции Цзилинь. 吉林省长白山学者奖励计划特聘教授，东北师范大学兼职博导。

[2] Статья является результатом исследования в рамках социально-гуманитарного гранта Министерства образования Китая. 本论文为教育部人文社会科学研究规划基金一般项目《基于联合国框架下国际热点问题的中西方政治讲话语篇对比研究》的阶段研究成果（项目编号：11YJAZH090）。

Перевод с китайского языка выполнен Левиной Маргаритой Вячеславовной, ведущим специалистом по учебно-методической работе Института Конфуция РГУ имени С.А. Есенина.

© Чжан Цюаньфэн, Ван Цзиньлин, 2016

1. Введение

Как отмечает политическая лингвистика, «язык характеризуется политичностью, являясь идеологическим инструментом и оказывая прямое и опосредованное влияние на политическую деятельность. В то же самое время политике свойственна лингвистичность, т.е. политические перемены неизбежно влекут за собой соответствующие перемены в языке» [3].

Возникновение теории интертекстуальности (intertextuality) [4] ознаменовало новую эпоху в области дискурсивного анализа. Как отмечал Д'Анжело [5], все существующие критические теории анализа дискурса, как, например, марксизм, феминизм, постструктурализм, постмодернизм и т.п., несмотря на различия в методах и подходах, все же единогласно подчеркивают существование связей между дискурсом и его источником или дискурсом и адресатом, или, иными словами, непосредственно интертекстуальность. Поэтому можно рассматривать введение понятия интертекстуальности как новый этап разграничения отношений между автором и адресатом. Лай Янь и Синь Бинь ранее указывали, что для читателя каждый новый текст есть не что иное, как точка пересечения бесчисленного множества уже существующих текстов, точка, в которой сходятся все имеющиеся общественные знания. Потому правильнее считать, что каждый новый текст создается не автором (писателем), а путем взаимодействия всех уже существующих текстов. При этом сам автор полагает, что интертекстуальность его работы – это осознанно использованный стилистический прием: другие тексты упоминаются намеренно, чтобы вызвать у адресата определенную реакцию [6].

В нашей работе рассматривается дискурс выступлений глав государств России и Китая на 70-м заседании Генеральной Ассамблеи ООН 28 октября 2015 года. Проанализировав использование эмоционально окрашенных слов и сочетаний, слов и сочетаний, связанных с системой убеждений и ценностей, выбор слов, отражающих имеющийся опыт и ориентированный на интересы адресата, использование параязыка и ряд других факторов, мы выявили сходства и различия в применении лидерами указанных государств интертекстуальности как стилистического приема, а также установили связи между политическим дискурсом и интертекстуальностью и выработали метод интерпретации политической интертекстуальности.

2. Анализ интертекстуальности дискурса политических выступлений

2.1. Формирование языкового корпуса

Опираясь на материалы самой крупной китайской научной базы данных CKNI, авторы провели исследование работ китайских ученых, посвященных политике, дискурсу, политическому дискурсу, интертекстуальности, политической интертекстуальности, интертекстуальности политического дискурса и т.д. (работы отбирались по релевантности тематики). Результаты исследования приведены в таблице 1.

Как следует из таблицы, среди значительного количества исследований, посвященных Китаю, список ключевых слов в 2 543-х работах включает «политику»; среди них, в свою очередь, число исследований, также охватывающих тему «дискурса», сокращается до 239; ключевое слово «интертекстуальность» встречается лишь в 102 исследованиях, а работа, одновременно посвященная «политике», «дискурсу» и «интертекстуальности», – вообще единична. Более того, полностью отсутствуют исследования интертекстуальности политического дискурса, в которых фигурируют ключевые понятия «ООН», «китайско-российский», «Путин». Этот факт свидетельствует об относительной узости работ китайских ученых, недостатке опытных исследований, связанных с созданием текстового корпуса и сравнительным анализом

---

[3] Сунь Юйхуа. Языковая политика VS. Язык политики: Теория и методология политической лингвистики // Иностранные языки и их преподавание. 2015. № 1. С. 2–3.

[4] Kristeva J. Revolution in Poetic Language [M.] / trans. M. Waller ; intro. L.S. Roudiez. N. Y. : Columbi UP, 1984. P. 60.

[5] D'Angelo F.J. The Rhetoric of Intertextuality. [J.] // Rhetoric Review. 2010. N 29 (1). P. 31–47.

[6] Лай Янь, Синь Бинь. Анализ стилистической функции интертекстуальности дискурса англоязычных новостей – критический подход // Современная стилистика. 2012. № 3. С. 25.

межтекстуальных и внутритекстуальных отношений. Именно по этой причине сравнительное исследование русского и китайского политического дискурса, посвященного наиболее актуальным международным вопросам в рамках ООН, основанное на эмпирическом анализе языкового материала, имеет неоспоримо высокую теоретическую и практическую ценность.

Таблица 1

Анализ работ китайских ученых

Направление	ООН	Российско-китайский	КНР	Россия	Си Цзиньпин	Путин
Политика, политичность	74	98	25 413	676	229	97
Дискурс	2	1	239	12	4	2
Интертекстуальность	0	0	102	6	1	0
Политика; дискурс	0	0	8	1	3	0
Политика; интертекстуальность	0	0	1	0	1	0
Политика; дискурс, интертекстуальность	0	0	1	0	1	0

2.2. Сопоставительный анализ стратегий интертекстуальности глав государств России и КНР

Роль выступлений на таких масштабных политических площадках, как ООН, подтверждают слова Р. Хасана: язык вездесущ, он необходим в повседневной жизни и еще более необходим в политике. С помощью языка создаются факты, опровергаются созданные факты, а также идущие вразрез с основными ценностными установками [7]. Некоторые китайские исследователи полагают, что основным проявлением достижения цели и необходимого эффекта политического выступления является его «принятие и признание» [8].

Первым этапом нашего исследования стала категоризация наиболее актуальных международных проблем в соответствии с тематикой выступлений глав государств в рамках 70-го заседания ООН и сбор статистических данных, касающихся стратегий интертекстуальности, примененных президентом В.В. Путиным и председателем Си Цзиньпинем в своих выступлениях. Полученные данные представлены в таблице 2:

Таблица 2

Статистические данные, касающиеся стратегий интертекстуальности, примененных Си Цзиньпинем и В.В. Путиным

Главы государств	ООН	Мир	Развитие	Терror	Демократия	Права человека	Суверенитет	Вера (религия)	Естественная экология (окружающая среда/климат)	Украина	Ближний Восток (Ислам)
Си Цзиньпин	13	12	37	0	2	0	3	0	14	0	0
В.В. Путин	25	1	2	11	2	1	3	0	7	5	23

[7] Hasan R. What kind of resource is language? / C. Cloran, D. Butt, G. Williams (eds) // Ways of saying, ways of Meaning: Selected Papers of Ruqaiya Hasan. London : Cassel, 1996.

[8] Чжан Дэлу, Сунь Шэнгуан. Система семантической идентификации и выбор языковых средств в политическом дискурсе (на примере выступления Б. Обамы) // Преподавание иностранных языков. 2015. № 1. С. 16.

Из таблицы следует, что в выступлениях обоих лидеров сравнительно часто появляется понятие «ООН»: так, Си Цзиньпин за свою почти двадцатидвухминутную речь упомянул его 12 раз, в то время как соответствующий показатель у В.В. Путина – 25 раз за двадцать три минуты тридцать девять секунд. Роджер Фаулер в своей работе «Лингвистическая критика» отмечал: «Необычно частое повторение в тексте одного и того же слова может выполнять кумулятивную функцию, создавать эффект выдвижения на первый план; при этом, когда частота употребления доходит до определенного уровня, изменение количества языковых единиц, усиление или ослабление семантических акцентов может оказать непосредственное влияние на право слова» [9]. Из этого следует, что для двух стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН – намеренное подчеркивание роли Организации Объединенных Наций на юбилейном заседании – вполне естественное явление. Суть данного акцента предельно ясна: в современном мире среди многих международных организаций именно ООН более всех представительна и универсальна. Тенденции к многополярности и глобализации также доказывают необходимость существования подобной организации, способной решать международные вопросы политическими методами [10]. Таким образом, для позиций глав государств России и КНР по отношению к ООН характерен единый, общий интертекст. Это единство является результатом отнюдь не временно сформировавшегося в данных условиях взаимосоответствия, а результатом уважительного отношения к ООН вопреки создавшемуся в настоящий момент международному положению. По собственному заявлению лидеров КНР и РФ, признание исключительной роли ООН является неизменной позицией обоих государств (табл. 3):

Таблица 3

Частота упоминания «ООН» лидерами Китая и России (Советского Союза) в своих выступлениях на 40, 50 и 60-м юбилейных заседаниях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций

Страны	(1985) 40-е заседание [11]	(1995) 50-е заседание [12]	(2005) 60-е заседание [13] [14]
Китай	32	27	26
(Советский Союз) Россия	35	17	19

В таблице для наглядного сравнения приведены статистические данные по упоминанию слова «ООН» лидерами России и Китая в диахроническом аспекте. Представленные данные отражают неизменное признание главами обоих государств исключительной исторической ответственности и роли Организации Объединенных Наций в мире – средний показатель частоты ее упоминания в выступлениях за период с 40-го по 70-е заседание составляет 24,5 раза у лидеров КНР и 24 раза у лидеров РФ (СССР). Этот факт более веско доказывает состоятельность теории Роджера Фаулера: многократное упоминание делает выражение позиции более явным, а частое упоминание в диахроническом аспекте свидетельствует о неприкосновенности и неизменном характере права слова [15]. Из таблицы 3 следует, что для позиций России и Китая, как для стран-учредительниц и постоянных членов Совета Безопасности ООН, характерно длительное, диахроническое и синхроническое интертекстуальное единство. В то же время в выступлениях глав государств РФ и КНР обнаруживается заметная разница в частоте отсылок к «миру», «развитию», «природной экологии», «террору», «Украине», «Ближнему Востоку» и т.д. (см. табл. 2).

[9] Fowler Roger. Linguistics Critics. Oxford University Press, 1996. P. 95.

[10] Изданный в КНР «Документ с изложением позиции Китая к 70-летию основания Организации Объединенных Наций». URL : http://world.people.com.cn/n/2015/0921/c1002-27612711.html

[11] URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/40/PV.48&Lang=R

[12] URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/PV.39&Lang=R

[13] URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf

[14] URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/rus050915rus.pdf

[15] См. сноску 11.

Однако такая формальная количественная разница доказывает лишь то, что политические позиции обоих государств по отношению к «миру» и «развитию» есть не что иное, как различные способы выражения единого интертекста.

Во-первых, политические убеждения лидеров Китая и России по вопросам «природной экологии» и «Украины» соответственно характеризуются однородностью, что обусловлено актуальностью последних для современных политических реалий каждой из двух стран. Так, уровень нарушения экологии окружающей среды уже достиг внутриполитического пика в КНР, – так же, как и политические разногласия между Украиной и РФ привели к снижению политической безопасности последней. Обозначенные проблемы, по своей сути, затрагивают ключевой вопрос «выживания и развития» каждого из государств.

На протяжении долгого времени КНР особенно выделяла вопрос «мира и развития» в рамках ООН; в условиях борьбы за «мир», в «мирном» положении, в период упадка глобальной экономики Си Цзиньпин упомянул о «развитии» тридцать семь раз, тем самым продемонстрировав неизменный политический курс своего государства и косвенно сославшись на популярную на Западе «теорию китайской опасности».

Предпосылкой, основой «развития» является «мир». «Мир» обнаруживает связи с упомянутым тридцать семь раз Си Цзиньпинем «развитием», а также с упомянутым двадцать восемь раз В.В. Путиным «существованием». Эти связи ликвидируют внешнее несоответствие: политику «нулевого внимания» КНР по отношению к положению дел на Украине и Ближнем Востоке нельзя считать уклонением от внешней ответственности крупного государства. Это, по своей сути, отсылка к неизменно чтимой дипломатической традиции «невмешательства во внутренние дела других государств». В то же время «нулевое выражение позиции» – не что иное, как своего рода поддержка России как крупной мировой державы.

Китайские ученые заявляют, что украинский вопрос возник по определенным историческим причинам и относится к области «бывшего СССР», то есть «является сложившимся из наследия Советского Союза, а значит и решаться должен самостоятельно, двумя братскими государствами без стороннего вмешательства» [16]. Таким образом, приведенный выше анализ статистических данных из таблицы 2 обнаруживает тесные интертекстуальные связи взаимообусловленности между выступлениями лидеров Китая и России.

Такой тип внешне различной, но глубинно единой, взаимообусловленной интертекстуальности также проявляется в отношении еще одной мировой державы – США. Выступления Си Цзиньпиня и Барака Обамы отличает то, что лидер КНР произнес свою речь непосредственно на юбилейном заседании 26 сентября 2015 года, а президент США не воспользовался этой возможностью и выступил 28 сентября на 13-м заседании Генассамблеи с докладом длительностью сорок три минуты семь секунд. Ниже представлены соответствующие статистические данные.

Таблица 4

Статистические данные стратегий интертекстуальности, примененных Б. Обамой

Глава государства	ООН	Мир	Развитие	Террор	Демократия	Вера (религия)	Естественная экология	Украина	Ближний Восток (ислам)
Б. Обама	7	13	3	6	16	5	2	8	33

Из сопоставления данных, представленных в таблицах 2 и 4, следует, что в то время как Барак Обама упомянул слово «ООН» в своем выступлении всего 7 раз, главы государств Китая и России коснулись его 13 и 25 раз соответственно. Таким образом, доклады Си Цзиньпиня и В.В. Путина не только оказались вдвое короче речи президента США, но и обнаружили гораздо более частое упоминание Организации Объединенных Наций (почти в 2 и 4 раза более высо-

[16] Лян Цян. Пути развития и последствия украинского кризиса и ответная реакция Китая // Направления украинского кризиса и его влияние на отношения крупных государств : обзор науч. симп. «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии». 2015. № 3. С. 91.

кие показатели). Подобная интертекстуальность «от обратного» (?) свидетельствует о намерении Соединенных Штатов уменьшить значение ООН. Такая контрастная тенденция прослеживается и в отношении остальных ключевых слов (анализируемых в нашей работе): Россия, безусловно, обладает большим правом слова по украинскому и ближневосточному вопросам, однако степень озабоченности ими кажется значительно более высокой именно у американского лидера («Украина» – 5 раз, «Ближний Восток» – 23 раза – В.В. Путин; «украинский вопрос» – 7 раз, «Ближний Восток» – 33 раза – Б. Обама). В результате данная интертекстуальность «от обратного» наглядно демонстрирует политические планы США по достижению собственной выгоды.

Сопоставительный анализ интертекстуальности, приведенный выше, свидетельствует об использовании главами государств России и Китая различных политических стратегий в своих выступлениях, однако сходство политических позиций в значительной мере делает интертекст политическим. Сущность интертекста никоим образом не может полностью расходиться с языковой формой выражения: несмотря на видимые, формальные, различия в своих выступлениях, значительная озабоченность лидеров КНР и РФ проблемой «мира и развития» все же обнаруживает их интертекстуальное сущностное единство.

2.3. Сопоставительный анализ оценочной стороны интертекстуальности глав государств России и Китая

При анализе политического дискурса выступлений глав государств России и Китая, учитывая такие факторы, как цели коммуникации (communicative purposes), ситуативный контекст (situational context), тональность (mode), коммуникативная площадка (field) [17], также необходимо принимать во внимание фактор сопоставимости. Исходя из этого, для сравнительного анализа особенностей и функций оценочной интертекстуальности лидеров России и Китая мы опирались на следующие прагматические факторы: продолжительность выступления, использование эмоционально-выразительных слов, использование слов, обусловленное собственным опытом и интересами адресата, использование слов ценностной и религиозной тематики [18], использование параязыка [19] [20], степень признания и т.п.

Таблица 5

Сравнительный анализ особенностей
и функций оценочной интертекстуальности лидеров России и Китая

Глава государства	Продолжительность выступления	Использование эмоционально-выразительных слов	Использование слов, обусловленное собственным опытом (конкретные прецеденты)	Использование слов, обусловленное интересами адресата	Использование параязыка
Си Цзиньпин	21’57	16	1	15	Примеров не выявлено
В.В. Путин	23’39	20	5	6	Примеров не выявлено

Из таблицы 5 следует, что показатели глав обоих государств в аспектах «продолжительность выступления» и «использование эмоционально-выразительных слов» в основном схожи. Что касается «использования параязыка», здесь данные идентичны, но идентичность

[17] Ван Хунли, Ван Фужун. Исследование структуры текста и распределения контекстов в политическом дискурсе предвыборных выступлений // Вестник Сианьского университета иностранных языков. 2014. № 6. С. 46.

[18] Чжан Дэлу, Сунь Шэньгуан. Система семантической идентификации … С. 16.

[19] Чжан Цюаньфэн. Прагматический анализ невербальных факторов в коммуникации/беседе. [J.] // Научный вестник Северо-западного национального университета. 2000. № 3. С. 209–301.

[20] Тянь Хуа. Лингвистические особенности параязыка в речи // Вестник Сианьского института иностранных языков. 2005. № 9. С. 16.

эта заключается в отсутствии примеров в обоих случаях. Следует предположить, что лидерам государств знакомы невербальные техники (параязыковые средства) и их применение не составляет труда, однако в чем же причина столь неярких докладов на фоне известного своими выразительными выступлениями президента США? В действительности выразительность параязыка – это не только вопрос выбора средств в рамках единичного выступления, но и вопрос «культурного интертекста» – выступая, главы государств обращаются не только к присутствующим непосредственно на заседании, но и, посредством СМИ, к аудитории по всему миру, в том числе к гражданам собственной страны. По этой причине интертекст образцового выступления должен соотноситься с национальной культурой. Жесткий самоконтроль, свойственный восточным народам, и торжественная суровость, характерная для славян, контрастно отличаясь от типичной для США потребности в демонстрации уверенности в себе, в то же время обнаруживают внутреннее сходство культур. Сохранение культурной идентичности на международной арене является лучшим интертекстуальным способом представить собственное государство и завоевать доверие народа. Анализ предыдущих выступлений лидеров КНР и РФ доказывает, что стиль выступлений глав государств характеризуется диахронической преемственностью. Но, что касается китайского лидера, последний его доклад был отмечен небольшими переменами: Си Цзиньпин полностью отказался от записей, на протяжении всего выступления говорил, не используя их. При этом сама речь лидера отличалась беглостью и логичностью. Можно отметить, что первое публичное выступление Си Цзиньпина в рамках ООН не только продемонстрировало харизматичность председателя КНР, выбор его стратегий обусловлен внутригосударственным и международным положением дел: антикоррупционная кампания и экономика «новых реалий» требуют роста национального единения, а в культурном сознании китайского народа образ главы государства всегда отождествлялся с образом старшего члена семьи, вызывая чувство доверия и надежности. Мировой финансовый кризис вызвал обострение этнических проблем и угрозы терроризма. И в ситуации, когда весь мир возлагает на Китай большие надежды, было крайне необходимо создать образ подготовленного, уверенного в своих силах и солидного лидера. Идеальной возможностью для оформления этого образа стало выступление на юбилейном заседании ООН – обычный, на первый взгляд, доклад смог установить разветвленную сеть интертекстуальных связей с ожиданиями самой разной аудитории.

Такой интертекстуальный эффект, ориентированный на ожидания, также может достигаться за счет стратегий выбора слов, отражающих собственный опыт или отвечающих интересам адресата (то есть описание многообещающих перспектив).

Подобное «развертывание» перспектив в речи китайского главы государства 26 сентября 2015 года заложило основу интертекстуальности выступления: так, было использовано семь лексем, ориентированных на интересы аудитории и конкретные цифры (например, «КНР»… «усилит», «усовершенствует», «оптимизирует», «укрепит», «учредит», «предоставит льготы», «проявит инициативу» и «будет гарантировать»). Таким образом КНР дает обещание развивающимся странам: «Китай учредит “Фонд помощи Юг – Юг” с первоначальным взносом два миллиарда долларов, поддержит развивающиеся государства в реализации повестки дня после 2015 года; КНР продолжит увеличивать инвестиции в страны третьего мира, объем которых к 2030 году должен возрасти до 12 миллиардов долларов; КНР погасит долги государств третьего мира, развивающихся государств, не имеющих выхода к морю и островных развивающихся государств до конца 2015 года; КНР выступает с инициативой обсуждения создания Всемирной сети энергоресурсов, пропагандируя экологически безопасный способ удовлетворения мировых потребностей в энергоресурсах; КНР намерена совместно с каждой заинтересованной стороной продолжать реализацию проекта “Один пояс, один путь”, способствуя скорейшему открытию Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития БРИКС, которые должны ускорить экономический рост в развивающихся странах» [21].

[21] URL : http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/28/PDF/N1529228.pdf?OpenElement

Стратегия ориентации на интересы аудитории в выборе слов играет значительную роль не только в самом дискурсе выступления, но и при установлении интертекстуальных связей способна более убедительно и точно передать адресату имплицитную оценку (Implicit Evaluation) [22] автора, иными словами, способна сформировать более крепкую интертекстуальную структуру между систематизированными знаниями говорящего и адресата. А формирование такой структуры означает, что аудитория может прямо или опосредованно ее «принять и признать». Для достижения этого эффекта Си Цзиньпин в своей речи 28 сентября 2015 года использовал 15 слов, обусловленных интересами аудитории.

Однако такая стратегия не всегда принимается адресатом и в определенных ситуациях может привести к прямо противоположным результатам. Именно поэтому В.В. Путин прибегнул к иному пути для удовлетворения психологических потребностей определенной аудитории: выбор слов, отражающих собственный опыт. Из таблицы 5 следует, что соотношение случаев использования данной стратегии российским и китайским лидерами составляет 5:1, и для находящихся в затруднительном положении или испытывающих глубокое чувство исторического потрясения такой подход к установлению интертекстуальных связей более эффективен. В.В. Путин начал выступление с упоминания о Ялтинской конференции. Эта историческая аллюзия сама по себе вызвала определенные воспоминания и ассоциации у жителей бывшего СССР, заставив вспомнить о прошлом и сравнить годы былого сотрудничества с современными трудностями взаимопонимания. Такая стратегия помогла президенту затронуть самые глубокие чувства своей аудитории, которая после выступления выразила докладчику свое глубокое уважение более чем десятисекундными овациями.

Таким образом, очевидно, что и «развертывание будущих перспектив», и «погружение в историю» способно установить интертекстуальные связи между автором и адресатом, а также облегчить восприятие аудиторией скрытой авторской оценки.

Однако автору при передаче своей позиции (оценки) необходимо принимать во внимание неоднородность аудитории: адресатами выступлений на такой политической площадке, как ООН, является как международная аудитория, так и соотечественники выступающего; таким образом, успешное установление интертекстуальных связей предполагает учет межкультурных факторов. Удачное выступление проявляется не только во внешней форме дискурса, но и в его интертекстуальной оценке, на которую может оказать влияние даже использование параязыковых средств, делая доклад особенно выразительным. Таким образом, можно сделать вывод относительно ключевой роли интертекстуальности в политическом выступлении.

Резюмируя все вышесказанное, в результате сопоставления стратегий интертекстуальности, применяемых главами государств РФ и КНР в своих выступлениях на заседании ООН, мы обнаружили синхроническую и диахроническую общность в упоминании ООН, что свидетельствует о существующей уже в течение продолжительного времени общей для обеих стран позиции в отношении Организации Объединенных Наций. В то же время разница в упоминании «мира», «развития», «природной экологии», «террора», «Украины», «Ближнего Востока» свидетельствует об отличии политических стратегий, применяемых главами обоих государств. Однако в корне этого внешнего отличия лежит не что иное, как различные способы выражения глубинной общности, касающейся понятий «мир» и «развитие». Целью как китайского подхода к выбору слов, ориентированного на интересы аудитории, так и российского, отражающего собственный опыт, является успешное признание и принятие аудиторией, формирование положительных интертекстуальных связей и позитивной оценки, а также создание положительного политического дискурса, ориентированного на «мирное развитие».

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Ван Хунли. Исследование структуры и распределения контекстов в политическом дискурсе предвыборных выступлений [Текст] / Ван Хунли, Ван Фужун. – [J.] // Вестник Сианьского университета ино-

[22] Partington A. Irony and Reversal of Evaluation. [J.] // Journal of Pragmatics. 2007. N 39. P. 1547–1569.

странных языков. – 2014. – № 2. – С. 46–50. 王宏利 王芙蓉, 政治竞选演讲语篇的语境配置和文本构建研究[J]. 《西安外国语大学学报》, 2014, 第2期, 第46–50页。

2. Лай Янь. Анализ стилистической функции интертекстуальности дискурса англоязычных новостей – критический подход [Текст] / Лай Янь, Синь Бинь // Современная стилистика. – 2012. – № 3. – С. 25–32. 赖彦辛斌, 英语新闻语篇互文修辞功能分析—从评价理论的视角 [J.].《当代修辞学》, 2012, 第3期, 第25–32页。

3. Лян Цян. Пути развития и последствия украинского кризиса и ответная реакция Китая [Текст] // Направления Украинского кризиса и его влияние на отношения крупных государств : обзор науч. симп. «Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии». – 2015. – № 3. – С. 91. 梁 强, 乌克兰危机的前景、影响和中国的应对– –“乌克兰危机走向及对大国关系的影响”学术研讨会综述 [J.], 《俄罗斯东欧中亚研究》, 2015, 第3期, 第89–91页。

4. Сунь Юйхуа. Языковая политика VS. Язык политики: Теория и методология политической лингвистики [Текст] // Иностранные языки и их преподавание. – 2015. – № 1. – С. 1–10. 孙玉华, 语言的政治VS.政治的语言––政治语言学的理论与方法[J.]《外语与外语教学》, 2015, 第1期, 第1–10页。

5. Тянь Хуа. Лингвистические особенности параязыка в речи [Текст] // Вестник Сианьского института иностранных языков. – 2005. – № 9. – С. 10–16. 田华，副语言在话语中的言语特性 [J.]《西安外国语学院学报》, 2005, 第9期, 第10–16页。

6. Чжан Дэлу. Система семантической идентификации и выбор языковых средств в политическом дискурсе (на примере выступления Б. Обамы) [Текст] / Чжан Дэлу, Сунь Шигуан // Преподавание иностранных языков. – 2015. – № 1. – С. 13–17. 张德禄、孙仕光, 政治演讲语篇中的认同语义系统及语言资源选择——(以奥巴马的一次演讲为例)[J.].《外语教学》, 2015, 第1期, 第13–17页。

7. Чжан Цюаньфэн. Прагматический анализ невербальных факторов в коммуникации [Текст]. – [J.] // Научный вестник Северо-западного национального университета. – 2000. – № 3. – С. 299–301. 张全峰. 会话活动中非言语因素的语用分析[J.].《西南民族大学学报》, 2005, 第3期, 第299–301页。

8. Чжан Шипу. Анализ стилистических особенностей выступлений президента США Барака Обамы [Текст]. – [D.] : Столич. пед. ун-т, 2009. 张世璞, 对美国总统奥巴马演讲的文体特征分析[D.], 首都师范大学, 2009.

9. D’Angelo, F.J. The Rhetoric of Intertextuality [Text]. – [J.] // Rhetoric Review. – 2010. – N 29 (1). – P. 31–47.

10. Fowler, R. Linguistics Critics [Text]. – [M.] : Oxford University Press, 1996.

11. Hasan, R. What kind of resource is language? [Text] / C. Cloran, D. Butt, G. Williams (eds) // Ways of saying, ways of Meaning: Selected Papers of Ruqaiya Hasan. – London : Cassell, 1996.

12. Kristeva, J. Revolution in Poetic Language [Text]. – [M.] / trans. M. Waller ; intro. L.S. Roudiez. – N. Y. : Columbi UP, 1984.

13. Partington, A. Irony and Reversal of Evaluation [Text]. – [J.] // Journal of Pragmatics. – 2007. – N 39. – P. 1547–1569.

14. URL : http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/64/PDF/N1529264.pdf?OpenElement

15. URL : http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/67/PDF/N1529267.pdf?OpenElement

16. URL : http://world.people.com.cn/n/2015/0921/c1002-27612711.html

17. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/40/PV.48&Lang=R

18. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/PV.39&Lang=R

19. URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf

20. URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/rus050915rus.pdf

21. URL : http://war.163.com/15/0928/11/B4JK7J5100014OMD.html

22. URL : http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/28/PDF/N1529228.pdf?OpenElement

References

1. D’Angelo, F.J. The Rhetoric of Intertextuality [Text] // *Rhetoric Review*. – 2010. – N 29 (1). – P. 31–47.

2. Fowler, R. *Linguistic Criticism* [Text]. – Oxford University Press, 1996. – 190 p.

3. Hasan R. What kind of resource is language? [Text] / C. Cloran, D. Butt, G. Williams (eds.) // *Ways of Saying, Ways of Meaning*: Selected Papers of Ruqaiya Hasan. – London : Cassell, 1996. – 248 p.

4. Kristeva, J. *Revolution in Poetic Language* [Text]. – [M.] / trans. M. Waller ; intro. L.S. Roudiez. – N. Y. : Columbi UP,1984.

5. Lai Yan. Analysis of the Stylistic Function of Intertextual Discourse in English News Items: A Critical Approach [Text] / Lai Yan, Xin Bin // *Modern Stylistics*. – 2012. – N 3. – P. 25–32.

6. Liang Qiang. Development of the Ukrainian Crisis, its Consequences and the Response of China [Text] // *A review of the Research Symposium "Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia*". – 2015. – N 3. – P. 89–91.

7. Partington, A. Irony and Reversal of Evaluation [Text]. – [J.] // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – N 39. – P. 1547–1569.

8. Sun Yuhua. Language Policy vs. The Language of Politics – The Theory and Methodology of Political Linguistics [Text] // *Foreign languages and Language Teaching*. – 2015. – N 1. – P. 1–10. (in Chin.)

9. Tian Hua. Linguistic Peculiarities of Paralanguage in Speech [Text] // *Herald of Xi'an Foreign Languages University*. – 2005. – N 9. – P. 10–16 (in Chin.)

10. Wang Hongli. A Study of the Structure and Distribution of Contexts in Pre-Election Political Discourse [Text] / Wang Hongli, Wang Furong // *Herald of Xi'an Foreign Languages University*. – 2014. – N 2. – P. 46–50 (in Chin.)

11. Zhang Delu. The System of Semantic Identification and the Choice of Languistic Means in Political Discourse – with examples drawn from the speech of B. Obama [Text] / Zhang Delu, Sun Shengguang // *Teaching Foreign Languages*. – 2015. – N 1. – P. 16 (in Chin.)

12. Zhang Quanfeng. A Pragmatic Analysis of Non-Verbal factors in Communication [Text] // *Research Herald of North-Western National University*. – 2005. – N 3. – P. 209–301 (in Chin.)

13. Zhang Shipu. *Analysis of the Stylistic Features of the U.S.A President Barack Obama's Speeches* [Text] : Dissertation. – Beijing : Metropolitan Pedagogical University, 2009 (in Chin.)

14. URL : http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/64/PDF/N1529264.pdf?OpenElement

15. URL : http://daccessddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/67/PDF/N1529267.pdf?OpenElement

16. URL : http://world.people.com.cn/n/2015/0921/c1002-27612711.html

17. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/40/PV.48&Lang=R

18. URL : http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/50/PV.39&Lang=R

19. URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/china050915eng.pdf

20. URL : http://www.un.org/webcast/summit2005/statements15/rus050915rus.pdf

21. URL : http://war.163.com/15/0928/11/B4JK7J5100014OMD.html

22. URL : http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/292/28/PDF/N1529228.pdf?OpenElement

УДК 81.42

***Чжэн Гуанцзе**, канд. филол. наук*
(Цзянсуский пед. ун-т, Сюйчжоу, КНР)

Лексические средства создания антиутопического мира в романе Д. Глуховского «Метро 2033»

Выбор объекта исследования обусловлен тем фактом, что роман Д. Глуховского стал точкой отсчета для более 60 произведений различных авторов, составляющих вместе литературный проект «Вселенная Метро 2033». Данная статья впервые исследует реализацию замысла автора с точки зрения анализа лексического состава романа. Выявлено, что лексика является стилистическим средством, которое помогает автору конструировать постапокалиптический мир, сочетающий черты реального и нереального и поэтому выглядящий более подлинным, натуральным. Наиболее важными в этом отношении стали слова, обозначающие внутренние и внешние угрозы, военная лексика, слова, связанные с метрополитеном, наименования обыденных предметов и действий, лексика отрицательной коннотации, контраст разговорной и книжной лексики.

Дмитрий Глуховский, Метро 2033, антиутопия, постапокалипсис, лексика, разговорная лексика, книжная лексика, вульгаризмы, термины

***Zheng Guangjie**, Ph.D. (Philology), Associate Professor*
(Jiangsu Normal University, Xuzhou, China)

Lexical Means of Creating an Anti-Utopian World in Glukhovski ‘s Novel “Metro 2033”

Analysis of D. Gluhovsly’s novel is prompted by the position it occupies in the history of 21st century Russian anti-utopian fiction. The novel has set in motion an avalanche of antiutopian fiction, with the total project (a book series) named, after D. Gluhovsky’s book, “The Universe of Metro 2033”. We proceed from the assumption that no small part of the influence it exercises on the author’s followers (in Russia and other countries) is due to the selection and arrangement of vocabulary responsible for the system of imagery. The article provides analysis of the lexical structure of the novel. It was found that the vocabulary as an interplay of stylistic tools helps the author to design a post-apocalyptic world that combines features of real and unreal, and therefore looking more authentic. Most important in this regard were the words denoting the internal and external threats, military vocabulary, words associated with the underground, the names of everyday objects and actions, negatively-charged vocabulary items and their restriction to definite communicative situations, connotations of vocabulary, juxtaposition of colloquial and bookish vocabulary.

Dmitry Glukhovsky, Metro 2033, dystopia, post-apocalypse, vocabulary, colloquial lexicon, book vocabulary, vulgarisms, terms

Современная художественная литература представлена разнообразными формами и жанрами. В литературе, ориентированной на молодежь, появились новые явления, например, такие, как проект, в том числе сетевой литературный проект. Последний заключается в том, что значительное количество обычно не связанных друг с другом авторов начинают писать произведения (рассказы, повести, романы) в рамках одного «мира», то есть в рамках сконструированной одним из их предшественников вымышленной реальности. Наиболее популярными как среди авторов, так и среди читателей стали проекты «Сталкер» и «Вселенная Метро 2033».

Основа, начало, отправная точка второго из названных направлений – это роман Дмитрия Глуховского «Метро 2033», написанный в 2005 году. Постапокалиптический по жанру, он повествует о путешествии главного героя, Артёма, по системе московского метро созданного Д. Глуховским постапокалиптического мира. По сюжету романа после применения в 2013 году

© Чжэн Гуанцзе, 2016

оружия массового уничтожения Москва лежит в руинах, а выжившие укрылись в метро, где пытаются спастись от радиации, наземных и подземных монстров и, конечно, чудовищ в обличии человека. Мир, созданный автором, оказался настолько привлекательным, что на данный момент издано и продолжает издаваться ежемесячно на различных языках более шестидесяти книг, продолжающих замысел Д. Глуховского и составляющих вместе литературный проект «Вселенная Метро 2033» [1]. Столь активное внимание к новому направлению демонстрирует, что роман Д. Глуховского заслуживает внимательного изучения с литературоведческих, лингвистических, психологических и других позиций.

Мы проанализируем язык и стиль романа Д. Глуховского «Метро 2033» с точки зрения лексических средств, использованных автором для создания антиутопического мира. Роман уже начал изучаться исследователями, правда, пока только с литературоведческих позиций. А.В. Григоровская обращает внимание на реализацию в структуре романа функций волшебной сказки [2], а также на фольклорные мотивы пути-дороги и магического бегства [3]. Она также отмечает в романе сказочные мотивы «переправы, тридесятого царства, гиблого места, таинственного леса, которые тесно переплетаются с литературным лейтмотивом пути» [4]. Н. Ловицкий рассматривает хронотоп романа, заявляя, что способ создания в нем единства времени, места и действия уникален, для них характерны замкнутость, цикличность, кольцевая концепция, противостояние центра и периферии [5]. М.В. Загидуллина анализирует национальное своеобразие постапокалиптических произведений, созданных в рамках различных культур [6]. Однако, несмотря на появление в науке интереса к роману «Метро 2033», его язык вообще и его лексические особенности в частности еще не становились предметом исследования.

Цель статьи – рассмотреть, с помощью каких лексических средств языка Д. Глуховский конструирует постапокалиптический, антиутопический мир в романе «Метро 2033».

Лексика составляет основу языка, представляет собой наиболее явный и показательный компонент системы языка. Ее многообразие определяет художественную ценность произведения. Именно на лексику обращает в первую очередь внимание читатель, именно благодаря словесной ткани произведения читатель оценивает его в таких показателях, как интересно/неинтересно, понятно/непонятно, захватывающе/скучно», страшно/нестрашно и т.п. В художественном тексте лексика выполняет особую роль: служит реализации замысла автора, помогает писателю в создании художественного мира его произведения, что особенно важно для произведения постапокалиптического жанра, мир которого совмещает в себе реальное и нереальное. Вымысел автора будет успешным и окажет влияние на читателя только в том случае, если ему удастся найти идеальное соотношение фактологической и фантастической составляющих лексического строя произведения.

Для изображения угроз, которые связаны с миром, окружающим метро, автор использует такие лексические единицы, как *черные, проклятые нелюди, дрянь, твари, «приезжие»* и др. Угрозы внутренние, которыми также полна жизнь метро и которые не менее опасны и при этом более очевидны, Д. Глуховский называет словами *отребье, анархисты, сброд, шарлатаны, ворюги, мутанты, сектанты, сатанисты, коммунисты, фашисты* и др.

---

[1] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вселенная_Метро_2033# (дата обращения: 12.04.2015).

[2] Григоровская А.В. Реализация функций волшебной сказки в структуре антиутопий Д. Глуховского «Метро 2033» и Д. Быкова «ЖД» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011а. № 2. С. 82–91.

[3] Григоровская А.В. Фольклорные мотивы пути-дороги и магического бегства в структуре антиутопий Д. Глуховского «Метро 2033» и Д. Быкова «ЖД» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011б. № 3. С. 227–234.

[4] Там же. С. 84.

[5] Ловицкий Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 117–118.

[6] Загидуллина М.В. Национальное своеобразие современных апокалиптических представлений (на примере жанра postnuclear в современной литературе и кино) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : материалы междунар. науч. конф. / под ред. В.Г. Будыкиной. Челябинск : Энциклопедия, 2013. С. 194–196.

Окказиональное субстантивированное прилагательное *черные* обозначает самую страшную опасность, о которой постоянно говорят жители метро: *«Может, это **черные** подбираются!»*. Данное новообразование употребляется чаще всего во множественном числе, что символизирует значительность враждебной человеку силы: *«А потом, если бы это **черные** были, так разве они хоть раз вот так убежали? Вы же сами знаете, Пётр Андреич, – все последние разы **черные** сразу вперед бросались – и на дозор нападали с голыми руками, и на пулемет шли в полный рост»*. В ряде случаев автор употребляет в тексте слово *черные* в виде прилагательного, и в такой морфологической роли оно вступает в ассоциативные отношения с производным существительным *черные*. Создается даже некая языковая игра на базе данных функциональных омонимов: *«Но **черные** не останавливаются, не пригибаются, они в полный рост, не сбиваясь с шага, также мерно и спокойно идут вперед <…> Впиваются в **черные** тела пули, и жжет широко открытые глаза прожектор, но они все так же мерно идут вперед»*. Аналогично по образованию субстантивированное прилагательное «приезжий», однако используется оно гораздо реже и пишется в кавычках, так как с его помощью именуется опасность, угрожающая не всему миру метро, а лишь одной станции: *«Пару раз "приезжие", что посильнее были, этот кордон сметали»*, а на других станциях его не знают. И данное наименование Д. Глуховский обыгрывает, описывая ситуацию, когда Артём покинул пределы этой станции: *«Приезжий? Впервые у нас? От слова "приезжий" Артёма передернуло, но, справившись с собой, он кивнул»*.

Существительные, именующие грозящие обитателям метро опасности, определяются у Д. Глуховского прилагательными, призванными еще более подчеркнуть серьезность угрозы и страх перед нею обитателей мира «Метро 2033»: *«Крысы, **огромные серые мокрые** крысы, хлынули однажды безо всякого предупреждения, из одного из **темных** боковых тунелей», «Артёму чудились застывшие в слепящем луче **зловещие фантастические** силуэты»*. При этом текст не выглядит перенасыщенным эпитетами, так как они призваны лишь передать чувство страха перед окружающим людей враждебным миром.

Придать черты реальности описанию постапокалиптического мира автору помогают наименования бытовых предметов и действий: *«Пётр Андреич встал сам, налил в битый и закопченный чайник воды из канистры и повесил его над огнем»*. Ужас описываемого мира сочетается с бытовыми деталями, подробностями, и с первых же страниц романа у читателя появляется двойственное чувство: вместо ожидаемых кровавых описаний (они тоже присутствуют, хотя и в меньшей мере) перед ним предстает повествование об обыденной жизни, рутине. Читатель чувствует родство с жителями метро: для него рутина – это походы на работу, ежедневные бытовые ритуалы, а для жителей подземки – нашествия монстров, мутации, жизнь в окружении опасностей и неизвестностей. Но это все равно рутина, демонстрирующая единство и неизменность человеческого восприятия действительности.

Военные термины призваны подчеркнуть военную атмосферу, в которой живут спрятавшиеся в метро люди. Для них, окруженных постоянной опасностью, наличие охраны, военных подразделений и оружия – жизненная необходимость. В данной лексике выделяются наименования людей, в том числе собирательные существительные (*лазутчики, разведчики, разведгруппа, отряд, патруль, командир, дозорный, пограничник*), названия оружия и его частей (*пулемет, автомат, гранатомет, затвор, патроны*), обозначения укреплений и охранных пунктов (*кордон, застава, блокпост*), отвлеченные существительные (*приказ, оборона*), лексика, обозначающая различное военное снаряжение (*камуфляжные штаны*) и другие лексические группы. Как видим, это простые слова, находящиеся по употреблению на границе термина и разговорного слова. Автору с их помощью удается передать мысль о том, что в мире постапокалипсиса охраной и защитой простых людей занимаются не профессиональные военные, а такие же простые люди, использующие в речи минимум военных слов, необходимых для организации обороны. В этой связи у читателя появляется еще одно мнение: военные меры стали для обитателей метро элементом их

обыденной жизни, стали привычными, будничными, прочно вошли в систему нового уклада человеческого существования.

Важной частью лексического состава романа не могла не стать лексика, связанная с метро. Это в первую очередь названия станций, помогающие читателям наглядно представить мир метро и словно воочию увидеть маршрут путешествия главного героя (*Алексеевская, Павелецкая, Рижская, Новокузнецкая, Проспект Мира, ВДНХ*), наименования различного оборудования (*дрезина, кабель, пути*) и реалий, связанных с устройством метро, где вынуждены обитать персонажи романа (*платформа, туннель, тупик, линия, ветка, поезд, переход, эскалатор, перегон*) и т.п. Хотя подземная дорога не функционирует, остаются актуальными наименования должностей, например *начальник станции*. Лексика, имеющая отношение к системе метро, символизирует собой сам мир созданной Д. Глуховским антиутопии. Подземка – прибежище для выживших после ядерной катастрофы, однако из части жизни, как это было до апокалипсиса, метро стало самой жизнью.

В репликах жителей метрополитена, в многочисленных диалогах представлена стихия устной разговорной речи со свойственной ей лексикой и грамматикой: *«В общем, так их и не дождались, послали усиленный дозор их искать, ну те их искали-искали, кричали-кричали, но все зря. Нету. Пропали. И ладно еще, что никто не видел, что с ними случилось. Плохо ведь что – слышно ничего не было… Ни звука. И следов никаких»*. Краткие, парцеллированные предложения вкупе с разговорными лексическими единицами помогают автору передать основное настроение говорящих – ощущение опасности, страх, желание поделиться с близкими и не очень близкими людьми своими переживаниями, разделить с ними чувство опасности и ощутить рядом с ними хоть какую-то уверенность, защищенность.

В этой массе разговорной лексики несколько неожиданно выглядят и вступают с нею в контраст книжные слова и выражения «из прошлой жизни»: *кунсткамера, доктрина, метрополитен, параноидальная сущность, ностальгия, препарировать чудо холодным скальпелем рацио* и др. Встречается книжная лексика либо в словах автора, либо в передаваемых как косвенная речь размышлениях главного героя, Артёма. В изображаемом Д. Глуховским мире нет стабильной системы образования, его первые жители постепенно утрачивают (у кого были) навыки интеллигентной речи, а детям, молодежи даются в основном только те знания, которые необходимы для выживания. Поэтому книжная лексика на первый взгляд может показаться чуждым, случайным элементом в стилистической системе романа. Однако постепенно мы узнаем, что многие жители метро, в том числе Артём, любят читать и ценят книги, ставшие настоящей редкостью и большой ценностью в новом подземном мире, как и свет, который позволяет их читать: «*На ВДНХ время было скорее чем-то символическим, как книги, как попытки сделать школу для детей – в знак того, что жители станции продолжают бороться, что они не хотят опускаться, что они остаются людьми»*. Книжные слова в романе – отголоски былых знаний, еще не утраченных людьми нового мира.

Как видим, автор чаще использует уже имеющиеся в языке единицы, чем конструирует новые. Например, актуальными в постапокалиптическом мире Д. Глуховского стали профессии *челнок, сталкер*. Окказиональных употреблений в романе немного, но тем ярче они выглядят, – например, текстуальная семантика слова *черные*. Как нам кажется, «буйства» окказионализмов автор дает вполне реалистично: вряд ли люди, оказавшиеся в условиях крушения цивилизации, стали бы активно придумывать новые слова. Сберечь бы те, которые уже есть в языке…

Интересно, что в романе практически не используются диминутивы, то есть уменьшительные оценочные существительные и прилагательные. Исследователи отмечают, что в текстах современной фантастики они наблюдаются часто, причем «с разнообразными стилистическими целями: для описания природы и животных; для создания образов женщин и детей, для точного и яркого описания внешности героев, с различными юмористическими и сатирическими целями и т.п. С помощью оценочных существительных авторами передает-

ся богатая гамма эмоций: ласка, волнение, сочувствие, издевка, язвительность»[7]. Однако постапокалиптическая литература занимает особое место в ряду произведений фантастических жанров. Автору для изображения темного и страшного мира после падения человеческой цивилизации диминутивы не требуются, нужна совсем иная лексика.

В частности, востребованной оказалась лексика отрицательной коннотации. С ее помощью изображаются действия жителей метро по отношению к другим людям (*вышвыривают*), оценка их слов и поступков (*гонят, оборзел*). Это могут быть вульгаризмы самой разной степени грубости (*дурак, мурло, мразь*). Однако таких слов гораздо меньше, чем могло бы быть, и встречаются они в основном в бранных репликах не самых симпатичных и не главных героев: *«Проваливай отсюда, слышь, ты,* ***мурло****?!»*. Лексика с негативной оценкой вносит вполне реалистичную нотку в разнообразное стилистическое пространство романа.

Подведем итоги. Лексический состав романа Д. Глуховского «Метро 2033» является стилистическим средством, помогающим автору конструировать постапокалиптический мир. Наиболее важными в этом отношении стали слова, обозначающие внутренние и внешние угрозы, военная лексика, слова, связанные с метрополитеном, наименования обыденных предметов и действий, лексика отрицательной коннотации, разговорная и книжная лексика. Лексика помогает писателю передать совмещение в изображаемой им фантастической действительности реального и нереального, что делает мир «Метро 2033» более подлинным, натуральным.

Список использованной литературы и электронных ресурсов

1. Григоровская, А.В. Реализация функций волшебной сказки в структуре антиутопий Д. Глуховского «Метро 2033» и Д. Быкова «ЖД» [Текст] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011а. – № 2. – С. 82–91.

2. Григоровская, А.В. Фольклорные мотивы пути-дороги и магического бегства в структуре антиутопий Д. Глуховского «Метро 2033» и Д. Быкова «ЖД» [Текст]// Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2011б. – № 3. – С. 227–234.

3. Загидуллина, М.В. Национальное своеобразие современных апокалиптических представлений (на примере жанра postnuclear в современной литературе и кино) [Текст] // Судьбы национальных культур в условиях глобализации : материалы междунар. науч. конф. / под ред. В.Г. Будыкиной. – Челябинск : Энциклопедия, 2013. – С. 194–196.

4. Ловицкий, Н. Хронотоп романа Д. Глуховского «Метро 2033» [Текст] // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-2. – С. 117–118.

5. Крылова, М.Н. Особенности употребления оценочных существительных в современной фантастике [Текст] // Перспективы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 190–194.

6. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Вселенная_Метро_2033# (дата обращения: 12.04.2015).

Список проанализированных источников

1. Глуховский, Д.А. Метро 2033 [Текст] : роман. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 506 с.

Интернет-ресурсы

1. Вселенная метро 2033 [Электронный ресурс] // Википедия : [сайт]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Вселенная_Метро_2033# (дата обращения:12.04.2015).

[7] Крылова М.Н. Особенности употребления оценочных существительных в современной фантастике // Перспективы науки и образования. 2013. № 5. С. 190.

References

1. Grigorovskiy, A.V. Realization of the Functions of a Fairy Tale in the Structure of D. Glukhovski's Dystopia "Metro 2033" and Dmitry Bykov's "Train" [Text] // *Vestnik Irkutsrogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. – 2011a. – N 2. – P. 82–91 (in Russ.)

2. Grigorovskiy, A.V. Folklore Motifs of the Roadway and Magical Escape in the Structure of D. Glukhovski's Dystopia "Metro 2033" and Dmitry Bykov's "HDD" [Text] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University]. – 2011b. – N 3. – P. 227–234 (in Russ.)

3. Zagidullina, M.V. National Originality of Modern Apocalyptic Ideas (illustrated by the "postnuclear" genre in modern literature and cinema) [Text] // *Sud'by natsional'nykh kul'tur v usloviyakh globalizatsii* [The Fate of National Cultures in the Context of Globalization] : Materials of Intern. scientific. conf. / edited by V.G. Budykina. – Chelyabinsk : Encyclopedia, – 2013. – P. 194–196 (in Russ.)

4. Lovitskiy, N. Glukhovskie's Chronotope Novel "Metro 2033" [Text] // *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. – 2014. – N 6-2. – P. 117–118 (in Russ.)

5. Krylova, M.N. Peculiarities of Using Evaluative Nouns in Modern Speculative Fiction [Text] // *Perspectivy nauki i obrazovaniya* [Prospects of science and education]. – 2013. – N 5. – P. 190–194 (in Russ.)

6. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Vselennaya Metro_2033# [The Universe of metro 2033] (date of access: 12.04.2015).

Сведения об авторах

Бай Цзин – профессор факультета японского языка Института иностранных языков Чанчуньского университета. Почтовый адрес: 130022, г. Чанчунь, ул. Вэйсинлу, д. 6543. Тел.: 1359-606-98-21. Электронный адрес: baobao2mama@163.com

Ван Цзиньлин – доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков Чанчуньского университета, почетный профессор, удостоенный премии «Чанбайшань» как лучший ученый провинции Цзилинь. Почтовый адрес: 130022, г. Чанчунь, ул. Вэйсинлу, д. 6543. Тел.: 1357-874-05-75. Электронный адрес: elizaveta@163.com

Гриднева Юлия Юрьевна – старший преподаватель кафедры германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 28-13-14. Электронный адрес: yu.gridneva@rsu.edu.ru

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-25; 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: a.golodoff@mail.ru

Кожетьева Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-25. Электронный адрес: g.bezruchko@rsu.edu.ru

Колкер Яков Моисеевич – кандидат педагогических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, почетный работник высшего профессионального образования (РФ), член Союза российских писателей (отделение перевода – поэзия). Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, комн. 39. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: ya.kolker@rsu.edu.ru

Логинова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры германских языков и методики их преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.loginova@rsu.edu.ru

Марьяновская Елена Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры и заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор Института иностранных языков, директор НОП «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел. (раб.): 8 (4912) 21-57-23. Электронный адрес: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Полатовская Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, преподаватель Регионального методического центра дополнительного профессионального образования, Сургутский государственный университет. Почтовый адрес: 628400, Тюменская область, г. Сургут, проспект Ленина, д. 1. Тел.: 8 922 658-15-15. Электронный адрес: ospolatovskaya@mail.ru

Степанов Валентин Николаевич – профессор, доктор филологических наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций, вице-президент Международной академии бизнеса и новых технологий (МУБиНТ). Почтовый адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80, каб. 316. Тел.: +7 (4852) 73-90-97 (офис). Электронный адрес: stepanov@mubint.ru

Фатеева Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Почтовый адрес: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. Тел.: 8 (4912) 28-13-14. Электронный адрес: n.matveeva@rsu.edu.ru

Фэн Юй – аспирант кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета. Почтовый адрес: 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104. Тел.: 8 (914) 569-13-99. Электронный адрес: lera.feng@mail.ru

Чжан Цюаньфэн – магистр английского языка и литературы, старший преподаватель Института иностранных языков Чанчуньского университета. Почтовый адрес: 130022, г. Чанчунь, Вэйсинлу, д. 6543. Тел.: 1308-912-54-90. Электронный адрес: 178359349@qq.com

Чжэн Гуанцзе – кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Института иностранных языков Цзянсуского педагогического университета. Почтовый адрес: Китай, провинция Цзянсу, 221116, г. СюйЧжоу, ул. Шанхайская д. 101. Тел.: (86) 1537-160-53-63. Электронный адрес: ouliya0920@hotmail.com

Ю Цзюньин – доцент факультета иностранных языков Миньцзянского университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Фуцзянь, г. Фучжоу, округ Миньхоу, г. Шанцзе-таун, шоссе Веньсянь, д. 1, факультет иностранных языков Миньцзянского университета, Тел.: 1365-504-23-19. Электронный адрес: jean606@qq.com

Юэ Фэн – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Фуцзяньского Нормального университета. Почтовый адрес: КНР, провинция Фуцзянь, Цаншаньский район города Фучжоу, Фуцзяньский нормальный университет, ИИЯ. Тел.: 1396-077-71-62. Электронный адрес: yuefengbei@163.com

List of Authors

Bai Jing – Professor, Japanese Languages Dpt., Institute of Foreign Languages, Changchun University. Postal address: 6543 Weixing Lu, Changchun, 130022, China. Tel.: 1359-606-98-21. E-mail: baobao2mama@163.com

Fateeva, Natalia – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8 910 645-59-22. E-mail: n.matveeva@rsu.edu.ru

Feng Yu – Postgraduate Student of History and Philology Faculty, Blagoveshchensk State Pedagogical University. Postal address: 675000, Blagoveshchensk, 104, Lenin Street. Tel.: 8 (914) 569-13-99. E-mail: lera.feng@mail.ru

Gridneva, Yulia – Senior Lecturer, Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, RSU named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: (4912) 28-13-14. E-mail: yu.gridneva@rsu.edu.ru

Golodov, Alexander – Ph.D., Doctor of Philology, Professor of the Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., Ryazan State University, 390000, Ryazan, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-25. E-mail: a.golodoff@mail.ru

Kozhetyeva, Tatiana – Ph.D. (Philology), Professor of the Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: 8 (4912) 21-57-25. E-mail: g.bezruchko@rsu.ryazan.ru

Kolker, Jacob – Ph.D. (Language Teaching methodology), Professor of Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin, Merited Educator of Tertiary Education of the Russian Federation, Member of the Professional Organization "Union of Russian Writers" (poetry). Postal address: 46 Svobody St., room 39, Ryazan, 390000, Russia. Tel.: 8 (4912) 21-57-23. E-mail: ya.kolker@rsu.edu.ru

Loginova, Elena – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher at the Dpt. of Germanic Languages and Language Teaching Methodology, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46 Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: 8 (4912) 21-57-23. E-mail: e.loginova@rsu.edu.ru

Maryanovskaya, Elena – Ph.D. (Language Teaching Methodology), Director of the Institute of Foreign languages, Associate professor and Head of the Dpt. of Linguistics and Intercultural Communication, Co-Head of Confucius Institute at Ryazan State University named for S.A. Esenin. Postal address: 46, Svobody St., 390000, Ryazan, Russia. Office tel.: 8 (4912) 21-57-23. E-mail: e.maryanovskaya@rsu.edu.ru

Polatovskaya, Olga – Ph.D. (Philology), lecturer, Regional Center for Supplementary Professional Eduation, Surgut State University. Postal address: 1, Prospekt Lenina, Surgut, Tyumen' Region, 628400, Russia. Tel.: 8 922 658-15-15. E-mail: ospolatovskaya@mail.ru

Stepanov, Valentin – Ph.D., Doctor of Philology, Professor, Head of Dpt. of Mass Communication and Sociocultural Service, International University of Business and New Technologies (MUBiNT). Postal address: 80 Sovetskaya St., Office 116, 150003, Yaroslavl, Russia. Tel.: +7 (4852) 25-66-76. Fax: +7 (4852) 32-09-62. E-mail: stepanov@mubint.ru

***Zhang Quanfeng* –** M.A. (English Language and Literature), Senior Lecturer, English Language Dpt., Institute of Foreign Languages, Changchun University. Postal address: 6543, Road, Changchun, 130022, Jiling Province, China. Tel.: 1308-912-54-90. E-mail: 178359349@qq.com

Zheng Guangjie – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Jiāngsū Pedagogical University. Postal address: 101, Shanghai St., Xuzhou, 221116, Jiāngsū Province, China. Tel.: (86) 1537-160-53-63. E-mail: ouliya0920@hotmail.com

Wang Jinling – Ph.D. (Doctor of Philology), Professor, Director of the Foreign Languages College, Changchun University; holder of "Changbaishan" award (Best Scholarof Jilin Province). Postal address: 6543, Weixing Road, Changchun, 130022, China. Tel.: 1357-874-05-75. E-mail: elizaveta@163.com

Yu Junying – M.A., Associate Professor. Dpt. of Foreign Languages, Minjiang University, Fuzhou, Fujian, China. Postal address: College of Foreign Languages, Fujian Normal University, Cangshan District, Fuzhou City, Fujian Province, P.R. China. Tel.: 1365-504-23-19. E-mail: jean606@qq.com

Yue Feng – Ph.D., Professor, of Foreign Languages, Fujian Normal University, Fuzhou, Fujian, China. Postal address: College of Foreign Languages, Fujian Normal University, Cangshan District, Fuzhou City, 350007, Fujian Province, P.R. China. Tel.: 1396-077-71-62. E-mail: yuefengbei@163.com

Требования к публикациям
и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года. С 2009 года его периодичность – один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 23 ноября 2012 года. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-51731.

Подписной индекс журнала – № 36852 в каталоге «Роспечать».

Журналу присвоен международный индекс ISSN 2072–7607.

С 01.12.2015 г. журнал **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (по филологии, то есть языкознанию и литературоведению).

Индекс 13.00.02 журналу в 2016 году не приписан. Однако журнал, следуя своим традициям, принимает и статьи по методике преподавания иностранных языков при наличии в них серьезной лингвистической составляющей.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей,
публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

Индекс	Название специальностей	Науки
10.02.20	Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	Филологические
10.02.19	Теория языка	Филологические
10.02.04	Германские языки	Филологические
10.02.05	Романские языки	Филологические
10.02.22	Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (с указанием конкретного языка или языковой семьи)	Филологические
10.01.08	Теория литературы. Текстология	Филологические
10.01.03	Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)	Филологические
10.02.01	Русский язык *	Филологические
10.02.21	Прикладная и математическая лингвистика	Филологические

* Русский язык рассматривается либо как иностранный, либо как материал для сопоставительного исследования.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках: немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакция принимает к публикации материалы по теме основных рубрик журнала. Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. Редакционный совет журнала принимает статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами их могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Стоимость одной страницы публикации (шрифт 14 Times New Roman, 1,5 интервала) в 2016 году составляет 400 рублей. Для очных аспирантов публикация бесплатна.

6. Основанием для включения статьи в состав журнала «Иностранные языки в высшей школе» является получение положительной рецензии на статью от признанных ученых в данной области научных знаний.

7. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@rsu.edu.ru (с копией по адресам e.ustinova.rsu@gmail.com и ya.kolker@rsu.edu.ru). Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение, в формате, воспроизводящем подпись и печать.

Длина статьи, с учетом информативности текста, может варьироваться от 6–7 до 20–24 страниц в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman. Редакционный совет оставляет за собой право делать сокращения в статье (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

Статья сопровождается аннотацией (примерно 150–200 слов) и списком ключевых слов на русском языке, а также **заголовком, аннотацией и списком ключевых слов на английском языке (независимо от языка статьи)**. В аннотации должна быть представлена не только тематика статьи, но и ее новизна, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором.

Ссылки в тексте оформляются в виде сносок под страницей (выполненных автоматически), со сплошной, то есть продолжающейся нумерацией. Маркер сноски – арабская цифра. Алгоритм: *вставка – ссылка – сноска – продолжить – применить ко всему документу – вставить*.

Список использованной литературы дается в алфавитном порядке, начиная с русскоязычных работ. Прилагается также **перевод списка использованной литературы на английский язык**. Помимо перевода, в нем транслитерируется название книги (монографии, журнала, сборника).

Шрифт – Times New Roman, кегль 14. (Кегль подстрочной сноски 10, Times New Roman). Не допускаются ручные переносы.

Указывается развернутый шифр **УДК** статьи.

Сведения об авторах

– фамилия, имя, отчество автора (полностью, буква «ё» не должна заменяться на «е»);

– ученая степень, звание, должность и место работы (с точным названием кафедры и вуза);

– информация о месте учебы аспиранта либо соискательства автора (кафедра, вуз);

– отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;

– наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);

– приблизительное количество научных публикаций: монографий, учебно-методических пособий, статей;

– адрес с почтовым индексом, все возможные средства связи, удобные для быстрого согласования правки (служебный, домашний, мобильный телефоны, факс, e-mail); (отдельно уточните, какой адрес и телефон можно публиковать, а какой дается только для связи и отсылки авторского экземпляра);

– название и шифр специальности (предполагаемой) защиты;

– основные направления научных исследований.

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым косвенно **выражет согласие с ее размещением** на сайте РГУ имени С.А. Есенина, а также **в Российской электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа** через шесть месяцев после публикации статьи и размещения метаданных в НЭБ.

Электронные адреса и контактный телефон

e.ustinova@rsu.edu.ru ; fljournal@rsu.edu.ru
Тел.: 8 (4912) 21-57-23

ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ МОЖНО В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ.
ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ИЗДАНИЯ № 36852 В КАТАЛОГЕ «РОСПЕЧАТЬ»

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал

Выпуск 1 (36)

2016

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е.С. Устинова (английский язык)
Е.В. Игнатова (немецкий язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
А.С. Шмунер (японский язык)

Редактор Н.В. Смурова
Технический редактор Д.А. Филатов

Подписано в печать 04.03.2016. Поз. № 07. Бумага офсетная. Формат 60x84 1/8
Гарнитура Times New Roman, MS Mincho. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 11,04. Тираж 200 экз. Заказ № 175
Дата выхода в свет 16.03.2016. Цена договорная

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Редакционно-издательский центр РГУ имени С.А. Есенина
390000, г. Рязань, ул. Ленина, 20а